

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Е.В. Авдеева

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Иркутск
Издательство БГУ
2015

УДК 343.265.2
ББК 67.408.032
А18

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Издается при финансовой поддержке государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 2706 «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступности» (номер госрегистрации в НИОКР 01201461402).

Рецензенты: д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ И.Я. Козаченко, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.Н. Тарбагаев

Авдеева Е.В.

А18 Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации / Е.В. Авдеева. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. – 166 с.

ISBN 978-5-7253-2878-3

В монографии на основе использования формально-юридического, логического и системно-структурного методов научного познания, всестороннего анализа международно-правовых, региональных и национальных нормативно-правовых актов проводится комплексное исследование процесса универсализации правовых постулатов в сфере обеспечения свободы личности и стандартизации международных принципов и норм в рамках национального законодательства. Пристальное внимание уделяется раскрытию методологических и доктринальных основ свободы личности, ретроспективному анализу становления и эволюции уголовно-правового регулирования свободы личности в национальной системе права.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, слушателей и студентов юридических факультетов и вузов.

УДК 343.265.2
ББК 67.408.032

ISBN 978-5-7253-2878-3

© Авдеева Е.В., 2015
© Издательство БГУ, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Правовые постулаты свободы личности	8
1.1. Методологические и доктринальные основы свободы личности.....	8
1.2. Международно-правовые принципы обеспечения свободы личности и особенности их регионализации	22
1.3. Стандартизация универсальных норм по обеспечению свободы личности в отечественном уголовном законодательстве.....	43
2. Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации	60
2.1. Законодательная регламентация преступлений против свободы личности в Уголовном кодексе РФ	60
2.2. Проблемы квалификации преступлений против свободы личности.....	76
2.3. Основные направления новеллизации механизма уголовно-правовой охраны свободы личности.....	100
3. Правовое регулирование уголовной ответственности за преступления против свободы личности в Российской Федерации	123
3.1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера в механизме уголовно-правовой охраны свободы личности	123
3.2. Освобождение от уголовной ответственности за преступления против свободы личности	140
Заключение	154
Список использованной литературы	159

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация международной жизни, обусловившая последовательную стандартизацию и регионализацию в национальном праве общепризнанных принципов и норм международного права, предопределила актуальность политико-правовых преобразований на внутригосударственном уровне. В условиях обновления государственности «стержнем любой системы правления, заявляющей об уважении верховенства права», как справедливо отмечают ведущие зарубежные специалисты в области прав человека М. Дженис, Р. Кей и Э. Брэдли, является обязанность государства гарантировать право каждого человека на физическую свободу и неприкосновенность личности. Индикатором и мерилom гаранта демократичности государства, основанием отграничения правового государства от полицейского, по мнению члена Комитета ООН по правам человека Р.А. Мюллерсона, следует считать гарантированность и степень реализации свободы личности¹.

Исходя из примата общепризнанных принципов и норм международного права одним из основополагающих направлений в развитии национального законодательства явилось декларирование в Конституции РФ прав и свобод человека как высшей ценности государства. Приведение законодательства РФ в соответствие с универсальными нормами международного права детерминировало оптимизацию уголовно-правовых норм и создание механизма, обеспечивающего безопасность личности и уголовно-правовую охрану естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека.

Новеллизация уголовного законодательства РФ в значительной мере содействовала стабилизации политико-правовой ситуации в сфере обеспечения безопасности и свободы личности. Между тем негативные последствия глобализации, связанные с углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, обострением мировой демографической ситуации, ростом неконтролируемой и незаконной миграции, предопределили дальнейшее наращивание темпов транснациональной и национальной преступности в сфере таких посягательств на незыблемые права и свободы человека как незаконное лишение свободы, похищение человека, использование рабского труда и торговля людьми. По данным ООН, преступле-

¹ Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид лит., 1991. С. 70–71.

ния против свободы личности занимают третье место среди противоправных посягательств на охраняемые международным сообществом и национальным законодательством законные интересы и права человека. Наиболее распространенным преступлением против свободы личности на межгосударственном уровне признается торговля людьми. Доходы организованных преступных групп от незаконной торговли людьми, согласно аналитическим отчетам ООН, составляют до 32 млрд дол. США ежегодно¹.

Криминальная активизация международной жизни в условиях реформирования экономической, социальной и политической систем российского общества, роста безработицы, падения уровня жизни, монополизации сфер экономической деятельности, нивелирования культурных и духовных ценностей, усиления правового нигилизма повлекла рост числа преступлений против свободы личности на внутригосударственном уровне. Характерной тенденцией в 1996–1999 гг. являлось увеличение с 823 до 1 554 числа зарегистрированных случаев совершения похищения человека². В 1999 г. было отмечено увеличение до 1 417 случаев незаконного лишения свободы. Наибольшие показатели преступлений против свободы личности характерны были для Республики Дагестан и Республики Ингушетия.

На 2012 г. одним из самых криминогенных регионов в Российской Федерации был признан Приволжский федеральный округ, в частности Республика Башкортостан, Самарская область и Пермский край. Доля преступлений против свободы личности в Приволжском федеральном округе составляла 23,4 %. Наименьшие показатели преступлений против свободы личности характерны для Дальневосточного федерального округа (4,8 %).

Самым распространенным преступлением против свободы личности в 2012 г. являлось незаконное лишение свободы (48,3 %). Лидирующее положение по регистрации преступлений, предусмотренных ст. 127 УК РФ, занимали Приволжский и Сибирский федеральные округа. Удельный вес зарегистрированных преступлений, связанных с похищением человека, составлял 43,7 %. Наибольшие показатели зарегистрированных преступлений были установлены в Центральном и Приволжском Федеральных округах. Третье место среди зарегистрированных преступлений против свободы личности занимала торговля людьми (6 %), преимущественно характерная для Приволжского и Южного федеральных округов.

¹ Официальный сайт ООН. URL: <http://unstats.un.org/unsd>; www.un.org/ru.

² Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show>.

Доля зарегистрированных преступлений, связанных с использованием рабского труда, составляла 1,5 %. Наибольшее распространение использования рабского труда получило на территории Центрального и Приволжского федеральных округов. Последнее место в системе преступлений против свободы личности занимало незаконное помещение в психиатрический стационар (0,5 %), преимущественно зарегистрированное в Уральском федеральном округе.

Общее число осужденных за преступления против свободы личности составило в 2012 г. 673 человека, из них: 56,9 % были осуждены за похищение человека; 37,9 % – за незаконное лишение свободы; 4,2 % – за торговлю людьми; 0,8 % – за использование рабского труда и 0,2 % – за незаконное помещение в психиатрический стационар. В 1,7 раза последовало увеличение удельного веса направленных в суд уголовных дел по торговле людьми и использованию рабского труда. К лишению свободы за преступления против свободы личности на определенный срок было приговорено 56,1 % осужденных¹.

Анализ показателей зарегистрированных преступлений против свободы личности в период 2013–2015 гг. свидетельствует о неизменной лидирующей позиции такого состава преступления как похищение человека. В 2013 г. количество зарегистрированных случаев похищения человека составило 442 факта. В 2014 г. отмечается снижение количества зарегистрированных деяний на 16,5 % (369 случаев). Согласно официальным статистическим данным в период с января по сентябрь 2015 г. правоохранными органами было зарегистрировано 291 преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ.

В целях противодействия посягательствам на социально значимые интересы, в том числе преступлениям против свободы личности, принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., провозгласившая необходимость дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью². Актуализация модернизации норм гл. 17 Уголовного кодекса РФ, обеспечивающих уголовно-правовую охрану свободы личности, предопределила повышенный интерес к данной проблеме как со стороны законодателя, так и представителей правоохранительных органов, научных

¹ Судебный департамент Верховного Суда РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru>.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: утв. указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

кругов и общественности в целом. При всей многоаспектности проведенных научных исследований в области уголовно-правовой охраны свободы личности в РФ не раскрытыми являются методологические и доктринальные основы законодательной регламентации свободы личности с учетом накопленного отечественного и зарубежного правового опыта. Насущной проблемой следует признать осмысление форм и средств уголовно-правового обеспечения свободы личности исходя из позитивных и негативных тенденций противодействия преступлениям против свободы личности в рамках международного права, региональных и национальных правовых систем.

Особую актуальность в свете происходящих социально-экономических и политико-правовых реформ приобретает повышение эффективности действующего механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в РФ. Ключевым направлением уголовно-правовой политики РФ является разработка оптимальных практических мер по обеспечению безопасности и свободы личности и восстановлению нарушенных законных прав и интересов. Высокий уровень латентности преступлений против свободы личности актуализировал проблемы, возникающие на правоприменительном уровне при квалификации противоправных деяний, посягающих на свободу личности, установлении признаков составов преступлений против свободы личности и оснований отграничения от иных составов преступлений.

1. ПРАВОВЫЕ ПОСТУЛАТЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

1.1. Методологические и доктринальные основы свободы личности

Развитие мирового сообщества на современном этапе характеризуется глобализационными процессами, охватившими все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства в целом¹. Одним из позитивных последствий глобализации международной жизни является универсализация национальных правовых систем, предусматривающая гарантированность общепризнанных принципов и норм международного права в сфере обеспечения естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека. «Общим достижением человеческой цивилизации» признается разработка гарантий права человека на свободу, посильный вклад в создание правовых основ которых внесли народы всего мира².

Определение общеприемлемых для всех государств мира стандартов в области прав человека представляет собой результат длительного правового развития, отличающегося противоречивостью в силу разноуровневости социальной, экономической, политико-правовой систем государств, их цивилизационных особенностей, затрудняющих правовое оформление, признание и реализацию права человека на свободу³.

По мнению известного зарубежного ученого Э. Фромма, «человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы»⁴. Первоначально каждый человек в первобытном обществе выступал индивидуумом, самостоятельно определяющим личным волеизъявлением линию и меру своего поведения. Между тем свобода отдельных индивидов становится угрозой физической безопасности иных членов общества. Вследствие этого закономерным этапом в развитии первобытных обществ явилось установление общепринятых социальных мононорм, регламентирующих меру дозволенного в поведении индивидов посредством введения запретов (табу)⁵. В целях обеспечения физической безопасности личности,

¹ Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид лит., 1991.

² Права человека: сб. универс. и регион. междунар. док. / сост. Л.Н. Шестаков. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 3.

³ Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии). М.: Права человека, 1997; Каргашкин В.А., Лукашева Е.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. / общ. ред. П.С. Гуревича. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 37.

⁵ Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. М.: Наука, 2007. С. 5.

ее свободы и личной неприкосновенности вводится обычай кровной мести, позволяющий применять к нарушителю по принципу талиона («око за око, зуб за зуб») эквивалентные содеянному меры.

Проблема обоснования права человека на свободу закономерно актуализируется в условиях перехода от первобытной организации общества к рабовладельческому государству, сопряженного с законодательным оформлением в странах Древнего Востока режима восточной деспотии, предусматривавшего разграничение общества на две противоположные по статусу свободы категории – рабовладельцев и рабов¹. Вследствие этого под воздействием социально-экономических, политико-правовых, нравственных, идеологических и иных факторов формируется философско-правовая доктрина, характеризующаяся неоднозначными подходами к понятиям «свободы», «личности» и «свободы человека». Герменевтическое толкование текстов древних актов, трудов представителей античной философско-правовой мысли свидетельствует о том, что в условиях рабовладельческой государственности первоначально одним из приоритетных направлений в доктринальной оценке категории свободы являлось признание формализованного в законах «основного деления, относящегося к праву лиц», «закключающегося в том, что все люди суть свободные или рабы»².

Своеобразный перелом в осмыслении свободы, согласно И.С. Кону, происходит в работах древнегреческих мыслителей, когда несмотря на отсутствие понятий «личность» и «воля» человек стал рассматриваться как индивидуальный и целостный субъект деятельности, познающий и совершенствующий себя. По мнению П.П. Павличенко, Д.А. Литвиненко, философская оценка понятия свободы впервые встречается в произведениях софиста Антифонта, который вслед за Демокритом и Гераклитом, подчеркивавшими значимость процесса «познания себя», писал о необходимости преодолеть себя и властвовать над собой⁴. Одним из первых философов, предпринявших попытку осмыслить свободу как правовую категорию, по Л.А. Нудненко, следует считать древнегреческого мыслителя Сократа, указывающего в своих трудах, что свобода человека есть право на господство над собой⁵.

¹ Головистикова А.Н. Права человека: учеб. М.: Эксмо, 2006. С. 25.

² Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 25.

³ Кон И.С. Открытие «Я». М.: Наука, 1978. С. 145–154.

⁴ Павличенко П.П., Литвиненко Д.А. Представления о свободе в истории человечества. Киев: Либра, 2006. С. 70.

⁵ Нудненко Л.А. Конституционные права и свободы личности в России: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2009. С. 15.

Разработка проблемы свободы человека на качественно новом уровне наметилась в XVII–XVIII вв. Одним из основателей «идейно-теоретического фундамента» прав и свобод человека являлся нидерландский юрист и философ Г. Гроций, согласно которому государство предполагает «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»¹. Опираясь на учение Г. Гроция, Т. Гоббс предложил понятие свободы человека как возможности использовать собственные силы по собственному усмотрению ради сохранения своей «Природы»². Конструкция прав и свобод человека, предложенная Т. Гоббсом, предусматривала два подхода к трактовке свободы человека. Первый подход – позитивистский, согласно которому каждый человек действует по принципу «я сам себе хозяин». Вторым подходом – негативным, касающийся проблемы «над чем хозяин» человек и трактующий свободу человека как свободу от каких-либо ограничений.

Особое место в обосновании свободы человека принадлежит английскому мыслителю Дж. Локку, предложившему в работах «Опыт о человеческом разуме» и «Два трактата о государственном правлении» в качестве методологической составляющей свободы человека равенство людей между собой, право каждого человека на жизнь, на свободу действий, на собственность, т. е. на труд и его результаты³. Свобода человека, по Дж. Локку, есть состояние полной свободы в отношении своих действий и распоряжения своим имуществом и личностью, соответственно тому, что они считают целесообразным для себя в пределах закона природы, не спрашивая разрешения кого-либо и независимо от чьей-то воли. Состояние свободы отличается от состояния произвола тем, что люди не имеют права лишать жизни себя и других, наносить ущерб свободе и имуществу других людей.

Исследованию сущности свободы человека посвящены труды голландского философа Б. Спинозы и немецкого мыслителя Г. Лейбница, акцентировавших в своих трудах внимание на воле человека, как основной составляющей детерминации поведения человека⁴. Свобода воли человека исследовалась в работах американского мыслителя И. Аллена, согласно

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Мысль, 1965. С. 46–47.

² Гоббс Т. Избранные произведения. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 362.

³ Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. С. 413–437.

⁴ Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 252; Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 75, 97, 387–391, 452, 506.

учению которого: 1) свобода заключается в способности человека к деятельности; 2) свобода и есть сама деятельность или то, благодаря чему деятельность или действие осуществляется; 3) деятельность человека есть следствие свободы, а свобода – порождающая его причина¹. Определяя границы свободы, И. Аллен указывал на взаимосвязь трех элементов – свободы, деятельности человека и его ответственности за содеянное.

Вклад в развитие доктрины свободы личности внесли французские просветители, в том числе Ш.Л. Монтескье. Развивая идею Дж. Локка о разделении властей как одном из приоритетных направлений по обеспечению реальной свободы, Ш.Л. Монтескье разграничивал физическую и политическую свободу. Если политическая свобода человека заключается в том, что каждый человек вправе говорить то, что думает, то физическая свобода предполагает право делать все, что дозволено законами. Свобода человека в государстве, по Ш.Л. Монтескье, предполагает его безопасность, которая, в свою очередь, гарантируется справедливыми уголовными законами².

Известный французский ученый Б. Констан, являясь приверженцем взглядов Ш.Л. Монтескье, предложил разграничивать свободу человека на две составляющих – свободу личности и экономическую свободу. Свобода личности предполагает личную свободу, в том числе физическую свободу и свободу частной жизни, и свободу политическую, т. е. право человека участвовать в осуществлении законодательной, исполнительной и судебной власти. Дальнейшему развитию правовых постулатов свободы личности послужили труды английского философа И. Бентама (1748–1832). Раскрывая составляющие свободы личности, И. Бентам выделял: 1) экономическую свободу, предполагающую уважение к собственности человека; 2) политическую свободу, предусматривающую предоставление всеобщего, равного избирательного права; 3) свободу личности, включающую наряду с правом лица на физическую свободу и неприкосновенность личности право на свободу религии³.

Выдающееся место в доктринальном оформлении учения о свободе и законодательном закреплении свободы личности занимает известный американский деятель эпохи Просвещения Т. Джефферсон, автор «Декларации независимости» 1776 г., проекта Конституции штата Вирджиния,

¹ Американские просветители: избр. произведения: в 2 т; пер с англ. / под общ. ред. Б.Э. Быховского. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 220–386.

² Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Мысль, 1955. С. 289.

³ Нудненко Л.А. Указ. соч. С. 33.

основные положения которого были использованы при разработке федеральной Конституции США 1787 г. В обнародованном в 1774 г. «Общем обзоре прав Британской Америки», Т. Джефферсон промульгировал идею о происхождении свободы человека из законов природы. На основе данного принципа в Декларации независимости указывалось, что все люди сотворены равными, и все они одарены прирожденными и неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью¹. В этой связи Т. Джефферсон в отличие от концепции Дж. Локка, предусматривающей триаду «жизнь, свобода, собственность», предложил формулу: «жизнь, свобода, стремление к счастью», определив собственность к числу гражданских прав человека.

Либеральный подход к оценке свободы личности получил оформление в работе американского демократа Т. Пэйна «Права человека», посвященной анализу естественных прав человека, главным образом права на жизнь и свободу². Основываясь на взглядах Т. Гоббса о свободе, Т. Пейн предложил расширительное толкование естественных прав человека, которое предполагало недопустимость со стороны государства ограничивать или влиять на жизнь, свободу и имущество граждан. Целью любого общества провозглашалось построение «государства всеобщего благоденствия», политика которого будет направлена на создание условий для достойной жизни человека. Именно в таком государстве, по Т. Пейну, свобода человека подлежит истинной реализации.

Методологическую новизну в разработку современного понимания свободы личности вносит учение И. Канта, который в работе «Критика чистого разума» рассматривал волю человека как детерминанту его поведения. Воля человека, по И. Канту, определяется его разумом и свободна от внешнеприродной казуальности³. Государство признается как объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Рассматривая нравственные и правовые императивы поведения индивида, И. Кант предложил формулу, согласно которой каждый должен поступать так, чтобы «свободное проявление произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом». В этой связи особую роль, как считал И. Кант, приобретает право, призванное гарантировать морали «социальный простор», в котором могла бы реализоваться свобода индивида. Раз-

¹ Американские просветители. Указ. соч. С. 27, 47–50.

² Там же. С. 149–212.

³ Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т. 3. С. 488–493; 1965. Т. 4, ч. 2. С. 139–140, 233–240.

вивая концепцию правового государства, И. Кант писал, что правовым постулатом должно быть разумное законодательство, которое способно сообразовывать свободу каждого со свободой всех членов гражданского общества. Провозглашая идею гражданского равенства перед законом, И. Кант указывал, что свобода каждого индивида должна основываться на законе, а граждане, подчиняясь закону, должны быть свободны от какого-либо внешнего принуждения. Исключив из числа полноправных граждан рабочих, крестьян, домашнюю прислугу, т. е. лиц, материальное состояние которых зависит от воли иных лиц, и, ограничив, таким образом, указанные категории населения в области избирательных прав, И. Кант признал их естественное (гражданское) равноправие по природе.

В XIX в. значительную роль в развитии доктрины свободы личности играли труды основоположников исторического материализма – Ф. Энгельса и К. Маркса. Основываясь на взглядах Г. Гегеля и Б. Спинозы, Ф. Энгельс писал, что свобода, являясь продуктом исторического развития, состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой, в то время как свобода воли предполагает способность человека принимать решения со знанием дела. Из предложенной Ф. Энгельсом и К. Марксом доктрины свободы личности можно выделить следующие гносеологические предпосылки данной правовой категории¹. Прежде всего, это признание объективных законов внешней природы, изначально являющихся фундаментом свободы человека. Немаловажным в развитии концепции свободы личности является обоснование первичности законов природы над законами, создающимися человеческим разумом. В качестве третьей методологической составляющей свободы личности можно выделить тезис о том, что уровень и степень свободы зависит от соотношения познанных и непознанных закономерностей природы и общества.

Одной из тенденций в развитии государств в рассматриваемый период становится активизация внешнеполитической деятельности, направленной на насильственный захват и присоединение иностранных государств и народов Африки, Америки и Австралии, в результате которой особую актуальность приобретает проблема рабства и торговли людьми. В качестве негативных последствий развития капиталистических отношений, по мнению американского ученого Б. Уэстона, становится законодательное оформление «абсолютной концепции индивидуальной свободы»,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 23. С. 727, 761.

послужившей основанием массовой эксплуатации колониальных народов¹. Вследствие этого в прогрессивных общественных и научных кругах нарастает тенденция по противодействию рабству и торговле людьми. Одним из первых ученых, осмелившихся дать правовую оценку государству в области работорговли, был Ф. Лист, который указывал, что торговля людьми есть не что иное как «продажа рабов или приобретение таких с целью продажи»². Раб рассматривался в данном случае как объект вещных прав со всеми вытекающими из этого последствиями. Продажа в рабство квалифицировалась Ф. Листом как разновидность похищения людей, в результате которого человек лишался своего свободного состояния.

Значительную лепту в развитие учения о свободе личности внес известный итальянский ученый Ч. Беккариа. Анализ правового статуса человека был сопряжен с разработкой концептуальных вопросов по обеспечению гарантий свободы личности. По мнению Ч. Беккариа, человеческое общество представляет собой «соединение малейших частей свободы»³. Следовательно, первостепенной задачей государства является «необходимость охранять сокровище общей свободы от захвата отдельных лиц». В основу обеспечения безопасности человека было положено законодательное регулирование механизма уголовно-правовой защиты, главным образом, регламентация преступлений и наказаний за совершение противоправных посягательств на свободу личности. Исходя из этого, Ч. Беккариа предлагал разграничить преступления на две категории: преступления против личности и преступления против вещей. В этой связи особую значимость приобретает определение наказаний и способов их исполнения, так как, по Ч. Беккариа, «чем справедливее наказания, тем неприкосновеннее безопасность человека». Определяя меру воздействия государства за совершение преступлений против свободы личности, Ч. Беккариа писал, что «действия разрушения» устраняются «только такими средствами, которые непосредственно поражают чувства и запечатлеваются в уме», т. е. которые «уравновешивают собой силу впечатлений, производимых личными страстями, идущими вразрез с общим благом». При этом способы исполнения наказаний, «отвращающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем то или другое преступление более противно обществен-

¹ Glaud R.P., Weston B.H. Human Rights in the World Communiti / Philadelphia, 1989. P. 17–18.

² Лист Ф. фон. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М.: Изд-во НИЦ «Инфа», 2013. С. 24, 56, 77.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. И. Соболева. СПб., 1878. С. 26–27, 34–35.

ному благу». Для того чтобы наказание произвело свое действие, достаточно, по мнению Ч. Беккариа, чтобы страдание, причиняемое наказанием, превышало удовлетворение, получаемое от преступления. На основании этого итальянский ученый предложил сохранить за преступления против свободы личности телесные наказания и смертную казнь, равно применяемые с учетом причиненного вреда в отношении всех подданных, включая «знатных и богатых».

Анализ методологических и доктринальных основ правового регулирования свободы человека дан в работе профессора Парижского университета Ф. Люшера, который, отстаивая в своих трудах основополагающие принципы французского конституционализма, указывал на существующие во французском праве различия в раскрытии принципа свободы, выделяя две его составляющие – общее собирательное значение и специфическое применение в отраслях права. По мнению Ф. Люшера, «французская революционная конструкция» свободы человека заключается в разработке правового постулата свободы личности как «принадлежащего человеку права делать все, что не вредит правам человека»¹. В этой связи механизм правового регулирования свободы личности во Франции основывается на разграничении индивидуальной и публичной свободы. Публичные свободы во французском праве подлежат разграничению на три категории: 1) свободу личности, ограниченную рамками действия уголовного закона; 2) публичные свободы, предусматривающие право граждан на «обращение – призыв к публике», в частности свободу ассоциаций, собраний, совести и т. д.; 3) «местные свободы» в рамках административного устройства. Индивидуальная (личная свобода) рассматривается в двух аспектах. Согласно «широкому определению» личная свобода означает «право индивида вести подобающий ему образ жизни», включая право беспрепятственного передвижения (свобода передвижения), право на частную и семейную жизнь, право располагать своим достоянием (собственностью). «Узкое определение» личной свободы человека предполагает физическую свободу человека, включая право человека «жить по своему выбору», право «свободно располагать своим организмом», не причиняя «оскорбления добрым нравам».

Активизация философско-правовой мысли в зарубежных странах, детерминированная консолидацией европейского сообщества в противодействии рабству во всех его проявлениях и формах, закономерно актуа-

¹ Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 81–105.

лизировала отечественную политико-правовую мысль. Однако процесс осмысления права человека на свободу в России в отличие от европейских государств, характеризующихся становлением буржуазно-демократических отношений, носил более консервативный характер, сдерживаемый особенностями монархической формы правления и законодательной регламентацией крепостной формы зависимости. Проблема свободы человека получила освещение в трудах В.Н. Татищева, который, отстаивая позиции естественного права, выделил три формы ограничения свободы. Первой формой ограничения свободы человека является предусмотренная самой природой человеческого бытия власть родителей. Ко второй форме ограничения свободы В.Н. Татищев относил зависимость человека, определяемую договорными отношениями, в частности отношениями найма между хозяином и слугой. Третьей формой ограничения свободы признавалось «принуждение», обусловленное рабством и невольничеством¹. Необходимость создания государственного механизма по обеспечению «священных естественных прав человека» отстаивал в своих трудах А.Н. Радищев. Подчеркивая в «Путешествии из Петербурга в Москву» отсталость крепостной России от западноевропейских цивилизаций, А.Н. Радищев указывал на актуальность восстановления равенства людей от природы и законодательное оформление в национальных правовых актах свободы мысли, слова и деяния².

Существенный вклад в развитие понимания свободы личности внес государственный деятель первой четверти XIX в. М.М. Сперанский. По М.М. Сперанскому, основу правового регулирования общественных отношений составляет субъективное право, которое детерминируется свободой человека, предусматривающей власть человека над самим собой. М.М. Сперанский, признавая приоритет естественного права над позитивным, предложил разграничить права человека на гражданские и политические. К гражданским правам человека М.М. Сперанский причислял права, касающиеся его индивидуальной свободы.

Концептуальные основы свободы личности получили отражение в политических программах декабристов⁴. Так, идеолог Северного общества Н.М. Муравьев в своих проектах, предлагая отменить крепостное право, деление на сословия и ввести звание «гражданина», указывал на

¹ Нудненко Л.А. Указ. соч. С. 38.

² Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 130–177.

³ Сперанский М.М. Проекты и записи. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 123, 158.

⁴ Муравьев Н.М. Сочинения и письма. Иркутск, 2001; Пестель П. Русская Правда: на рус., ит. яз. М.: Прогресс-Академия, 1993.

предоставление личной свободы, свободы слова, совести и передвижения. В развитие данных положений руководитель Южного общества П.И. Пестель предложил разграничить права и свободы граждан на частные, гражданские и политические. К частным правам он относил свободу личности, вероисповедания, печати, промысла. Личная свобода рассматривалась П.И. Пестелем как неприкосновенность личности и жилища. Гражданские права включали право собственности и права, возникающие из договорных обязательств.

Приверженцами концепции естественных прав и свобод человека являлись Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев и П.И. Новгородцев, которые указывали, что в любом государстве независимо от геополитических, социально-экономических, демографических и иных факторов человек имеет право на неотчуждаемые свободы, включая свободу личности и право на собственное достоинство¹. Г.В. Плеханов, обосновывая концепцию свободы личности, писал, что природа человека такова, что он не может не испытывать определенных «хотений»². Человек, по Г.В. Плеханову, свободен тогда, когда он может действовать так, как он хочет. Действовать свободно, значит, не быть орудием достижения чужих целей. Раскрывая в своих трудах психические, логические и теологические детерминанты поведения индивида, Г.В. Плеханов подчеркивал значение науки социологии, призванной решить основополагающую задачу – «понять возникновение целей у общественного человека». В качестве основополагающих критериев разграничения «своих» и «чужих целей» ученый определял «природу человека», связанную с наследственностью и уровнем сознания. Именно от Г.В. Плеханова, по мнению П.П. Павличенко и Д.А. Литвиненко, в марксистской философии пошла традиция слияния вопроса свободы вообще со свободой воли в частности³.

Значительной вехой в развитии доктрины о свободе личности являются труды известного русского философа С.А. Левицкого, согласно которым методологическими составляющими концепции свободы личности следует признать: свободу действия, свободу выбора и, наконец, «проблему самого хотения», как «ядра вопроса о свободе воли». По мнению ученого, свобода действия представляет собой внешнюю характеристику

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999; Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1879; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 2004.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Политиздат, 1956. Т. 2. С. 128.

³ Павличенко П.П., Литвиненко Д.А. Указ. соч. С. 288.

свободы личности и не затрагивает свободы воли. Свобода выбора предполагает мотивацию поведения личности, исходя из существующих внутренних границ его «хотения». Наибольшей проблемой является свобода «хотения», определяемая волей человека¹.

Одним из первых среди русских ученых, предпринявших попытку раскрыть содержание понятия личности, по мнению Л.А. Нудненко, является Н.А. Бердяев². В основу учения Н.А. Бердяева положено разграничение двух статусов человека – как индивида и как личности. Если понятие «индивид» предлагается рассматривать как биологическую и социологическую характеристики человека, то личность следует относить к духовной его составляющей. Личность, по определению Н.А. Бердяева, отличается свободой и независимостью человека в отношении к природе, обществу и государству³.

Становление и развитие отечественной правовой науки предопределило оформление качественно новых подходов к категоризации понятий личной свободы человека и свободы личности. По мнению Е.Н. Тарновского, формирование государства сопровождается «отказом от первобытной свободы». Объединившись в государство, люди принесли в жертву часть своей свободы в целях спокойствия. Остаток первобытной свободы (естественной свободы человека) и составляет права личности. При этом права личности «стоят выше государства», так как ему предшествовали. Подвергнув серьезной критике законодательное закрепление в русском праве крепостного состояния как формы рабства, Е.Н. Тарновский предложил модернизировать закон посредством установления четырех степеней (видов) свободы, а именно: 1) личной свободы; 2) свободы собраний; 3) свободы совести; 4) свободы печати⁴.

Согласно точке зрения исследователя истории русского права XIX в. В.И. Сергеевича, целесообразным является законодательное оформление государством механизма уголовно-правовой охраны таких четырех видов общественно-значимых интересов как: 1) интересов государства; 2) интересов церкви; 3) интересов личности; 4) интересов «семейства и половой

¹ Левицкий С.А. Трагедия свободы / сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2008. С. 26–59.

² Нудненко Л.А. Указ. соч. С. 43.

³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе духа. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, s.d., 1939; Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избр. тр. М., 1999.

⁴ Тарновский Е.Н. Четыре свободы. СПб., 1906. С. 4–18.

нравственности»¹. При этом к социально значимым интересам личности, подлежащим уголовно-правовой защите, В.И. Сергеевич относил жизнь, личную свободу и телесную неприкосновенность.

Проблема уголовно-правовой охраны свободы личности получила освещение в трудах С.В. Познышева, промульгировавшего в качестве приоритетного направления уголовной политики государства «устранение из общественной жизни государства грубой физической силы» и установление механизма «правовой защиты каждого от произвола и насилия других»². По мнению С.В. Познышева, преступления против свободы личности должны занимать более значимое место в Уголовном кодексе, так как «предметом этих преступлений служит свобода действий, свобода определяться к той или иной деятельности или бездействию, свобода избирать себе место пребывания».

Анализ содержания свободы личности как правовой категории получил развитие в работах Л.С. Белогриц-Котляревского, который выделял три формы свободной деятельности: 1) свободное распоряжение человеком органами своего тела; 2) свободное передвижение; 3) свободный выбор деятельности³. И.Я. Фойницкий, развивая данную концепцию, писал, что уголовно-правовая защита свободы личности должна заключаться в ограждении человека от таких посягательств как: 1) «лишение человека права располагать каким-нибудь членом тела»; 2) «лишение права выбора между каким-нибудь действием или бездействием»; 3) «полная потеря свободы в смысле возможности передвижения»; 4) «потеря гражданского состояния», связанная с обращением в рабство⁴. Н.С. Таганцев, исходя из принципов уголовно-правового обеспечения свободы личности, предусмотренных Уголовным уложением Германии 1871 г., предлагал осуществлять классификацию видов «уголовно наказуемой неправды» на основе разграничения преступных посягательств, связанных с угрозой, насилием, самоуправством, заключением и задержанием⁵.

В советский период в основу законодательного оформления преступлений против свободы личности были положены основополагающие

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М.Н. Стасюлевича, 1910. С. 416–417.

² Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного закона. М., 1909. С. 134.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903. С. 374.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: часть особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. С. 84.

⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. С. 51, 105–118, 401–402.

принципы, разработанные доктриной конституционного права и закрепленные в Конституциях Союза ССР и РСФСР¹. Согласно доктринальным положениям «правильный подход к определению свободы личности как правового института» предусматривает «проявление свободы воли человека» в решении предоставленных социально-экономических, политических, интеллектуальных и иных прав. В этой связи систему структурных элементов свободы личности образуют экономическая, политическая и личная свободы человека.

Вопрос о «системе и общей классификации преступных деяний» находился в поле пристального внимания таких видных деятелей как М.Ю. Козловского и Д.И. Курского. Согласно мнению М.Ю. Козловского, посягательства, направленные против личных прав и свобод человека, необходимо объединить в раздел – «Преступления против жизни и здоровья». Что касается позиции по данному вопросу Д.И. Курского, то нормы Особенной части следует разграничивать на одиннадцать разделов. В качестве первого раздела им был предложен раздел «Преступления против личности», в котором законодательному оформлению подлежали такие составы как: посягательства на человеческую жизнь; причинение тяжелых ран и увечий; изнасилование и разбой². Однако в результате развернувшихся в научных кругах активных дискуссий Особенная часть Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривала разграничение преступных деяний на восемь разделов, пятым из которых по последовательности был раздел – «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

Посягательства на личную свободу человека стали предметом научного исследования известного советского ученого А.А. Пионтковского³. К преступлениям против личной свободы А.А. Пионтковский относил посягательства, связанные с умышленным и насильственным принуждением человека к определенному поведению. Насильственное воздействие, по его мнению, предполагает «всякое принуждение к действиям, противоречащее желанию». При этом принуждение может быть как психической угрозой, так и физическим воздействием. Вследствие этого А.А. Пионтковский предлагал разграничить посягательства на свободу личности на

¹ Эбзеев Б.С. Конституционные основы свободы личности в СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. С. 90, 100–104.

² История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во М-ва юст. СССР, 1948. С. 178.

³ Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 82–88.

три группы: 1) принуждение к совершению определенных действий или бездействий; 2) задержание, ограничивающее возможность свободы передвижения; 3) похищение людей с той или иной целью.

Завершая сравнительно-правовой анализ формирования научного представления о сущности и содержании естественного права человека на свободу, необходимо выделить следующие его составляющие. Методологической основой правового регулирования свободы являются формализованные и институционально дефиницированные в зарубежной и отечественной философско-правовой науке категориальные понятия – «свобода», «свобода личности» и «личная свобода человека». В результате эволюции научно-обоснованных представлений о закономерностях становления и развития человеческого общества разработана концепция «абсолютной независимости личности», согласно которой гносеологическими критериями оценки свободы личности являются уровень и степень свободы человека, ограниченной общими закономерностями природы и законами, созданными человеческим разумом. Свободное состояние человека признается первоначальным состоянием, предшествующим образованию всякого политического союза. Личность определена как индивидуальный и целостный субъект разумной и целенаправленной деятельности, детерминированной его волей. Философско-правовая концепция свободы личности предусматривает свободу определения человеком действия, распоряжения собой и бездействия независимо от внешних принуждений, свободу выбора индивидуумом мотивации поведения и свободу воли человека как детерминанты его поведения.

Эволюция научно-философского представления о свободе человека послужила основой для формирования правовых постулатов о свободе личности и личной свободе человека. Доктринальная правовая конструкция свободы человека характеризуется многообразием подходов, расширительным толкованием и различной институционализацией в национальных правовых системах. Общее собирательное значение правового постулата свободы человека означает принадлежащее человеку право делать все, что не вредит правам и интересам человека, общества и государства. Свобода личности предполагает действие (бездействие) правосубъектного лица в пределах ограниченной правами человека, интересами общества и государством меры дозволенного. Методологическими составляющими свободы личности признаны личная, политическая и экономическая свободы. Личная свобода включает физическую свободу, предусматривающую свободный выбор деятельности (бездействия) и свободу распоряжения ор-

ганами своего тела. Вследствие этого предметом уголовно-правового регулирования свободы личности является субъективное право, детерминирующее свободу человека, предусматривавшую его власть над самим собой, свободу от внешнего принуждения, рабства и невольничества.

1.2. Международно-правовые принципы обеспечения свободы личности и особенности их регионализации

Осмысление в рамках философско-правовой мысли методологических основ правового статуса человека, предопределившее последовательное доктринальное оформление в трудах английских, немецких, французских, итальянских и американских просветителей концепции естественного права, предусматривающей незыблемость свободы и личной неприкосновенности, равенства каждого перед законом и судом независимо от возраста, пола, расы, языка, национальности, рода деятельности, места жительства, происхождения, имущественного и должностного положения, детерминировали законодательную регламентацию данных институтов в рамках национальных и региональных правовых систем¹.

Наметившаяся активизация международной жизни, последовательная глобализация социально-экономических и политико-правовых процессов предопределили разработку международных актов, институционализировавших естественные права человека в качестве правовых постулатов, т. е. универсальных основополагающих принципов, являющихся общеобязательными в рамках национальных правовых систем, подлежащих обеспечению средствами международной и внутригосударственной защиты².

Вместе с тем следует отметить, что процесс разработки международных стандартов в области обеспечения свободы человека носил длительный и противоречивый характер в силу сложившейся разноуровневости социально-экономических и политико-правовых систем, транслирующих плюралистичность правовых, религиозных и культурных ценностей. В результате эволюции национальных правовых систем был накоплен значительный правовой опыт, ставший основой для разработки международно-правовых актов, обеспечивающих реализацию права человека на свободу.

Существенное значение для становления принципа свободы человека имела предпринятая в средние века юридизация естественных прав и

¹ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 37–45.

² Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Указ. соч.; Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека российское законодательство. М.: НИМП, 2001; Мюллерсон Р.А. Указ. соч.

свобод в законодательстве стран Западной Европы, отличающаяся от законодательства античных государств, регламентировавших право на физическую свободу и неприкосновенность лишь в отношении исключительных категорий населения, обладавших привилегиями¹.

Законодательная регламентация принципа свободы человека впервые была предпринята в Англии, промульгировавшей в ст. 39 Великой хартии вольностей 1215 г., что ни один свободный человек не мог быть арестован, или заключен в тюрьму иначе как по законному приговору и по закону страны². Дальнейшая детализация права человека на свободу привела к принятию в 1679 г. Акта о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Amendment Act), устанавливающего процессуальные гарантии физической свободы и личной неприкосновенности. В развитие данных положений в 1689 г. был принят Билль о правах 1689 г. (The Bill of Rights), предусматривавший меры противодействия незаконному задержанию лица. Значительный вклад в юридизацию права человека на свободу внесло принятие в 1701 г. Акта о дальнейшем ограничении Короны и лучшем обеспечении прав и вольностей подданного (Act of Settlement), на основании которого законодательному оформлению подлежали «прирожденные права» народа, послужившие основанием для принятия в 1807 г. Закона о запрете работорговли³.

Гарантии права человека на свободу нашли отражение в принятой 4 июля 1776 г. Декларации независимости Соединенных Штатов Америки, в качестве основных правовых постулатов американского конституционализма провозгласившей безопасность личности от любых посягательств государства и соблюдение неотчуждаемых прав и свобод человека в частности права на жизнь, свободу и стремление к счастью. В дополнение к Конституции США 1787 г., основополагающим принципом которой признавалось закрепление за народом «блага свободы», в 1789 г. был принят Билль о правах, декларирующий свободу индивида как свободу от любого, в том числе государственного вмешательства в сферу автономии человека, а именно свободу совести, печати, собраний, митингов и т. д., неприкосновенность личности, недопустимость необоснованных обысков

¹ Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 24–29.

² Международные акты о правах человека / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева: сб. док. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2002. С. 4.

³ Горбань Е.Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. С. 10.

и арестов, а также рабства и подневольной работы¹. Согласно ратифицированной в 1791 г. пятой поправке к Конституции Соединенных Штатов, никто «не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства».

Законодательному оформлению международной доктрины в сфере обеспечения права человека на свободу содействовало принятие Францией в 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, согласно ст. 1 которой люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах. Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вред другому человеку. Пределы свободы могут быть определены только законом, который запрещает лишь действия, вредные для общества (ст. 5). Никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом. Никто не может подвергаться задержанию иначе как в случаях, предусмотренных законом (ст. 7)².

Вместе с тем активизация социально-экономического и политико-правового сотрудничества актуализировала проблему унифицирования правовой политики государств в сфере реализации права человека на свободу.

Первые попытки на межгосударственном уровне по универсализации права человека на свободу, по мнению члена Комитета ООН по правам человека Р.А. Мюллерсона, были предприняты в ходе работы Венского конгресса 1815 г., результатом которого явилась разработка общих правил по ограничению «торговли невольниками»³. Вопросы «торговли невольниками» находились в поле пристального внимания участников делегаций от Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России Аахенского конгресса в 1818 г., признавших торговлю неграми преступной на международном уровне. Результатом плодотворного международного сотрудничества стало подписание участниками Аахенского конгресса в 1848 г. договора, содержащего практические меры, предоставляющие военным судам государств-участников право обыска судов, используемых для «торга людьми» в пределах Атлантического и западной части Индийского океанов, и освобождения невольников от рабства. Вклад в разработку международных средств обеспечения свободы человека внесла деятельность 16 государств-участников Берлинской конференции 1884–1885 гг., признавших противодействие рабству и работорговле в качестве одной из злободневных проблем в Центральной Африке и закрепивших в Генеральном

¹ Международные акты о правах человека. С. 23–25.

² Там же. С. 30–32.

³ Мюллерсон Р.А. Указ. соч. С. 27.

акте решение об установлении запрета на использование территории бассейна реки Конго в качестве рынка чернокожих рабов¹.

В ходе работы Брюссельской конференции 1889–1890 гг. был принят Генеральный акт, подтверждающий намерение подписавших его сторон «положить конец преступлениям и опустошениям, порожденным торговлей африканскими рабами» посредством: создания в Занзибаре Международного морского бюро по сбору сведений и документов по вопросам работорговли; учреждения в Брюсселе Специального бюро по обмену законами и статистическими данными; включения в «подозрительный пояс» Персидского залива, Красного моря и формирования специальных военных постов для блокировки дорог, по которым осуществлялась незаконная перевозка рабов². На пресечение торговли белыми рабынями были направлены Международный договор от 18 мая 1904 г. и Международная конвенция от 4 мая 1910 г. В 1919 г. была подписана Сен-Жерменская конвенция, подтвердившая решимость международного сообщества «добиться отмены рабства во всех его формах, работорговли на суше и на море». Противодействию распространения указанных деяний была посвящена Международная конвенция от 30 сентября 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми, заключенная под эгидой Лиги Наций.

Анализ вышеуказанных международных актов позволяет заключить, что одной из актуальных проблем обеспечения свободы человека являлось противодействие торговле людьми. Однако принимаемые в указанной сфере решения, как правило, носили преимущественно декларативный характер. Вследствие этого требовалось принятие международно-правовых актов, имеющих прикладное значение. Реализации международных договоров по обеспечению свободы человека послужило создание 12 июня 1924 г. Советом Лиги Наций Временной комиссии о рабстве и подписание по итогам работы данной комиссии в Женеве 25 сентября 1926 г. Конвенции о рабстве, декларирующей комплекс мер «практического осуществления намерений в отношении рабства»³. В соответствии с нормами международного права под рабством следовало понимать «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности». Работорговлю, согласно Конвенции, надлежало квалифицировать как: 1) «действия, связанные с

¹ Микулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ, 2006. С. 37.

² Мюллерсон Р.А. Указ. соч С. 28.

³ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 525.

захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство»; 2) «действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью»; 3) «всякое действие по торговле или перевозке рабов».

В целях противодействия использованию принудительного труда на Генеральной конференции Международной Организации Труда 28 июня 1930 г. была принята Конвенция № 29 «О принудительном или обязательном труде». В соответствии с Конвенцией 1930 г. принудительный труд подразумевал «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». При этом термин «принудительный или обязательный труд» не включал в себя: 1) «работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе и применяемую для работ чисто военного характера»; 2) «работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей граждан»; 3) «работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа»; 4) «работу, требуемую в условиях чрезвычайных обстоятельств»; 5) «мелкие работы общинного характера, т. е. выполняемые для прямой пользы коллектива членами данного коллектива»¹. В качестве исключения предусматривалось использование принудительного труда в переходный период для государства.

Определенную лепту в развитие международного сотрудничества по противодействию работорговле внесла подписанная 11 октября 1933 г. в Женеве Международная Конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами, предусматривавшая консолидацию государств посредством установления уголовной ответственности за «торговлю женщинами и детьми, склонение, вовлечение или соращение женщины, или совершеннолетней девицы, хотя бы и с ее согласия для разврата за границей, даже если отдельные действия, являющиеся частями этого преступного действия были совершены в различных странах». Согласно положениям Международной конвенции 1933 г., наказуемыми признавались как покушение на совершение преступления, так и совершение подготовительных к нему действий.

Последовательная универсализация норм по обеспечению свободы человека на международном уровне предопределила принятие Устава ООН, одной из целей которого признавалось сотрудничество государств в «поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свобо-

¹ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 536–546.

дам». В соответствии со ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, принятой и провозглашенной резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г., артикулировалось, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах; наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». На основании ст. 4 Всеобщей декларации прав человека «никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах»¹.

Основные направления противодействия рабству и работорговле на международном уровне, предусматривавшие практические рекомендации по принятию мер по координации и централизации наблюдения за контролерами по найму труда, установлению контроля в отношении иммиграции и эмиграции, получили раскрытие в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, одобренной резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 г. и вступившей в силу 25 июля 1951 г.

Значительной вехой в разработке межгосударственных средств по обеспечению свободы человека является подписание 4 ноября 1950 г. в Риме Конвенции о защите прав человека и основных свобод². Принимая во внимание, что целью Совета Европы является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод, Конвенция 1950 г. в развитие положений Конвенции МОТ 1930 г. детализировала правовые основы противодействия рабству, подневольному состоянию, принудительному и обязательному труду³. На основании ст. 4, 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый человек имеет право на свободу; никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленных законом, в том числе законное содержание лица под стражей после его осуждения компетентным судом и законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда; каждый, кто стал жертвой ареста или задержания, имеет право на компенсацию причиненного вреда; никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.

¹ Горшкова С.А. Указ. соч. С. 272.

² В России Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. вступила в силу 5 мая 1998 г.

³ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 39.

Анализ универсальных принципов, установленных Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., позволил заключить, что право человека на свободу предполагает «индивидуальную свободу в классическом смысле», т. е. физическую свободу лица. В соответствии с комментарием, данным Г.Р. Шайхутдиновой, если состояние рабства предполагает признание человека «собственностью хозяина», то «существенная черта» подневольного состояния заключается в том, что оно осуществляется против воли лица в обстоятельствах, когда оно не имеет подлинной свободы выбора»¹.

30 апреля 1957 г. вступила в силу принятая на Конференции полномочных представителей Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Определяя различные формы зависимости, сходные с рабством, Конвенция 1957 г. закрепляла отмену: 1) «долговой кабалы, возникающей вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен»; 2) «крепостного состояния, т. е. пользования землей, при котором пользователь обязан жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, выполнять определенную работу для такого другого лица за вознаграждение или без такового и не может изменить это свое состояние»; 3) «любого института или обычая, в силу которых женщину выдают замуж без права отказа с ее стороны за вознаграждение или натурой; муж жены или его семья имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу; ребенок моложе восемнадцати лет передается родителями или опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации ребенка или его труда»².

25 июня 1957 г. Генеральной конференцией МОТ была принята Конвенция об упразднении принудительного труда, призванная усилить эффективность мер для «немедленной и полной отмены» различных видов состояния, «аналогичного рабству». Признание на международном уровне права детей на «особую защиту и помощь» инспирировало принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г. Декларации прав ребенка, провозгласившей в п. 9 необходимость предотвращения «всех форм

¹ Шайхутдинова Г.Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к отдельным статьям. Казань: РИЦ «Школа», 2000. С. 20.

² Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 531–532.

небрежного отношения, жестокости и эксплуатации» и недопустимость признания ребенка «объектом торговли в какой бы то ни было форме».

В целях эффективного правового обеспечения свободы личности резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. была принята Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, промульгирующая всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека без различия расы, пола, языка и религии. Признавая теорию расового превосходства в научном отношении – ложной, в моральном – предосудительной, в социальном – несправедливой и опасной, в правовом – угрозой нарушения мира и безопасности человека, Международная конвенция 1965 г. устанавливает недопустимость дискриминации людей и запрет расовой сегрегации.

На оптимизацию средств правовой защиты свободы человека было направлено принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах. Развивая принципы, провозглашенные Уставом ООН, Международный пакт 1966 г. особое внимание концентрирует на создании «необходимых условий для человеческой личности, пользующейся в полном объеме экономическими, социальными, культурными, гражданскими и политическими правами»¹. В этой связи Международный пакт 1966 г. в ст. 9 декларирует, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность», «никто не должен быть лишен свободы иначе как на основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом». На основании ст. 8 Международного пакта 1966 г. «никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах; никто не должен содержаться в подневольном состоянии»².

Особый вклад в разработку международных средств по обеспечению свободы личности внесла принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 г. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин³. Признав дискриминацию в отношении женщин преступлением против человеческого достоинства, Декларация 1967 г. в ст. 8 предписывает принятие всех надлежащих, в том числе законодательных мер для пресечения всех видов торговли женщинами и использования проституции. Пристальное внимание правовому обеспечению свободы

¹ Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 384.

² Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 55.

³ Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: сб. док. / сост. В.С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 103–146.

личности на международном уровне было уделено в принятой Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, устанавливающей недопустимость апартеида, расизма, неокOLONиализма, торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин¹.

В развитие норм по обеспечению безопасности личности 17 декабря 1979 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была принята Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, обозначившая необходимость развития международного сотрудничества между государствами в разработке и принятии эффективных мер для предупреждения, преследования и наказания за совершение всех видов захвата заложников как проявления международного терроризма. В соответствии с Конвенцией под захватом заложников предписывалось подразумевать акт, совершаемый любым лицом, которое захватывает или удерживает другое лицо (заложника) для того, чтобы заставить третью сторону, а именно государство, международную или межправительственную организацию, физическое или юридическое лицо, группу лиц совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника.

Следующим универсальным актом по обеспечению свободы личности на международном уровне является принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Конвенция о правах ребенка, в соответствии с которой государства-участники обязывались создать национальный механизм защиты ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (ст. 34). На основании ст. 32 Конвенции о правах ребенка исключалась возможность использования детей в целях экономической эксплуатации. Кроме того, государства-участники обязывались принимать все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли детьми и их контрабанды в любых целях и в любых формах и обеспечивать охрану ребенка от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту его благосостояния (ст. 35, 36)².

Немаловажную роль в создании международного механизма по обеспечению свободы и безопасности личности сыграло принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г. Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений. Согласно ст. 1 Декларации любой акт насильственного исчезновения признается «вопиющим нару-

¹ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 251.

² Там же. С. 326–327.

шением права на признание правосубъектности личности, права на свободу и безопасность личности, а, следовательно, особо тяжким преступлением». Государства призывались к развитию сотрудничества по предотвращению и искоренению практики насильственных исчезновений посредством принятия на национальном и региональном уровнях комплекса мер законодательного, административного и судебного характера.

Универсальность принципа свободы личности получила признание на проходившей 14–25 июня 1993 г. в Вене (Австрия) Всемирной конференции по правам человека, в ходе которой 7000 представителей от 171 страны декларировали, что международное сообщество, несмотря на различие политико-правовых и социально-экономических систем, правовых традиций, религиозных и духовных ценностей, должно относиться к правам человека глобально, т. е. с равным подходом и пониманием¹. Провозгласив «человеческую личность центральным субъектом прав человека и основных свобод» и придав, по мнению Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали, «новый импульс деятельности международного сообщества» по разработке «нового взгляда на глобальные действия в области прав человека в следующем веке», участники Всемирной конференции 25 июня 1993 г. приняли акты, содержащие «эффективные международные меры, с тем чтобы гарантировать и контролировать соблюдение стандартов в области прав человека и обеспечивать эффективную правовую защиту в случае их нарушения». Пристальное внимание участников Всемирной конференции было сконцентрировано на «защите прав женщин и девочек», недопустимости «насилия по признаку пола и всех форм сексуального домогательства и эксплуатации, включая те из них, которые проистекают из культурных предрассудков и незаконной международной торговли женщинами, насильственного исчезновения людей».

В соответствии с Венской декларацией и Программой действий в Пекине 4–15 сентября 1995 г. четвертой Всемирной конференцией по положению женщин была принята Пекинская декларация, призывающая государства безотлагательно всеми соответствующими способами осуществить комплекс мер, направленных на ликвидацию всех форм дискриминации в отношении женщин. Заявляя о «своей безоговорочной приверженности делу устранения этих ограничений и препятствий», участники Пекинской конференции подчеркивали актуальность активизации усилий и практической работы по достижению целей Найробийских перспективных стратегий в области улучшения положения женщин.

¹ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 37–45.

Масштабность роста преступлений против свободы личности предопределила подписание на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 г. Римского Статута Международного уголовного суда, на основании которого к преступлениям международного характера были отнесены геноцид, военные преступления и преступления против человечности, в том числе насильственное исчезновение людей¹. Следующей мерой по обеспечению свободы человека явилось подписание 15 ноября 2000 г. в г. Палермо (Италия) в дополнение к Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности Протокола № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее.

В преамбуле Протокола № 2 было отмечено, что для принятия эффективных мер по предупреждению торговли людьми, особенно женщинами и детьми, необходим всеобъемлющий международный подход, направленный на борьбу с данным социально-правовым явлением, предоставление защиты и оказание помощи жертвам при полном уважении прав человека. В ст. 3 Протокола № 2 детализации подлежала дефиниция торговли людьми, которая охватывала осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой, ее применения либо других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

20 декабря 2006 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была принята Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, декларирующая, что «никто не может подвергаться насильственному исчезновению», а следовательно, никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием насильственного исчезновения. В развитие положений ранее принятых международных актов Конвенция 2006 г. установила дефиницию, согласно которой насильственным исчезновением следует считать арест, задержание, похи-

¹ Римский Статут Международного уголовного суда вступил в законную силу 01.07.2002 г. Россия подписала Римский Статут 13 сентября 2000 г., но до настоящего времени не ратифицировала его.

щение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона.

На совершенствование мер обеспечения свободы человека было направлено принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 30 июля 2010 г. Глобального плана действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми¹. Подтверждая «приверженность ликвидации такого отвратительного преступления, каким является торговля людьми, особенно женщинами и детьми», государства декларировали «налаживание партнерских отношений для расширения координации и сотрудничества» по противодействию указанной противоправной деятельности. В соответствии с Глобальным планом основным направлением в деятельности государств – членов ООН признается принятие комплекса мер по предупреждению торговли людьми, устранению социальных, экономических, культурных, политических причин совершения преступления, а также ликвидации таких факторов как нищета, безработица, неравенство, чрезвычайные гуманитарные ситуации, включая вооруженные конфликты и стихийные бедствия, сексуальное насилие, дискриминация по признаку пола и социальная изоляция и маргинализация, а также обстановка терпимости к насилию в отношении женщин, молодежи и детей.

Противодействие преступлениям против свободы личности по Глобальному плану ООН предусматривает: проведение на внутригосударственном уровне сбора дезагрегированных данных для надлежащего анализа характера и масштабов проблемы торговли людьми; увеличение числа информационно-разъяснительных кампаний, активизацию просветительской деятельности, эффективное использование привлечения средств массовой информации с ориентацией воздействия на лиц, которые могут стать жертвами торговли людьми; содействие укреплению партнерского сотрудничества на национальном, двустороннем, субрегиональном, региональном и международном уровнях, особенно между странами происхождения, транзита и назначения в деле борьбы с торговлей людьми. В дополнение к Глобальному плану действий Организации Объединенных

¹ Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми. URL: [http:// www.un.org/ru](http://www.un.org/ru).

Наций по борьбе с торговлей людьми в 2010 г. в рамках Глобальной инициативы по борьбе с торговлей людьми (ГИБТЛ) экспертной группой Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК) было разработано Пособие по оценке потребностей в отношении уголовно-правовых мер борьбы с торговлей людьми.

Разработка универсальных стандартов в области защиты свободы личности предопределила регионализацию международно-правовых актов, обусловившую принятие с учетом особенностей цивилизационно-исторического развития, сложившихся правовых, культурных, этнических и религиозных особенностей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американской конвенции о правах человека 1969 г., Африканской хартии прав человека и прав народов 1981 г., Исламской декларации прав человека 1990 г., Арабской хартии прав человека 1999 г.¹.

Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная в Риме членами Совета Европы 4 ноября 1950 г., в целях «достижения большего единства» европейских государств по консолидации усилий в борьбе за обеспечение свободы человека и противодействие рабству во всех его формах и проявлениях предусматривала принятие ряда практических мер, в том числе учреждение Европейской комиссии и Европейского суда по правам человека². Американская конвенция о правах человека, принятая 22 ноября 1969 г., декларировала консолидацию американских государств по обеспечению в рамках национальной юрисдикции гарантий физической, духовной и моральной целостности человека; недопустимость рабства или подневольного состояния и создание Межамериканской комиссии и Межамериканского суда по правам человека³. Африканская хартия прав человека и народов, подписанная на встрече глав государств – членов ОАЕ 26 июня 1981 г., подтвердила единство в искоренении всех форм колониализма в Африке путем образования Африканской комиссии по правам человека и народов⁴.

26 апреля 1997 г. в Гааге с целью решения актуальных проблем противодействия торговле женщинами с целью их сексуальной эксплуатации была проведена Конференция стран-участников Европейского содружества, на которой была принята Декларация, содержащая рекомендации по

¹ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 37–45.

² Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Международные акты о правах человека. С. 867–886.

³ Права человека / сост. Л.Н. Шестаков. С. 143–146.

⁴ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 887–905.

повышению эффективности мер по предотвращению преступлений против свободы личности и оказанию в соответствии с нормами европейского и национального права необходимой помощи и поддержки жертвам данных преступлений. Вопрос обеспечения свободы человека занимает центральное место в принятой 18–19 ноября 1999 г. в Стамбуле в ходе работы глав государств и правительств государств – участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) Хартии европейской безопасности, предусматривающей реализацию мер по ликвидации всех форм дискриминации женщин и детей, а также сексуальной эксплуатации и всех форм торговли людьми путем унификации законодательства относительно привлечения виновных к ответственности и усиления защиты потерпевших.

Немаловажную роль в определении стратегии противодействия преступлениям против свободы человека на региональном уровне играет вступившая в силу 11 августа 1998 г. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, декларирующая право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, недопустимость содержания человека в рабстве или в подневольном состоянии и принуждения к принудительному или обязательному труду. 25 ноября 2005 г. в развитие положений Конвенции было подписано «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека», в котором, принимая во внимание положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и дополняющих ее Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 г. и Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15 ноября 2000 г., была определена «согласованная стратегия» и комплекс совместных мер правового, социально-экономического, информационного и иного характера в борьбе с торговлей людьми, ликвидации причин и условий, способствующих ее возникновению, а также защите жертв торговли людьми и их реабилитации.

В целях создания эффективного механизма противодействия преступлениям против свободы личности 3 апреля 2008 г. странами СНГ был принят Модельный закон о противодействии торговле людьми, устанавливающий правовые и организационные основы международного сотрудничества государств – участников Содружества, а также «законодательные гарантии осуществления указанной деятельности в сфере противо-

действия торговле людьми на основе унификации и гармонизации законодательств государств»¹. В качестве приоритетных направлений противодействия преступлениям против свободы человека Модельный закон определяет: разработку комплекса организационно-правовых и процессуальных гарантий защиты личности; унифицирование основных юридических терминов, используемых при правовом регулировании общественных отношений в сфере противодействия торговле людьми; инкорпорирование в законодательство государств общепризнанных международно-правовых принципов юридической ответственности физических и юридических лиц за правонарушения, связанные с торговлей людьми; определение карательной политики в сфере противодействия торговле людьми, пределов и объема криминализации и пенализации связанных с ней общественно опасных деяний; объединение усилий государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, негосударственных, в том числе международных организаций, средств массовой информации и граждан.

Разработка единого понятийного аппарата предусматривает законодательную регламентацию определения понятия «рабства», «крепостного состояния», «положения (состояния), сходного с рабством», обращения и (или) удержания в рабстве или подневольном состоянии», «сексуальной эксплуатации человека», «детской порнографии», «детской проституции», «детского секс-туризма» и др. Во избежание преступлений, связанных с торговлей людьми, артикулируется необходимость консолидации мер политического, социально-экономического, информационного, образовательного, правового, процессуального, оперативно-розыскного и иного характера; создания специализированных правоохранительных служб, централизованной системы оперативно-розыскных подразделений (служб) органов внутренних дел; взаимодействия государственных органов с общественными объединениями, международными и иными неправительственными организациями в сфере противодействия торговле людьми; общественного контроля за деятельностью в сфере противодействия торговле людьми; мониторинга ситуации в сфере торговли людьми, обеспечения полного и своевременного выявления, учета и регистрации преступлений в указанной сфере.

Установление общепризнанных норм, гарантирующих незыблемость права человека на свободу на международном и региональном

¹ Бюллетень МПА СНГ. 2008. № 42.

уровнях, потребовало оформления данных институтов в рамках национального законодательства. Характеризуя процесс законодательной регламентации преступлений против свободы человека в уголовном праве зарубежных государств, можно определить следующую тенденцию. Создание механизма уголовно-правовой охраны свободы человека на национальном уровне сопровождалось законодательным оформлением традиционных составов преступлений – незаконное лишение свободы, похищение человека, незаконное помещение в психиатрический стационар, захват заложника, незаконные задержание и заключение под стражу, незаконное содержание под стражей, торговля людьми и эксплуатация человека человеком.

Вместе с тем, несмотря на универсализацию принципов уголовно-правовой охраны свободы человека, в уголовном законодательстве ряда зарубежных государств можно выделить существенные особенности. Так, например, Уголовный кодекс Франции в Книге 2 «О преступлениях и проступках против человека» содержит раздел 2 «О посягательствах на человеческую личность», в рамках которой размещена глава 2 «О посягательствах на свободу человека», предусматривающая ответственность за похищение, незаконное задержание человека, незаконный арест или незаконное лишение свободы другого лица (ст. 224-1)¹. При этом УК Франции не выделяет самостоятельный состав – захват заложника и квалифицирует данное деяние как незаконное лишение свободы человека в целях получения выкупа или выполнения другого условия. Кроме того, в рамках главы о должностных преступлениях размещена статья, устанавливающая ответственность за посягательства на индивидуальную свободу, совершаемые представителями власти. Нормы, регламентирующие ответственность за угрозу свободе личности, размещены в главах, посвященных посягательствам на физическую и психическую неприкосновенность личности. К преступлениям против человечества относится состав, регламентирующий уголовную ответственность за обращение в рабство (ст. 212-1).

Уголовный кодекс ФРГ, основываясь на правовых традициях Уголовного уложения 1871 г. и принимая во внимание сложившееся в немецкой правовой науке деление преступлений против свободы личности на четыре вида – похищение людей; заключение, задержание; принуждение и угроза, в разделе XVIII Особенной части «Преступные деяния против свободы личности» разграничивает такие составы как захват человека (§ 234); насильственный увоз людей за границу (§ 234 а); похищение

¹ Уголовный кодекс Франции. URL: <http://www.constitutions.ru>.

несовершеннолетних (§ 235); торговля детьми (§ 236); лишение свободы (§ 239); похищение человека с целью вымогательства (§ 239 а); захват заложников (§ 239 б); принуждение (§ 240); угроза совершением преступления (§ 241); взятие под подозрение по политическим мотивам (§ 241 а). При этом УК ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за «тяжкий случай торговли людьми», связанный с вынуждением к сексуальным действиям в чужой стране посредством вербовки путем обмана, против воли, с применением насилия, угроз причинения тяжкого вреда здоровью, похищения лица (§ 181), а также сутенерство, т. е. эксплуатацию в своих целях лица, занимающегося проституцией (§ 181 а)¹.

Примечательной является норма о принуждении, предусматривающая противоправную деятельность, связанную с подавлением воли человека путем использования запрещенных средств влияния, таких как насилия или угрозы причинения ощутимого вреда². Лишение свободы признается по уголовному законодательству ФРГ более опасным, чем принуждение преступлением, так как в результате насильственных действий или ухищрений личная свобода человека «стеснена наиболее жестким образом» и человек лишен возможности к свободному передвижению. Обращает на себя внимание тот факт, что УК ФРГ, устанавливая ответственность за торговлю людьми, связанную с эксплуатацией проституции, не относит их к преступлениям против личной свободы человека (§ 180, 180 б, 181).

Рассматривая особенности уголовно-правового регулирования преступлений против свободы человека в законодательстве государств, относящихся к англо-саксонской правовой семье, на примере Свода законов США стоит отметить детальную регламентацию «киднепинга», предусматривающего «незаконный захват, заключение, заманивание, похищение, перевозку, вынос или удержание лица с помощью насилия или обмана, удерживание его с целью выкупа или вознаграждения» (§ 1201)³. В развитии федерального законодательства о похищении человека Уголовный кодекс штата Нью-Йорк определяет похищение первой степени (квалифицированное похищение), предполагающее: наличие у виновного намерения «заставить третье лицо уплатить или предоставить в виде выкупа деньги или имущество либо осуществить другое конкретное поведе-

¹ Уголовный кодекс ФРГ. URL: <http://www.constitutions.ru>.

² Снахова М.Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. С. 57.

³ Свод законов США. URL: <http://www.constitutions.ru>.

ние или воздержаться от его осуществления»; удерживание похищенного более 12 часов с целью причинения ему телесного повреждения либо совершения насилия над ним, или оскорбления его в половом отношении; похищение, совершенное в целях помешать осуществлению государственных или политических функций; наступление смерти потерпевшего во время похищения или до того, как его возвратят (§ 135.25). Уголовный кодекс штата Калифорния, детализируя федеральное законодательство, виновным в совершении похищения человека признает: лицо, которое насильно или любым другим способом, вселяющим страх, похитит, задержит, удерживает любое лицо в данном штате либо перевезет его в другую страну; лицо, которое уговаривает, привлекает фальшивыми обещаниями ребенка до 14 лет выехать из страны (§ 207 a, b).

Определенную специфику имеет классификация и содержание составов, предусмотренных гл. 77 титула (раздела) 18 «Пеонаж и рабство» Свода законов США и устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на свободу человека, связанные с сексуальной эксплуатацией и прочими сексуальными злоупотреблениями, в том числе сексуальной эксплуатацией детей (§ 2251); продажей или покупкой детей (§ 2251 a); определенной деятельности, имеющей отношение к сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (§ 2252); деятельностью по ввозу в США детей для целей сексуальной эксплуатации (§ 2260).

В контексте принятого Сенатом США 11 сентября 2000 г. закона, направленного на защиту жертв домашнего насилия и торговли людьми (Trafficking Victims Protection Act of 2000), законодательной детализации подлежали: обращение в рабство путем похищения или увоза какого-либо лица с намерениями продажи его в подневольную службу или содержания его в качестве раба; содержание в рабских условиях, похищение, привлечение для последующей продажи в рабство и прочие деяния, так или иначе связанные с рабским статусом или институтами, сходными с рабством (§ 1584); введены параграфы, посвященные ответственности за принудительный труд; за использование схемы, плана или модели поведения, позволяющей предположить возможность того, что если лицо не выполнит работу или не окажет услуги, то этому лицу или иному будет причинен существенный вред или физические ограничения (§ 1589); за торговлю в целях пеонажа, рабства, рабского или принудительного труда, рассматривая в данном случае противодействие рабству и сходным с ним институтам, обеспечивающим труд или оказание услуг, рекрутирование, укрывательство, транспортирование, обеспечение или получение труда или услуг

(§ 1590); торговлю детьми в целях сексуальной эксплуатации или торговлю людьми путем применения силы, обмана или принуждения, а также получение любых доходов от участия в акте торговли (§ 1591); уничтожение, сокрытие, изъятие, конфискацию или завладение паспортом, иммиграционными и иными удостоверяющими (или им подобными) документами в обеспечение совершения акта торговли, педофилии, рабства и принудительного труда или ограничения или попытки ограничения свободы движения и перемещения в целях обеспечения выполнения работы или оказания услуг лицом, ставшим или являющимся жертвой жестокой формы торговли (§ 1592).

В процессе новеллизации норм Свода законов США в отдельную статью вынесена торговля детьми в целях последующего вовлечения в поведение откровенно сексуального характера с последующим запечатлением на визуальных носителях (§ 2251 а гл. 110). Уголовно наказуемым деянием в титуле 8 признан нелегальный ввоз мигрантов для проституции и иных аморальных целей и сопряженные с ним действия: удержание, контролирование, предоставление соответствующего вида работы и жилища во исполнение цели нелегального ввоза (§ 1328). На уровне федерального законодательства в США регламентированы такие посягательства на свободу человека как «транспортировка для незаконной сексуальной деятельности и связанных преступлений»: обычная транспортировка (§ 2421), принуждение и вовлечение (§ 2422), транспортировка несовершеннолетних (§ 2423), изменение персональных данных иностранных граждан (§ 2424), использование международных средств передачи информации о несовершеннолетних (§ 2425).

Рядом особенностей характеризуется уголовно-правовая охрана свободы человека в государствах-членах СНГ. Наибольшей спецификой отличается Уголовный кодекс Республики Беларусь, систематизирующий в гл. 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства» наряду с незаконным лишением свободы (ст. 183), похищением человека (ст. 182), незаконным помещением в психиатрическую больницу (ст. 184), торговлей людьми (ст. 181) и использованием рабского труда (ст. 181-1) состав о принуждении (ст. 185). Такой состав как захват заложника Уголовный кодекс Республики Беларусь относит к преступлениям против общественной безопасности, в то время как заведомо незаконное задержание и заключение под стражу размещены среди преступлений против правосудия¹.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: офиц. сайт. URL: <http://www.pravo.kulichki.ru>.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что процесс оформления международно-правовых постулатов свободы личности характеризуется следующими тенденциями. Становление универсальных стандартов в сфере обеспечения свободы человека обусловлено консолидацией интересов государств в решении проблем, признанных актуальными как на национальном, так и международном уровне. Разработка международных принципов правового регулирования свободы человека базировалась на национальном правовом опыте и отличалась дискуссионностью ввиду различных подходов государств к вопросу законодательной регламентации личной свободы человека.

На основе правового опыта античной и европейской цивилизаций, вобравшего в себя лучшие идеалы политико-правовой мысли, основанные на понятиях гуманизма и справедливости, универсализации во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. подлежал принцип свободы человека, международно-правовые постулаты которого закреплены в ключевых международных актах: Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1951 г.; Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1957 г.; Конвенции об упразднении принудительного труда 1957 г.; Декларации прав ребенка 1959 г.; Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.; Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 г.; Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г.; Конвенции о правах ребенка 1989 г.; Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г.; Венской декларации и Программе действий 1993 г.; Пекинской декларации 1995 г.; Римском Статуте Международного уголовного суда 1998 г.; Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Протоколе № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, Протоколе № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее 2000 г.; Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.; Глобальном плане действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми 2010 г., призванных гарантировать соблюдение стандартов в области прав человека и обеспечивать эффективную правовую защиту в случае их нарушения.

Разработка стратегии по реализации права человека на свободу predeterminedила регионализацию международных стандартов в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американской конвенции о правах человека 1969 г., Африканской хартии прав человека и прав народов 1981 г., Исламской декларации прав человека 1990 г., Арабской хартии прав человека 1999 г.; Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1998 г. и Модельного закона 2008 г., содержащих комплекс совместных мер правового, социально-экономического, информационного, образовательного, оперативно-розыскного и иного характера по противодействию преступлениям против свободы человека.

Однако отсутствие в международно-правовых и региональных актах дефиниции права человека на свободу predeterminedило в рамках национальных правовых систем многообразие подходов к структурированию Особенной части, определению системы и оснований классификации преступлений. Наметившийся плюрализм в правовой оценке свободы человека обусловил многообразие составов преступлений, исходя из разграничения норм о «похищении», «заключении», «задержании», «принуждении» и «угрозе» устанавливающих уголовную ответственность за похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, незаконное удержание человека, захват заложника, незаконное задержание, незаконное заключение под стражу, незаконный арест, незаконное содержание под стражей, торговлю людьми, эксплуатацию человека человеком и др.

Сложившееся многообразие подходов к определению видового и родового объекта посягательств на свободу человека, повлекшее размещение составов в рамках таких глав и разделов как «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», «О посягательствах на свободу человека», «Преступные деяния против свободы личности», «Преступления против личной свободы, чести и достоинства», «Преступления против правосудия», «Преступления против мира и безопасности человечества» и т. д., затрудняет на правоприменительном уровне осуществление согласованной политики по обеспечению уголовно-правовой охраны свободы человека.

1.3. Стандартизация универсальных норм по обеспечению свободы личности в отечественном уголовном законодательстве

Универсализация права человека на свободу в рамках международного сообщества, формализованная во всеобщей декларации прав человека и принятых в соответствии с ней международных договорах и конвенциях, упраздняющих рабство, работорговлю, институты и обычаи, сходные с рабством, устанавливающих запрет на торговлю людьми, насильственный захват и эксплуатацию человека, использование обязательного и принудительного труда, в условиях глобализации международной жизни, активизации социально-экономического и политико-правового сотрудничества предопределила стандартизацию естественных прав, предусматривающую приведение национального законодательства в строгое соответствие с нормами и принципами международного права¹.

Процесс стандартизации универсальных принципов международного права в уголовном законодательстве России имел существенные отличия от европейских государств, детерминированные консервативными тенденциями государственно-правовой политики. Одной из особенностей уголовно-правового регулирования свободы человека на ранних этапах развития отечественной правовой системы следует признать законодательный дуализм, характеризующийся с одной стороны признанием статуса раба во всех его формах и проявлениях от холопства до крепостного состояния в отношении социальных низов, и, с другой стороны, целенаправленным формированием законодательства по охране свободы представителей высших категорий населения. Так, акты древнерусского права содержат нормы, устанавливающие право человека на самопродажу, право на продажу холопа или раба². В то же время законодательному оформлению подлежала уголовная ответственность за похищение холопов и рабов. Например, в соответствии со ст. 29 Краткой редакции Русской Правды уголовный штраф в размере 12 гривен взыскивался за хищение «чужого раба или рабыни». Стоит заметить, что в данном случае холопы и рабы, не обладая правосубъектностью, не являлись субъектами уголовных правоотношений, а выступали исключительно объектом имущественных прав. С принятием христианства и с введением церковных Уставов Вла-

¹ Горшкова С.А. Указ. соч.; Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Международно-правовые стандарты прав человека. С. 37–45; Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2007.

² Русская Правда. Материалы к изучению истории государства и права СССР. М.: Росвузиздат, 1962. С. 53; Штамм С.И. Судебник 1497 г. М.: Изд-во юрид. лит., 1955. С. 98.

димира и Ярослава Мудрого, заимствующих нормы византийского права, устанавливается уголовная ответственность за «умыкание» (похищение) боярских жен и дочерей. Вслед за церковными канонами в соответствии со ст. 16 гл. 22 Соборного Уложения 1649 г. смертной казнью каралось похищение женщины «умыслом воровским»¹.

Правовая политика по законодательной регламентации права человека на свободу в «духе европейского просветительства» последовательно осуществлялась в период правления Петра I². На основании Воинского артикула 1715 г. устанавливалась уголовная ответственность за совершение кражи либо продажи человека, влекущая смертную казнь путем отсечения головы (арт. 187). Уголовно-правовые нормы об ответственности за похищение человека и торговлю людьми получили преемственность в Своде Законов Российской Империи, предусматривающим в ст. 429 гл. 430 о нарушениях прав состояния наказание в виде лишения прав состояния, наказание кнутом или ссылкой на каторжные работы в отношении лица, совершившего «похищение или продажу человека свободного состояния либо младенца»³.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. дальнейшей детализации подлежала уголовная ответственность за преступления против свободы личности в зависимости от способа совершения преступления и от преследуемых целей⁴. Основные составы преступных посягательств против свободы личности были размещены в разделе IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» и разделе X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». В главе I «О незаконном лишении прав состояния» отделении первом «О сокрытии истинного состояния какого-либо лица» раздела IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» был размещен ряд статей, устанавливающих уголовную ответственность за похищение младенца. В соответствии со ст. 1857, 1858 и 1859 Уложения 1845 г. предписывалось разграничивать три самостоятельных состава похищения младенца: похищение, совершаемое с намерением сокрытия звания или настоящего происхождения; похищение младенца, совершаемое без такого намерения; похищение, связанное с оставлением у себя заблудивше-

¹ Зайдиева Д.Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 30.

² Беляева Л.И., Кулакова Н.Г. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней. М., 2001. С. 11.

³ Свод Законов Российской Империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. С. 89.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1913. С. 816.

гося ребенка. Наказанием за совершение похищения младенца служило лишение прав состояния и назначение каторжных работ сроком от четырех до шести лет. Известный русский ученый Л.С. Белогриц-Котляревский, комментируя положения Уложения 1845 г., писал, что похищения младенцев совершались, как правило, по мотиву мести, а также представителями низших слоев из «корыстной цели»¹. Определяя возраст лица, к которому следует относить «младенца», Л.С. Белогриц-Котляревский указывал на недостижение им семи лет, не позволяющее в силу малолетства предоставить о себе достоверные данные.

Глава I «О незаконном лишении прав состояния» отделения второго «О продаже в рабство и участии в торговле неграми» раздела IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» содержала две статьи, устанавливающие уголовную ответственность за торговлю людьми. Так, в соответствии со ст. 1860 уголовная ответственность в виде лишения прав состояния и каторжных работ сроком от восьми до десяти лет предусматривалась в отношении лиц, совершивших продажу в рабство или под другим предлогом передавших азиатцам или другим иноплеменным лицом, состоящее в подданстве России и находящееся под покровительством Российских законов. На основании ст. 1861 дифференциации подлежали меры уголовно-правового воздействия за незаконную торговлю африканскими неграми.

В главе VI «О оскорблении чести» раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» были размещены два самостоятельных состава, связанных с похищением женщины. В соответствии со ст. 2004 предусматривалась уголовная ответственность за похищение женщины или девицы с намерением изнасилования. На основании ст. 2005 наказанию подлежало похищение женщины или девицы против ее воли без намерения изнасилования, а с надеждой воспользоваться ее слабостью и обольстить ее, повредив ее честь. По мнению исследователей, данное преступление совершалось преимущественно в отношении женщин, продаваемых за границу для помещения в дома терпимости².

Глава VII «О незаконном задержании и заключении» раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» включала составы, связанные с незаконным лишением свободы. В соответствии со ст. 2025–2029 уголовному наказанию подлежали незаконное

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Указ. соч. С. 816.

² Давитадзе М., Бауськов Д. Историко-правовой анализ установления уголовной ответственности за похищение человека // Угол. право. 2003. № 4. С. 16–17.

задержание лица и незаконное заключение лица под стражу. Следует обратить внимание, что законодательная формула указывала в данном случае на «поражение личной свободы» посредством установления ограниченной свободы передвижения. Преобладание теории насилия в уголовном праве России предопределило, по мнению ряда исследователей, квалификацию задержания как физического захвата человека любыми способами, в то время как под заключением подразумевалось помещение в запертое или огражденное место, не имеющего свободного выхода¹. При этом мера уголовно-правового воздействия за незаконное лишение свободы зависела: от длительности незаконного задержания; от способа задержания лица, в том числе от «оскорбительного обхождения», «истязания или иного мучения» (угрозы лишить жизни или морением голодом), а также от наступивших в результате незаконного задержания последствий в виде тяжелой болезни или смерти задержанного. Квалифицирующим признаком являлось совершение посягательства в отношении родственника, близкого родственника по восходящей, нисходящей и боковым линиям; в отношении начальника или другого лица, которым он ранее был облагодетельствован.

Глава I «О преступлениях против союза брачного» отделения первого «О противозаконном вступлении в брак» раздела XI «О преступлениях против прав семейственных» на основании ст. 2072-2073 вводила ответственность за похищение замужних и незамужних женщин для вступления в брак против ее воли.

И.Я. Фойницкий, характеризуя нормы Уложения 1845 г., указывал на особенности уголовно-правового регулирования, заключающиеся в преобладании при построении системы преступлений против личной свободы «системы насилия» и отсутствии общих норм о принуждении². К преступлениям против личной свободы, по мнению И.Я. Фойницкого, Уложение 1845 г. относило незаконное лишение свободы (задержание и заключение), похищение женщин, похищение младенца и продажу в рабство. Следует обратить внимание на тот факт, что под воздействием европейского права Уложение 1845 г. похищение детей относит к посягательствам на права состояния.

Совершенствованию российского законодательства в сфере обеспечения свободы личности содействовало принятие реформенных актов 1861 г., промульгировавших поэтапное освобождение российских подданных из состояния «крепостной зависимости». В этой связи ряд изменений

¹ Снахова М.Р. Указ. соч. С. 43.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. 1912. С. 86.

в 1885 г. было внесено в Уложение 1845 г., касающихся похищения человека¹. Детализации подлежала уголовная ответственность за пособничество торговле африканскими неграми. Ужесточение санкций последовало за похищение или подмен младенца с целью скрыть настоящее происхождение и состояние. Уголовно-правовой регламентации подлежали санкции за самовольное удержание и оставление заблудшего ребенка.

Одной из особенностей регламентации уголовной ответственности за посягательства на свободу личности следует признать многообразие составов, связанных с насильственным похищением замужней женщины, похищением женщины с целью прелюбодеяния, ненасильственным похищением с согласия замужней женщины и др. К преступлениям против личной свободы причислялись «угроза» и «самоуправство», так как вызывали со стороны угрожавшего ряд действий, направленных на ограничение свободы лица.

Официальное признание свободы личности как правового постулата повлекло принятие 22 марта Уголовного уложения 1903 г., несомненным достоинством которого являлся переход от «системы насилия» к «системе принуждения», инспирировавший качественно новый подход к структурированию уголовного закона и позволивший провести отграничение ряда составов преступлений². В качестве самостоятельной главы выделению подлежала гл. 26 «О преступных деяниях против личной свободы» (ст. 498–512).

Статья 498 содержала уголовно-правовую оценку незаконного лишения личной свободы путем задержания или заключения, в качестве уголовного наказания за которые предусматривалось «заключение в тюрьме». Если лишение личной свободы продолжалось свыше одной недели, то виновный наказывался заключением в исправительном доме. В ст. 499 законодательному закреплению подлежали квалифицирующие признаки незаконного лишения личной свободы задержанием или заключением, а именно: 1) лишение свободы матери, законного отца или иного родственника по восходящей линии; 2) должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей; 3) кого-либо из чинов караула, охраняющего Священную Особу Царствующего Императора или Члена Императорского Дома, или часового военного караула; 5) опасным для жизни лишенного свободы или сопровождавшимся для него мучением. Согласно ст. 500 виновный в лишении личной свободы

¹ Давитадзе М., Бауськов Д. Указ. соч. С. 16–17.

² Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 669–696.

задержанием или заключением: 1) в больнице умалишенных – заведомо неодержимого душевной болезнью; 2) в притоне разврата – лиц женского пола, не внесенных в список публичных женщин, наказывалось заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет. Если лишение личной свободы продолжалось свыше одной недели, то виновный наказывался заключением в исправительном доме на срок не ниже трех лет.

В соответствии со ст. 501 устанавливалась ответственность: 1) за продажу или передачу в рабство или в неволю; 2) за торговлю неграми; 3) за непосредственное или иное участие в торге или приспособлении или вооружении судна для торга неграми, предусматривающая назначение наказания в виде каторги на срок не свыше восьми лет (ч. 1, 2) или заключением в исправительном доме (ч. 3).

На основании ст. 502 виновный: 1) в похищении или сокрытии чужого ребенка, не достигшего четырнадцати лет; 2) в подмене ребенка, не достигшего четырнадцати лет, наказывался заключением в исправительном доме. Квалифицирующими признаками данного состава являлись похищение, сокрытие или подмена ребенка для безнравственного занятия или с корыстной целью, а также с целью лишить ребенка прав его состояния, наличие которых влекли назначение наказания в виде заключения в исправительном доме на срок не ниже трех лет. Согласно ст. 503–504 уголовной ответственности путем назначения наказания в виде ареста или штрафа подлежали виновные: 1) в умышленном невозвращении самовольно взятого или удерживаемого ребенка, не достигшего четырнадцати лет, несмотря на законное требование родителя ребенка или лица, выступающего вместо родителя; 2) в незаявлении местной полиции, родителям в течение двух недель об оставленном у себя подкинутом или заблудившемся ребенке, не достигшем четырнадцати лет.

Исходя из содержания ст. 505 преступным посягательством на свободу личности являлось похищение несовершеннолетней от четырнадцати до шестнадцати лет без ее согласия или с ее согласия, но с употреблением во зло ее невинности, а также похищение лица женского пола, достигшего шестнадцати лет без ее согласия, если такое похищение было учинено для непотребства. В соответствии со ст. 506 уголовной ответственности подлежало лицо, признанное виновным в похищении незамужней для вступления с нею в брак без ее на то согласия.

Статьи 507–512 гл. 26 «О преступных деяниях против личной свободы» Уголовного уложения 1903 г. подробно регламентировали ответственность за принуждение лица к выполнению чего-либо против его во-

ли. В качестве основных способов принуждения предусматривались насилие над личностью, угрозы, злоупотребление родительской, опекунской и иной властью. На основании ст. 510 преступлением признавалась умышленная угроза лишить жизни или свободы угрожаемого лица или члена его семьи, если такая угроза могла вызвать у угрожаемого опасение ее осуществления.

Положительные тенденции в сфере законодательной регламентации «естественного состояния человека от рождения», наметившиеся в международном праве на рубеже XIX–XX вв., инспирировали дальнейшее формирование правовых основ обеспечения безопасности личности в национальной системе права. Одной из радикальных мер по стандартизации универсальных прав и свободы человека следует признать Декларацию прав народов России от 2 ноября 1917 г., на основании которой провозглашался принцип раскрепощения «от ненавистных оков» «всего живого и жизнеспособного», в целях устранения дискриминации на национальной почве промульгировалась идея равенства и суверенности народов России. В соответствии с Декларацией 1917 г. отмене подлежали национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения, артикулировалось свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, образующих состав народонаселения страны.

Значительным вкладом в разработку национальных принципов правового регулирования естественных прав человека явилась принятая 12 января 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, в соответствии с которой провозглашалось «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком», «полное устранение деления общества на классы», а также признание мер противодействия «варварской политике буржуазной цивилизации», направленной на «порабощение сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах» – приоритетным направлением в международной политике всех стран мира¹. Дальнейшее совершенствование национального механизма уголовно-правового регулирования свободы личности инспирировалось принятием Конституции РСФСР 1918 г., промульгировавшей такие основополагающие принципы обеспечения свободы личности, как: равноправие граждан независимо от национальности и расы; запрет эксплуатации чужого труда; свобода совести; неприкосновенность личности; недопустимость ареста иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора; свобода передвижения.

¹ Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 2003. С. 199–201.

Конституционализация универсального принципа свободы человека предопределила законодательную регламентацию преступных посягательств в принятом постановлением ВЦИК 24 мая 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР¹. Следует отметить, что первая редакция УК РСФСР имела определенную специфику регламентации свободы личности, связанную с размещением данных составов наряду с преступлениями против жизни, здоровья и достоинства личности в главе V УК РСФСР 1922 г. Более того, основные составы преступлений против свободы личности были размещены во втором разделе гл. V УК РСФСР 1922 г. «Телесные повреждения и насилия над личностью». При этом законодательное оформление преступлений против свободы личности характеризовалось существенными особенностями регламентации объективной и субъективной стороны исследуемых составов.

Приоритетное положение в УК РСФСР 1922 г. среди преступлений против свободы личности занимало насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, совершенного путем задержания или помещения его в какое-либо место (ст. 159). Исходя из содержания диспозиции исследуемой уголовно-правовой нормы, следует заключить, что преступным и наказуемым являлся лишь насильственный способ незаконного лишения свободы, характеризующийся оказанием на потерпевшего неблагоприятного физического или психического воздействия. Соответственно, насилие признавалось неотъемлемым признаком объективной стороны преступления. Указанное деяние предусматривало осуществление активных противоправных действий, направленных на подавление воли потерпевшего посредством оказываемого на него негативного воздействия. Незаконность лишения свободы подтверждалась отсутствием правового основания для задержания потерпевшего или помещения его в какое-либо место. Таким образом, лишение свободы предполагало лишение человека помимо его воли свободы передвижения и выбора по своему усмотрению места пребывания. Наличие согласия жертвы на содержание в запираемом помещении исключало общественную опасность и противоправность указанного деяния².

Анализ положений УК РСФСР 1922 г. позволил выделить следующий самостоятельный состав преступления – лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы или сопровождавшееся для него мучениями (ст. 160). Принципиальное значение для точной

¹ СУ РСФСР. 1922. № 15.

² Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 85.

юридической оценки противоправного деяния в этом случае имело установление способа совершения преступления. Квалификация преступления по ст. 160 УК РСФСР 1922 г. предполагала лишение свободы способом, представляющим реальную угрозу для жизни или здоровья потерпевшего. Это могло быть связано с продолжительным периодом отсутствия источников жизнеобеспечения, усыплением жертвы с целью дальнейшей изоляции небезопасными средствами либо веществами. В качестве альтернативы указанному способу совершения противоправного деяния предлагалось лишение свободы, сопровождавшееся мучениями для потерпевшего, носящими физический либо психический характер. Мучения могли быть вызваны неблагоприятным воздействием со стороны виновного или микросреды, в которой оказалась жертва преступления. Подтверждением являлось продолжительное содержание в запираемом сыром и холодном помещении, наличие грызунов, насекомых, шумовых эффектов, исключение сна, приковывание или связывание и т. п.

Следующим в перечне преступлений против свободы личности являлось помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов (ст. 161 УК РСФСР). Нарушение свободы передвижения и выбора места своего пребывания психически здорового человека указывало на общественную опасность и противоправность указанного деяния. При совершении преступления предусматривалось использование специфического способа лишения свободы потерпевшего. Виновный должен быть заведомо осведомлен о состоянии здоровья человека, не нуждающегося в размещении в больнице для душевнобольных. В этой связи следует заметить, что помещение в такую больницу не нуждающегося в лечении человека вследствие ошибочно поставленного диагноза, в силу небрежности врача-психиатра не образуют состав исследуемого преступления по причине отсутствия субъективной стороны. Однако отсутствие данного противоправного деяния не исключает вероятности привлечения к уголовной ответственности за халатное отношение к службе. Наличие умышленной формы вины дополняется в аспекте субъективной стороны преступления наличием у лица корыстных или иных личных видов. Специфика помещения в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов свидетельствует о повышенной общественной опасности как совершенного преступления, так и личности виновного. Следствием этого становится предусмотренная законом санкция данной уголовно-правовой нормы. Кодекс предписывает назначение наказания не ниже пяти лет лишения свободы.

Завершает перечень посягательств на личную свободу человека похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных видов (ст. 162 УК РСФСР). Нарушение свободы личности чужого ребенка, исключаящее произвольное передвижение в пространстве и выбор места своего пребывания, указывает на общественную опасность и противоправность данного деяния. Однако отсутствие указания в законе на возраст потерпевшего, очевидно, создавало препятствия для правильной квалификации преступления. С одной стороны, в качестве жертвы может выступать малолетний, не достигший возраста четырнадцати лет, с другой – несовершеннолетний до достижения восемнадцатилетнего возраста. Соответственно, возникает закономерный вопрос относительно используемых на правоприменительном уровне критериев разграничения похищения ребенка и насильственного незаконного лишения кого-либо свободы.

Стоит отметить, что уголовно-правовые меры противодействия преступлениям против свободы личности характеризовались рядом особенностей. Анализ статистических данных осужденных в РСФСР за 1926 г. показывает, что доля осужденных за указанные противоправные деяния являлась минимальной, несмотря на наличие четырех самостоятельных составов преступлений, нарушающих неприкосновенность личной свободы человека. Преобладающее большинство среди лиц, совершивших преступления против свободы личности, было осуждено за лишение свободы (в общем перечне преступлений составляло 0,027 %). Удельный вес лиц, осужденных за похищение, сокрытие и подмен чужого ребенка, в общем перечне преступлений не превышал 0,005 %¹. В данных официальной статистики отсутствуют показатели осужденных по ст. 161 УК РСФСР, регламентирующей уголовную ответственность за помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов.

Новеллизация уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность и свободу личности, наметилась с принятием 22 ноября 1926 г. постановления ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.»². Сохраняя преемственность национальной уголовно-правовой политики в сфере правового регулирования преступлений против свободы личности, УК РСФСР редакции 1926 г. определяет исследуемые составы преступлений против свободы в самостоятельной главе «О преступлениях против личности». Стоит отметить, что ввиду проблем,

¹ Статистика осужденных в РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. 4.

² СУ РСФСР. 1926. № 80.

возникающих на правоприменительном уровне, сокращению подлежал перечень статей, регламентирующих уголовную ответственность за посягательства на личную свободу человека.

Перечень преступлений против свободы личности в УК РСФСР редакции 1926 г. открывает состав – насильственное незаконное лишение кого-либо свободы (ст. 147). Из содержания диспозиции указанной уголовно-правовой нормы была исключена ссылка на совершение данного преступления путем задержания или помещения потерпевшего в какое-либо место. Сокращению в три раза подлежал срок максимального наказания, предусмотренного за основной состав преступления. Наряду с лишением свободы был введен альтернативный вид наказания – исправительно-трудовые работы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что согласно ч. 2 ст. 147 УК РСФСР редакции 1926 г. в качестве самостоятельного состава преступления было определено лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы или сопровождавшееся для него мучениями. В контексте уголовно-правовой политики наметилось снижение максимального предела наказания до двух лет лишения свободы.

В качестве самостоятельного состава УК РСФСР редакции 1926 г. сохранил уголовно-правовой запрет на помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных целей (ст. 148). Произведенная замена терминологии в диспозиции нормы с «видов» на «целей» исключала двусмысленное толкование ориентиров, преследуемых виновным в процессе реализации криминального намерения. Законодательно закреплялось существенное снижение размера предполагаемого наказания с указанием верхнего предела – не более трех лет лишения свободы. По-прежнему перечень преступлений против свободы личности завершал состав – похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных видов (ст. 149 УК РСФСР). Диспозиция указанной уголовно-правовой нормы не была подвергнута изменениям, коррективы коснулись лишь содержания санкции, предписывающей снижение меры уголовной ответственности до трех лет лишения свободы.

Новый этап в совершенствовании национального механизма уголовно-правовой защиты свободы личности связан с принятием Закона РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР»¹. В рамках Особенной части УК РСФСР 1960 г. была выделена третья глава, устанавливающая уголовную ответственность за преступле-

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

ния против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Однако в данной главе отражение нашли лишь два состава преступления – похищение или подмен ребенка и незаконное лишение свободы, связанные с посягательством на личную свободу человека. Сокращение перечня составов преступлений против свободы личности обуславливалось декриминализацией деяний, инспирированной отсутствием широкого распространения числа случаев помещения в больницу для душевнобольных заведомо здорового человека из корыстных или иных личных целей. Сохранившееся минимальное количество преступлений против свободы личности, разумеется, исключало целесообразность специальной регламентации в самостоятельной главе Особенной части Уголовного кодекса.

Изменению в УК РСФСР 1960 г. подлежали диспозиции уголовно-правовых норм, регламентирующих похищение или подмен ребенка и незаконное лишение свободы, и соответствующие санкции. Законодательная формула ст. 125 УК РСФСР отличалась сокращением описательной диспозиции нормы путем исключения термина «сокрытие». В содержании диспозиции, предусмотренной ч. 1 ст. 125 УК РСФСР, внимание акцентировалось на ответственности за посягательство на свободу чужого ребенка, нашедшее отражение в вынесенных Верховным Судом РСФСР определениях по конкретным уголовным делам¹.

Особенностью законодательной регламентации являлись признаки субъективной стороны преступления. Качественно новым этапом в развитии уголовного законодательства признается разграничение в ст. 8 УК РСФСР совершения преступления как с прямым, так и с косвенным умыслом. В этой связи устанавливалось, что похищение или подмен ребенка могут быть совершены только с прямым умыслом. Соответственно, неосторожность или наличие косвенного умысла исключали преступность и наказуемость указанного деяния.

Помимо признаков объективной стороны изменению подлежали признаки субъективной стороны исследуемого состава преступления. Реструктуризация уголовно-правовой нормы сопровождается заменой ранее использованной в законе терминологии «из мести или из иных личных видов» на более приемлемую в силу сложившихся новых социальных реалий – «из иных низменных побуждений». Расширение противоправной мотивации виновных в ч. 1 ст. 125 УК РСФСР создавало предпосылки для признания преступными и наказуемыми всех случаев похищения или подмены ребенка при условии установления соответствующего мотива.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1965. № 3. С. 11.

Вместе с тем дискуссионным вопросом являлось размещение квалифицированного вида указанного состава преступления в первой части данной статьи, а основного состава преступления – во второй. Более последовательной представляется законодательная регламентация похищения или подмены ребенка, реализованного без отягчающих обстоятельств, в ч. 1 ст. 125 УК РСФСР, а при наличии соответствующих квалифицирующих признаков – в части второй данной статьи. Архитектоника правовой нормы, базирующаяся на анализе структурных элементов и образующих их признаков основного состава и завершающаяся указанием конкретных отягчающих обстоятельств, позволила бы исключить рассогласованность структуры норм и обеспечить интенсификацию правоприменительной деятельности и правильную квалификацию преступлений.

Следующим изменением являлось редактирование наименования состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РСФСР: взамен насильственного незаконного лишения кого-либо свободы законодатель устанавливает ответственность за незаконное лишение свободы. Вследствие этого криминализации подвергаются все без исключения случаи противоправного лишения человека свободы. Помимо основного состава преступления вполне последовательно был выделен квалифицированный его вид – незаконное лишение свободы, совершенное способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или сопровождавшееся причинением ему физических страданий. Органично вписались в содержание ст. 126 УК РСФСР предусмотренные законом санкции. Незаконное лишение свободы наказывалось лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на тот же срок, или общественным порицанием. Выбор меры государственного принуждения был поставлен в зависимость в данном случае, прежде всего, от степени общественной опасности личности виновного, нуждающегося, по мнению суда, в кратковременном периоде изоляции от общества, интенсификации трудовой деятельности либо публичном осуждении совершенного лицом преступления. Незаконное лишение свободы, совершенное способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или сопровождавшееся причинением ему физических страданий, наказывалось лишением свободы на срок до трех лет. По сравнению с прежним уголовным законом, предусмотренный верхний предел наказания был увеличен в полтора раза – с двух до трех лет лишения свободы.

Наметившиеся в 80-х гг. XX в. в социально-экономической и политико-правовой сферах советского государства преобразования потребовали внесения дальнейших корректив в механизм уголовно-правовой охра-

ны свободы личности. Актуальными становятся вопросы законодательного оформления в главе третьей УК РСФСР 1960 г. новых составов преступлений против свободы личности. В рассматриваемый период широкое распространение приобретают случаи захвата заложников. Следствием явилась новеллизация уголовно-правовых норм, предусматривающая установление в 1987 г. уголовной ответственности за захват заложников, в рамках ст. 126¹ УК РСФСР¹.

Однако при оформлении данной уголовно-правовой нормы законодатель принимает во внимание не основной, а дополнительный объект преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 126¹ УК РСФСР захват или удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием этого лица, реализуются с одной из предусмотренных диспозицией нормы целей. Ориентирами виновного становятся понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица либо группы лиц воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника. Таким образом, специфика субъективной стороны преступления раскрывает прежде всего нарушение интересов и отношений в сфере общественной безопасности, а затем – в области личной свободы человека. Соответственно, захват заложников не может рассматриваться как частный случай незаконного лишения свободы вследствие иного видового и непосредственного объектов посягательства. Подтверждением служат санкции уголовно-правовых норм, регламентирующих наказание до десяти лет лишения свободы за основной состав преступления и от пяти до пятнадцати лет лишения свободы (максимальный срок наказания) с конфискацией имущества или без таковой за захват заложников, повлекших тяжкие последствия (ч. 2 ст. 126¹ УК РСФСР). Учитывая факультативную роль интересов и отношений в сфере свободы личности по сравнению с интересами и отношениями в области общественной безопасности, более последовательным представляется размещение указанного состава преступления в главе десятой, регламентирующей преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Новеллизация уголовного законодательства в сфере охраны свободы личности сопровождалась криминализацией в ст. 126² УК РСФСР деяния, связанного с помещением в психиатрическую больницу психически здоро-

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 30. Ст. 1087.

вого лица¹. Квалификация деяния по ст. 126² УК РСФСР предполагала наличие следующих условий – незаконность и принудительный характер противоправных действий. Незаконной признавалась принудительная госпитализация заведомо психически здорового человека в неотложном порядке либо по решению комиссии врачей-психиатров для обследования или лечения при отсутствии подобной необходимости. Госпитализация заведомо здорового человека помимо или вопреки его воле указывала на общественную опасность и противоправность деяния, реализуемого только с прямым умыслом. Мотив совершения преступления значения для квалификации не имел. Исключалась возможность юридической оценки деяния при добровольном согласии лица на оказание ему психиатрической помощи.

Виновными в помещении в психиатрическую больницу психически здорового лица могли быть признаны, с одной стороны, врач-психиатр, принудительно поместивший психически здорового человека в указанное лечебное учреждение, с другой – входившие в состав комиссии врачи-психиатры, принявшие заключение о целесообразности лечения в стационарных условиях психически здорового человека. Судья, вынесший постановление о принудительной госпитализации заведомо здорового человека, подлежал ответственности по ст. 177 УК РСФСР с учетом особенностей видового и непосредственного объектов совершенного преступления.

Качественно новый подход к уголовно-правовой регламентации свободы личности наметился с ратификацией Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г. Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., обязывающей государств-участников безотлагательно принять все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли детьми и их контрабанды в любых целях и в любой форме (ст. 35). Указанным нормативно-правовым актом декларировалась защита ребенка от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст. 36). Надлежащие меры уголовно-правового характера предписывалось осуществить в соответствии с документами, подписанными в ходе Московского совещания Конференции по человеческому измерению (СБСЕ) 1991 г. в целях противодействия государств-участников различным формам насилия в отношении женщин, торговли женщинами и эксплуатации женской проституции (ст. 40⁷)². Ратификация указанных международных нормативно-правовых актов инспирировала принятие Декларации прав и свобод

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1988. № 2. Ст. 35.

² Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 326–327, 796.

человека и гражданина РСФСР 1991 г., провозгласившей гарантированность права на свободу и личную неприкосновенность.

Руководствуясь положениями международных нормативно-правовых актов и Декларацией прав и свобод человека и гражданина РСФСР, российский законодатель принимает ряд законов, направленных на противодействие указанному социально-правовому явлению. В целях совершенствования уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 126² УК РСФСР, 02.07.1992 г. был принят Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», позволивший устранить ряд коллизий, возникающих в процессе квалификации преступления, связанного с незаконным помещением в психиатрическую больницу¹. Широкое распространение случаев похищения человека в России обусловило необходимость законодательного оформления самостоятельного состава преступления. Специальная регламентация похищения человека была дана Законом РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР», предусматривавшим уголовно-правовое регулирование данного состава на основании ст. 125¹ УК РСФСР². Ответственность за похищение человека без отягчающих обстоятельств, учитывая характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного, варьировалась от трех до пяти лет лишения свободы. Квалифицированные виды указанного состава преступления соответствовали отягчающим обстоятельствам, сопровождавшим случаи похищения человека.

В ч. 2 ст. 125¹ УК РСФСР отграничению подлежало похищение человека, совершенное из корыстных побуждений, либо по предварительному сговору группой лиц, либо соединенное с пытками, издевательствами или иными насильственными действиями, опасными для жизни или здоровья потерпевшего, а равно с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, либо похищение несовершеннолетнего. Совершение подобных деяний влекло наступление более строгой уголовной ответственности в пределах от пяти до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой.

Повышенной общественной опасностью отличались случаи похищения человека, совершенные организованной группой либо повлекшие особо тяжкие последствия, предусматривающие ответственность на срок от

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

² Там же. 1993. № 21. Ст. 749.

десяти до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой (ч. 3 ст. 125¹ УК РСФСР). Отсутствие в законе специального вида освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, думается, создавало очевидные трудности обеспечения безопасности потерпевших, раскрытия, расследования и доказывания указанного состава преступления. Законодательное оформление похищения человека позволило изменить редакцию ст. 125 УК РСФСР. Похищение и подмен ребенка было заменено с момента вступления в силу анализируемого закона на подмен ребенка. Во внимание, очевидно, был принят тот факт, что в ч. 2 ст. 125¹ УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за похищение несовершеннолетнего.

Завершая ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства в сфере охраны свободы личности, следует отметить, что в России на ранних стадиях развития государственности охрана свободы человека детерминировалась национальными особенностями социально-экономического и политико-правового развития, связанными с законодательным оформлением в условиях феодализма различных форм зависимости и крепостного состояния. Становление механизма уголовно-правового регулирования свободы человека обусловлено наметившейся на рубеже XIX–XX вв. стандартизацией в национальном праве общепризнанных принципов и норм международного права, послужившей основой для создания механизма уголовно-правового регулирования свободы личности. В процессе совершенствования уголовно-правовых средств обеспечения свободы человека был накоплен значительный опыт законотворческой техники, создавший предпосылки для дальнейшей оптимизации норм уголовного законодательства. В советский период в контексте уголовно-правовой политики и насущных проблем правового обеспечения прав и свобод человека вводится ряд законодательных новелл, предопределивших внесение изменений в структуру Особенной части и классификацию преступлений против свободы личности. Последовательная политика государства по охране свободы человека обусловила законодательную регламентацию составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за подмен ребенка, похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложников и незаконное помещение в психиатрическую больницу.

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Законодательная регламентация преступлений против свободы личности в Уголовном кодексе РФ

Гарантированность реализации в РФ права человека на личную свободу, предусмотренного ст. 22 Конституции РФ, определяется эффективностью механизма его уголовно-правовой охраны. Вопросы эффективности уголовно-правовой охраны и уголовно-правового регулирования свободы личности неоднократно освещались в научных кругах. Особого внимания заслуживают научные подходы к механизму уголовно-правового регулирования, отраженные в работах Н.М. Кропачева, В.С. Прохорова и А.Н. Тарбагаева¹.

Согласно существующей в доктрине уголовного права России точке зрения, механизм уголовно-правового регулирования, основанный на общих принципах механизма правового регулирования, разработанного наукой теории государства и права, предполагает выделение следующих стадий. Первой стадией механизма уголовно-правового регулирования является правотворческая деятельность, направленная на создание правовых норм, регулирующих в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, уголовно-правовой политикой РФ и сложившимися социально-экономическими и политико-правовыми реалиями общественные отношения, подлежащие уголовно-правовой охране. Следующим этапом в механизме уголовно-правового регулирования признается реализация конкретно-определенной уголовно-правовой нормы, связанная с возникновением индивидуального уголовного правоотношения. Завершающей стадией механизма уголовно-правового регулирования следует считать реализацию уголовным правом охранительной функции, предусматривающей восстановление нарушенных прав посредством привлечения виновного лица к уголовной ответственности путем назначения наказания или иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, правотворческая деятельность как

¹ Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999; Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: Уголовная ответственность: учеб. пособие. СПб., 2000; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989; Уголовное право России: общая часть: учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 203–219.

начальная стадия механизма уголовно-правового регулирования заключается в законодательном оформлении норм, гарантирующих защиту свободы каждого человека от противоправных посягательств.

Становление в Российской Федерации механизма уголовно-правового регулирования преступлений против свободы личности проходило под воздействием наметившихся с начала 90-х гг. XX в. политико-правовых преобразований, обусловивших признание и гарантирование согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в ст. 17 Конституции РФ 1993 г. права человека на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27).

Разработка правовых норм в сфере обеспечения свободы человека осуществлялась в условиях глобализации международной жизни, предопределившей принятие на Всемирной конференции по правам человека в 1993 г. Венской декларации и Программы действий, призвавших государства к консолидации усилий по противодействию национальной и транснациональной преступности в сфере торговли людьми. Результатом правотворческой деятельности становится принятие Федерального закона РФ от 07.03.1995 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», устанавливающего ответственность за торговлю несовершеннолетними¹. Законодательному оформлению указанной состав преступления подлежал в ст. 1252 УК РСФСР. Основной состав устанавливал уголовно-правовой запрет на куплю-продажу несовершеннолетних либо совершение иных сделок в отношении несовершеннолетних в форме их передачи и завладения ими. Ответственность предусматривалась до пяти лет лишения свободы или до двух лет исправительных работ. Те же действия, совершенные повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или с использованием служебного положения, влекли ответственность на срок от пяти до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2).

Повышенной общественной опасностью отличались действия, предусмотренные частями первой и второй ст. 1252 УК РСФСР, совер-

¹ О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР: федер. закон РФ от 07.03.1995 г. № 28-ФЗ: Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 11. Ст. 939.

шенные из низменных побуждений либо повлекшие за собой тяжкие или особо тяжкие последствия, а равно сопряженные с незаконным вывозом несовершеннолетних за границу или невозвращением их из-за границы. Квалификация указанных противоправных действий по ч. 3 ст. 1252 УК РСФСР предполагала назначение более строгого наказания, варьирующегося от восьми до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой.

В результате внесения изменений в УК РСФСР в середине 1990-х гг. уголовно-правовому регулированию подлежали шесть составов преступлений против свободы личности: 1) подмен ребенка; 2) похищение человека; 3) торговля несовершеннолетними; 4) незаконное лишение свободы; 5) захват заложников; 6) незаконное помещение в психиатрическую больницу.

Новеллизация норм уголовного законодательства в сфере обеспечения свободы человека наметилась с введением в действие Уголовного кодекса РФ 1996 г., структурно оформившего самостоятельную гл. 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». В перечень преступлений против свободы личности были включены три состава – похищение человека, незаконное лишение свободы и незаконное помещение в психиатрический стационар. Вследствие реструктуризации уголовно-правовых норм Особенной части такие составы как торговля несовершеннолетними и подмен ребенка были размещены в гл. 20 УК РФ – «Преступления против семьи и несовершеннолетних». В свою очередь, захват заложника получил законодательное оформление в ст. 206 гл. 24 УК РФ – «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Следующий этап развития российского уголовного законодательства в сфере обеспечения свободы человека связан с принятием Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее¹. На основании Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ наряду с торговлей людьми криминализации в ст. 1272 УК РФ подлежало использование рабского труда². Торговля несовершеннолетними получила законодательное оформление в виде квалифицирующего признака ст. 1271 УК РФ.

Модернизации механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в РФ послужило принятие 26 апреля 2004 г. Федерального

¹ Рос. газ. 2000. 15 апр.

² Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

закона «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»¹. В результате стандартизации международных норм в рамках уголовного законодательства РФ 21 июля 2004 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ, вносящий редакционные изменения в прим. 2 к ст. 1271 УК РФ, касающиеся определения понятия эксплуатации человека².

Значительный вклад в национальную уголовно-правовую политику по обеспечению свободы личности в РФ внесло заключение 25 ноября 2005 г. в Москве Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека. Основными составляющими повышения эффективности противодействия преступлениям против свободы личности провозглашались модернизация нормативной базы, гармонизация национального законодательства, создание единой системы анализа состояния и динамики преступности³.

В целях обеспечения конституционных прав и свобод человека был принят ряд законодательных актов, в том числе: законы «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»⁴.

Между тем наиболее действенными средствами реализации права человека на свободу следует признать стандартизацию универсальных норм международного права на межгосударственном, региональном и национальном уровне, предусматривающую приведение уголовного законодательства РФ в соответствие с общепризнанными принципами и нор-

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ // Там же. 2004. № 30. Ст. 3091.

³ Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. 2-е изд, доп. и перераб. М., 2005. С. 32.

⁴ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 (ред. от 02.07.2013 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913; О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 (ред. от 29.11.2007 г.) // Там же. 1993. № 2. Ст. 62; О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): федер. закон от 30.03.1995 г. № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 14. Ст. 1212.

мами, установление юридической ответственности, гармонично восстанавливающей приоритеты в области прав и свобод человека и механизм их правовой защиты.

Качественно новые подходы к национальной уголовно-правовой политике по противодействию преступлениям против свободы личности обусловили принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., декларирующей усиление роли государства как гаранта безопасности личности, оптимизацию мер по совершенствованию нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, а также разработку и использование специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений¹.

Принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. актуализировало необходимость разработки ключевых направлений нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступлениям против свободы личности, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ. Особое значение приобрело дальнейшее совершенствование механизмов взаимодействия правоохранительных органов, органов пограничного и миграционного контроля, социального обеспечения, здравоохранения и образования, неправительственных и иных организаций для принятия согласованных мер противодействия торговле людьми, особенно женщинами и детьми.

Исходя из признания Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. совершенствования нормативного правового регулирования в качестве одной из основных составляющих повышения эффективности противодействия преступности, вопрос о внесении изменений в российское уголовное законодательство в сфере обеспечения свободы человека находится в поле пристального внимания, как законодателя, так и ученых, работников органов прокуратуры, следствия и суда².

В целях изучения мнения представителей правоохранительных и правоприменительных органов автором было проведено анкетирование 150 сотрудников органов следствия, прокуратуры и суда. Проведенное

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

² Карасева М.Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2007; Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2006; Снахова М.Р. Указ. соч.; Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012.

социологическое исследование показало, что предложение по внесению корректив в уголовное законодательство РФ, регламентирующее составы преступлений против свободы личности, поддерживают большинство опрошенных сотрудников правоохранительных (84,6 %) и правоприменительных (81,8 %) органов.

Рассматривая проблему внесения изменений в действующее уголовное законодательство в части редактирования ответственности за преступления против свободы личности, 61,5 % респондентов настаивают на внесении частичных поправок; 30,7 % опрошенных заявили о целесообразности внесения существенных корректив; 7,8 % респондентов высказались за полное изменение законодательства РФ в части рассматриваемых уголовно-правовых составов.

Что касается позиции судей, то 54,5 % респондентов указали на необходимость внесения существенных корректив в уголовное законодательство РФ; 18,2 % респондентов выразили мнение о необходимости полного изменения национального законодательства; 9,1 % респондентов считают, что совершенствование уголовно-правового регулирования свободы личности может быть достигнуто путем внесения в закон частичных поправок. При этом 9,1 % опрошенных судей отметили отсутствие необходимости новеллизации уголовного законодательства РФ.

На страницах юридической литературы одним из дискуссионных вопросов является вопрос о реструктуризации Особенной части и размещении норм, регламентирующих ответственность за преступления против свободы, чести и достоинства личности, в рамках одной главы¹. Вследствие этого в научных и профессиональных кругах активно обсуждается точка зрения относительно отграничения составов преступлений против свободы личности в самостоятельную главу. На основании полученных автором эмпирических данных следует отметить, что размещение преступлений против свободы личности в самостоятельной главе Особенной части УК РФ целесообразным считают 53,8 % опрошенных следователей. Однако указанную позицию не разделяют 54,5 % опрошенных судей.

Неоднозначное мнение высказывается о предпринятой в соответствии с Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» реструктуризации уголовно-правовых норм, предусматривающей криминализацию кле-

¹ Зайдиева Д.Я. Указ. соч.; Карасева М.Ю. Указ. соч.; Нуркаева Т.Н. Указ. соч.; Снахова М.Р. Указ. соч.

веты и законодательное оформление данного состава преступления в ст. 1281 УК РФ¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно проведенному автором анкетированию необходимость такого законодательного решения поддерживает лишь 27,3 % опрошенных судей и 15,5 % опрошенных следователей и прокуроров. Нецелесообразность такого подхода отмечается большинством опрошенных следователей (76,9 %) и судей (54,5 %). Стоит заметить, что преобладающая часть сотрудников правоохранительной сферы (84,6 %) поддерживает выделение самостоятельной главы «Преступления против чести и достоинства личности». Вместе с тем наличествует точка зрения о размещении состава клеветы в гл. 19 УК РФ – «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Указанная позиция разделяется 81,8 % опрошенных судей и 61,5 % прокуроров и следователей.

Насущной проблемой уголовно-правового регулирования преступлений против свободы личности следует признать высокую степень латентности, подтверждаемую соотношением показателей официальной статистики по преступлениям против свободы личности и реалиями, свидетельствующими о нарастающих на национальном и транснациональном уровнях темпах криминализации в области естественных прав и свободы человека, главным образом торговли людьми и использования рабского труда. По данным официальной статистики численность зарегистрированных преступлений против свободы личности в РФ является незначительной. Так, в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом общая численность осужденных за преступления против свободы личности увеличилась на 2,6 % (с 731 до 750 чел.). В соответствии с официальными показателями похищение человека составляет 0,02 %. При этом официальные данные свидетельствуют о тенденции снижения общей численности зарегистрированных в Российской Федерации зарегистрированных случаев похищения человека: 1535 (2002 г.), 1367 (2003 г.), 1108 (2004 г.), 1135 (2005 г.), 633 (2009 г.), 519 (2010 г.), 520 (2011 г.), 512 (2012 г.), 442 (2013 г.), 369 (2014 г.), 291 (январь – сентябрь 2015 г.)².

В 2006 г. минимальный коэффициент латентности, по мнению экспертов, составил 10,92 – для торговли людьми и 11,05 – для использова-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ // Рос. газ. 2012. 1 авг.

² Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show>.

ния рабского труда¹. Исследователи считают, что, несмотря на то, что за последние пять лет торговля людьми выросла в пять раз, это не отразилось на показателях численности зарегистрированных преступлений, предусмотренных официальной статистикой². По данным ГИАЦ МВД России в период 2004–2010 гг. зарегистрировано 557 преступлений, связанных с торговлей людьми (ст. 1271 УК РФ), и 118 преступлений, связанных с использованием рабского труда (ст. 1272 УК РФ). В 2010 г. количественный показатель осужденных за торговлю людьми составил 31 чел., за использование рабского труда – 9 чел. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2011 г. было осуждено за торговлю людьми 27 чел., а за использование рабского труда – 7 чел. Совокупный показатель осужденных за указанные противоправные деяния составил 1,07 % в общем перечне осужденных за преступления против свободы личности³.

Руководствуясь статистическими данными МВД РФ и Судебного департамента Верховного Суда РФ за 2010–2012 гг., следует отметить рост удельного веса возбужденных и направленных в суд уголовных дел по ст. 1271, 1272 УК РФ. Доля возбужденных и направленных в суд уголовных дел за торговлю людьми и использование рабского труда в 2010 г. среди преступлений против свободы личности являлась весьма незначительной – 7,81 % и 10,2 %. В 2011 г. указанные показатели снизились в полтора раза и составили 5,59 % и 5,98 %. Исходя из данных за 2012 г., соотношение направленных в суд уголовных дел составило: по ст. 126 УК РФ – 90,34 %; 127 УК РФ – 89,8 %; ст. 1271 УК РФ – 9,66 %; ст. 1272 УК РФ – 10,2 %.

Анализируя совершенные противоправные посягательства против свободы личности, можно выделить следующее их соотношение. Из осужденных в 2011 г. более половины (57,2 %) подлежали уголовной ответственности за похищение человека. Следующую позицию в указанном перечне занимают осужденные за незаконное лишение свободы (38, 13 %). Менее значительной является доля осужденных за торговлю людьми (3,6 %). Минимальный удельный вес составляют осужденные за использование рабского труда (0,94 %) и незаконное помещение в психиатриче-

¹ Латентность преступности в Российской Федерации. 2001–2006 гг. / под ред. С.М. Иншакова. М., 2007. С. 105, 141.

² Горбань Е.Г. Указ. соч. С.16.

³ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

ский стационар (0,13 %)¹. Следует обратить внимание на тот факт, что количество прекращенных уголовных дел по данным составам составляет 25–26 % от общего числа возбужденных по данным составам дел².

В 2012 г. общее число осужденных за преступления против свободы личности составило 673 человека, из них: 56,9 % были осуждены за похищение человека; 37,9 % – за незаконное лишение свободы; 4,2 % – за торговлю людьми; 0,8 % – за использование рабского труда и 0,2 % – за незаконное помещение в психиатрический стационар. В 1,7 раза последовало увеличение удельного веса направленных в суд уголовных дел по торговле людьми и использованию рабского труда³.

Особого внимания заслуживает юридическая оценка показателей преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ. С 1997 по 2001 г. было зарегистрировано 38 случаев незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Между тем реальные события, нашедшие отражение в средствах массовой информации, дополнительно подтверждают высокий уровень латентности преступлений данного вида⁴. В течение 2009–2012 гг. суммарный показатель количества осужденных по ст. 128 УК РФ составил четыре человека⁵.

Вместе с тем тенденцию снижения количества фиксируемых преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, вряд ли следует связывать с благоприятными изменениями криминальной ситуации в стране. Это подтверждают данные проведенного автором опроса, согласно которым более половины судей (52,8 %) и третья часть следователей и прокуроров (33,3 %) значительное снижение регистрируемых случаев обуславливают неэффективной работой правоохранительных органов. Показательной является доля опрошенных следователей (33,3 %) и судей (23,6 %), указывающих на отсутствие заявлений в силу реальных опасений за жизнь и здоровье со стороны граждан. При этом 11,8 % опрошенных судей и 22,3 % прокуроров и следователей полагают, что указанная проблема сопряжена с нежеланием правоохранительных органов реги-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт.

² Ханов Т.А., Борецкий А.В. Взаимодействие Российской Федерации и республики Казахстан в противодействии преступности, связанной с торговлей людьми // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 4. С. 76–81.

³ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

⁴ Рос. газ. 2005. 5 февр.

⁵ Министерство внутренних дел Российской Федерации.

страции поступивших заявлений о случаях похищения человека. Одной из причин высокой латентности преступлений, по мнению судей (11,8 %) и следователей (11,1 %), является повышение профессионального уровня преступников. Среди иных причин латентности преступлений против свободы личности респондентами в ходе проведенного автором анкетирования были названы такие причины как коррупционность государственных органов, недоверие граждан к органам правоохранительной системы, незащищенность свидетелей и жертв преступлений.

Вышесказанное подтверждается международными данными, согласно которым наиболее распространенным преступлением против свободы личности на межгосударственном уровне признается торговля людьми. По аналитическим отчетам ООН, доходы организованных преступных групп от незаконной торговли людьми составляют до 32 млрд дол. США ежегодно, а незаконный перевоз мигрантов – до 7 млрд дол. в год¹. По оценкам Центра безопасности человека, ежегодно в рабство продается до 4 млн чел.². Геополитическое расположение России в «центре глобальных миграционных процессов между странами Западной Европы, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока» предопределило включение ее в число государств – поставщиков, транзитников и получателей рабов. По данным экспертов ежегодно из России для работы в области секс-индустрии вывозится до 50 тыс. женщин. Так, только в 1999–2000 гг. на территории Чеченской республики насчитывалось более 70 000 рабов³. По мнению С. Стокера, «размах преступности» обусловлен тем, что в отличие от наркотиков, которые можно продать лишь один раз «женщину можно использовать для получения денег долгий период времени»⁴.

К числу национальных детерминант преступлений против свободы личности можно отнести последствия проводимых в стране политико-правовых преобразований, обусловивших нестабильность социально-экономической ситуации, безработицу и падение жизненного уровня населения. Немаловажное значение на сегодняшний день имеют такие последствия резкого падения жизненного уровня населения как «долговая кабала», инспирированная закладом должника в обеспечение долга под условие личного труда либо труда зависимых от него лиц. В условиях новых жизненных факторов особенно актуальным становится поиск реше-

¹ Офиц. сайт ООН. URL: <http://unstats.un.org/unsd/>; www.un.org/ru.

² Ханов Т.А., Борецкий А.В. Указ. соч. С. 76–81.

³ Зайдиева Д.Я. Указ.соч. С. 4.

⁴ Стокер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. 2000. № 1. С. 58.

ния материальных проблем посредством вербовки для трудоустройства за пределами Российской Федерации. Широкие масштабы приобретает вербовка граждан путем обмана через средства массовой информации, осуществляющие распространение рекламных блоков брачных агентств и предлагающие путем объявления в газете, интернете, через публичные мероприятия и конкурсы высокооплачиваемую работу за рубежом. Существенную угрозу безопасности личности представляет постепенная утрата российским обществом моральных критериев и наращивание правового нигилизма, следствием которых становится растущий спрос на секс-индустрию и детскую порнографию. Особую роль приобретает «вторая волна» вербовки, когда завербованные женщины подлежат возвращению в Россию на условии осуществления поставки «нового живого товара».

Немаловажное значение при изучении причин преступлений против свободы личности имеет исследование криминологического портрета личности преступника и потерпевшего. Раскрывая особенности личности преступника и личности потерпевшего необходимо обратить внимание на три составляющие. В качестве одной из основных составляющих этиологии антисоциального поведения следует определить социально-биологические свойства, включающие такие характеристики как возраст, пол, состояние здоровья и особенности физического состояния лица.

Внимания в этой связи заслуживает такой состав преступления против свободы личности как торговля людьми. Жертвами преступлений по данному составу, как правило, становятся лица женского пола. Необходимо отметить, что с момента криминализации данного общественно-опасного деяния, произошли существенные изменения в структуре и динамике указанного вида преступной деятельности. На рубеже XX–XXI вв. существенную долю среди вывозимых за рубеж с целью сексуальной эксплуатации лиц женского пола составляли лица, не достигшие возраста двадцати лет. Ведущими специалистами отмечается значительное увеличение возраста жертв преступлений¹. Можно предположить, что данная тенденция вызвана воздействием средств массовой информации, утратой надлежащей бдительности и критической оценки ситуации, нарастающий спрос на сексуальном рынке на лиц более старшего возраста.

В правовом поле зрения юридической общественности, государствоведов и специалистов в области уголовного права находятся вопросы о доктринальной трактовке понятия свободы личности, детерминирующей

¹ Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. С. 70.

структуру уголовного законодательства РФ. Основанием для дискуссии стало расхождение категориального аппарата, используемого в изложении норм гл. 17 Уголовного кодекса РФ, с предусмотренным ст. 22 Конституцией РФ правом человека на свободу.

Следует отметить, что закрепленное в Конституции РФ и корреспондируемое с международными нормами право на свободу личности получило юридическое осмысление в ряде работ. В частности, согласно толкованию, данному в Комментариях к Конституции РФ под общей редакцией Ю.В. Кудрявцева и Л.В. Лазарева, каждый человек наделяется рядом свобод, включающих в себя комплекс правомочий, реализуемых как в личной и профессиональной жизни, так и социально-экономической и политико-правовой сферах. В личной жизни к ним относят свободу действий, свободу выбора места жительства и пребывания, свободу передвижения, личную неприкосновенность и др.¹

Что касается позиции ученых криминального профиля, то, по мнению В.М. Пучнина, Уголовный кодекс РФ дает «узкое понимание свободы», отраженное в названии 17-й главы². С точки зрения Н.В. Бойко, свобода личности в уголовно-правовом аспекте подразумевает сознательную (волевою) деятельность человека, предусматривающую реализацию им общественных и личных потребностей и интересов³. Н.Э. Мартыненко считает, что наиболее естественным проявлением свободы личности является право каждого человека свободно распоряжаться своей личностью, в том числе право человека на свободное передвижение и выбор по своему усмотрению места нахождения⁴.

По мнению ряда ученых, свобода личности включает, прежде всего, личную свободу и личную неприкосновенность, которые представляют собой двуединую основу психофизической целостности и автономии личности⁵. Если право на личную свободу есть не что иное, как право на такое состояние, при котором человек может распоряжаться собой, своим

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 98; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. М.: Новая правовая культура: Проспект, 2009. С. 128–129.

² Пучнин В.М. Преступления против свободы: история формирования // Право и государство: теория и практика. 2010. № 8. С. 45.

³ Бойко Н.В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харьков, 1989. С. 9.

⁴ Мартыненко Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1994. С. 38.

⁵ Опалева А.А. Неприкосновенность индивидуальной свободы личности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2006. № 1. С. 46.

телом, то личная неприкосновенность предполагает право человека на такое состояние, при котором не допускаются действия иных лиц, общества и государства, направленные на нарушение физической и иной целостности человека путем принуждения. Исходя из позиции А.А. Опалевой, позитивное и негативное содержание свободы личности предполагает введение понятия «индивидуальной свободы личности», под которой следует рассматривать свободу располагать собой, т. е. возможность беспрепятственно передвигаться, совершать поступки, располагать своим временем и т. п. Вследствие этого понятие индивидуальной свободы А.А. Опалева признает близким по содержанию с физической свободой человека.

Актуальным вопросом на доктринальном уровне признается толкование понятий личная свобода и свобода личности. В этой связи В.М. Пучнин пишет, что личная (индивидуальная) свобода не тождественна понятию «свобода личности» и является одной из форм ее проявления¹. Вследствие этого «свобода личности» значительно шире и объемнее по содержанию чем «личная свобода». При этом он выделяет такие формы свободы личности, как политическая, экономическая, социально-культурная и иные². Личная свобода человека определяется его физической свободой, т. е. способностью действовать в соответствии со своим волеизъявлением при условии отсутствия определенных физических (материальных) факторов, ограничивающих его действие. В качестве примера В.М. Пучнин приводит свободу выбора места проживания, нахождения и свободу передвижения. Вследствие этого он выделяет такие два критерия физической (личной) свободы как свободная, независимая воля и отсутствие каких-либо сдерживающих ее реализацию преград.

З.Д. Еникеев, раскрывая проблемы защиты свободы личности в РФ, указывает, что одной из причин отсутствия в стране достаточно эффективного механизма защиты следует признать неоднозначность трактовок данного понятия. Свобода личности есть, по его мнению, «чрезвычайно сложное и многоаспектное общественное явление, изучаемое с экономической, политической, философской, юридической, нравственной, психологической и других точек зрения»³.

С учетом сложившейся многоаспектности понятия свободы

¹ Пучнин В.М. Преступления против свободы: социально-правовая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2010. № 7. С. 141.

² Пучнин В.М. Там же. С. 44.

³ Еникеев З.Д. Свобода личности как высшая ценность и проблемы ее защиты // Рос. юрид. журн. 2000. № 1. С. 5.

личности ряд авторов предлагает разграничивать свободу личности на две составляющих – социальную и правовую свободу¹. По мнению О.В. Волковой, социальная свобода личности есть естественная необходимость. Право как универсальный регулятор общественных отношений распространяет свое влияние на социальную свободу, «преобразуя образ допустимого поведения индивидов» посредством установления субъективных прав и юридических обязанностей. Вследствие этого происходит «преломление» и свобода из социальной категории становится правовой. Таким образом, если социальная свобода основывается на «любых устоявшихся правилах совместного сосуществования», то правовая свобода «базируется на формализованных правовых предписаниях». Свобода личности возможна лишь только в рамках права.

Исследуя проблему содержания понятия свободы личности, А.И. Казамиров ссылается на такие две ее составляющие как внутреннюю сферу сознания человека и сферу внешних отношений человека с другими людьми². Внутренняя сфера сознания человека, по его мнению, должна включать «свободу совести, как свободу личного убеждения, добытого путем самостоятельной умственной работы», «свободу мысли и чувства, свободу мнения относительно вопросов практических и умозрительных или религиозных», а также «свободу выражения мнений». К сфере внешних отношений человека с другими людьми А.И. Казамиров предлагает отнести «свободу личных наклонностей и занятий, образа жизни, выбора профессии, свободу действий» до тех пор, пока не причиняются неудобства ближним. Учитывая, что Уголовный кодекс РФ не содержит дефиницию понятия «свобода личности», А.И. Казамиров считает, что данный механизм уголовно-правовой защиты предусматривает узкий подход к пониманию свободы личности, так как подразумевает охрану физической свободы – право выбора места нахождения и свободу передвижения.

М.Ю. Карасева в противовес данной позиции утверждает, что Уголовный кодекс РФ охраняет «иные свободы человека» – неприкосновенность личности, охрану половой свободы (положения

¹ Волкова О.В. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны // Рос. следователь. 2009. № 16. С. 6.

² Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2003. С. 20, 27.

гл. 18 УК РФ), свободу совести и вероисповедания (гл. 19)¹. По мнению М.Ю. Карасевой, понимание российским законодателем свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны является достаточно полным и отражает его содержание и комплексный характер. При этом предлагает реструктурировать положения УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против свободы личности, и выделить такие составные части свободы личности, как: физическую свободу личности (ст. 126–128, 206, 301); политическую свободу личности (ст. 136, 141, 239); экономическую свободу личности (ст. 158–162, 169, 178, 179); половую свободу личности (ст. 131–133, 240); свободу личности специальных субъектов (ст. 294, 296, 309, 318, 333, 334); свободу личности в иных областях жизнедеятельности (ст. 120, 299, 302).

Небезынтересной следует признать точку зрения А.С. Горелика, который предлагает к преступлениям против свободы личности относить деяния, незаконно ограничивающие любым способом против воли человека его возможность передвигаться по территории Российской Федерации, выбирать место постоянного или временного нахождения². По мнению В.В. Панкратова, к преступлениям против свободы личности по образцу европейского законодательства следует отнести ст. 206 УК РФ (захват заложника), так как данный состав является одной из разновидностей посягательства на личную свободу человека³.

Актуальной проблемой следует признать наметившийся в РФ чрезмерно активный и противоречивый процесс криминализации и пенализации деяний, предопределивший внесение порядка тысячи изменений и дополнений в содержание норм Общей и Особенной частей УК РФ, не всегда последовательно отражавших насущные проблемы уголовно-правового регулирования⁴. Данный подход во многом предопределен отсутствием социально обусловленной стратегии и тактики противодействия преступности. Одной из приоритетных задач является принятие Концепции развития уголовно-правовой политики Российской Федерации, определяющей направления модернизации

¹ Карасева М.Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности. С. 46–48.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. Преступления против личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008. С. 411.

³ Панкратов В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 1999. С. 18.

⁴ Коробеев А.И. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени // Угол. право. 2012. № 5. С. 89.

российского уголовного законодательства по обеспечению безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью¹. В рамках указанного проекта более пристального внимания заслуживает совершенствование уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против свободы личности².

В завершение следует сказать, что разработка национального механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в современных условиях, по мнению ряда ученых, имеет выраженные как позитивные, так и негативные тенденции³. Рассматривая глобализм как «совокупность политических стремлений, связанных с организацией и координацией усилий всего человечества по предотвращению его самоуничтожения», следует отметить позитивные моменты, в частности глобализацию права, одним из приоритетных направлений которой является гарантирование в национальном законодательстве государств естественных и неотчуждаемых прав человека, в том числе права каждого человека на свободу.

В ходе реформы правовой системы, предпринятой с начала 90-х гг. XX в., в уголовном законодательстве России в соответствии с принципами международного права поэтапно оформлению в ст. 126–128 гл. 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» подлежали составы преступлений против свободы личности, устанавливающие уголовную ответственность за похищение человека; незаконное лишение свободы; торговлю людьми; использование рабского труда; незаконное помещение в психиатрический стационар. Однако порядок структурирования Особенной части УК РФ и законодательная регламентация составов противоправных посягательств на свободу человека предопределили ряд дискуссионных вопросов, активно обсуждаемых в научных и практических кругах. Возникшие спорные моменты обусловлены отсутствием в конвенциональных международных актах дефиниции свободы человека и закреплением в ст. 22 Конституции РФ предусмотренного нормами международного права каждого человека на свободу, институци-

¹ Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Угол. право. 2012. № 4. С. 6.

² Орцханова Т.М. Уголовно-правовое противодействие использованию рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012; Стукалов В.В. Уголовно-правовые аспекты торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д., 2012; Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека.

³ Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. С. 12–13.

онально отграниченного в ст. 27 от права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Думается, что нормативное уголовно-правовое регулирование в РФ свободы личности должно исходить из сложившегося в процессе глобализации права правового опыта и во избежание «двойных стандартов» протекать в правовом поле международных принципов и норм, имеющих методологическое и доктринальное научное обоснование.

2.2. Проблемы квалификации преступлений против свободы личности

В условиях новеллизации правовой системы РФ одним из приоритетных направлений является создание эффективного механизма по обеспечению реальных прав и свобод, в том числе свободы и безопасности личности. Предусмотренные в гл. 17 УК РФ в контексте международных общепризнанных принципов и норм уголовно-правовые средства охраны свободы личности содействуют реализации целей и задач национальной уголовно-правовой политики. Однако на правоприменительном уровне, несмотря на достаточно высокий уровень законодательной техники, в процессе реализации норм, предусмотренных гл. 17 УК РФ, возникает ряд проблем, связанных с квалификацией противоправных посягательств.

Правильная квалификация преступления, справедливо отмечает в своей работе В.Н. Кудрявцев, содействует соблюдению принципа законности, признающего «краеугольным камнем правосудия», и предусматривает «точное соответствие между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления»¹. К числу «важнейших аспектов» квалификации преступления В.Н. Кудрявцев относит правовые, психологические и логические аспекты. Уголовно-правовые аспекты квалификации преступления («уголовно-правовая квалификация») заключаются в правильной юридической оценке конкретного индивидуального правонарушения – в отграничении преступного от не преступного, в выборе уголовно-правовой нормы и установлении соответствия признаков совершенного деяния установленным законодательством признакам состава преступления. Немаловажное значение для правильной квалификации преступления имеет разрешение конкуренции общей и специальной норм и квалификация преступлений по совокупности².

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. С. 1, 6.

² Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М., 1947. С. 3; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд. М., 2010. С. 18; Куринов Б.А.

Анализ материалов правоприменительной деятельности, связанной с проблемами квалификации преступлений, предусмотренных гл. 17 УК РФ, позволил сделать вывод о том, что наиболее дискуссионными в результате недостаточной совершенности законодательной формулы являются вопросы относительно правовой оценки структурных элементов исследуемых составов и образующих их признаков, оснований отграничения от иных видов преступлений.

Одной из актуальных проблем квалификации преступлений против свободы личности следует признать коллизионные моменты, возникающие при юридической оценке объекта противоправных посягательств, предусмотренных в ст. 126–128 УК РФ. При этом следует учитывать, что правильная юридическая оценка объекта деяния имеет решающее значение для преодоления конкуренции двух норм и разграничения смежных составов преступлений¹.

Проблемы, возникающие при установлении объектов отдельных составов преступлений против свободы личности, неоднократно подчеркивались на страницах специальной литературы². В основу разрешения коллизионных моментов, возникающих в процессе разграничения объектов преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, должны быть положены принципы, предусмотренные национальной доктриной уголовного права. Научкой отечественного уголовного права разработан подход, согласно которому разграничению подлежат родовые, видовые и непосредственные характеристики объекта противоправных посягательств³.

Непосредственным объектом преступлений, закрепленных в ст. 126–128 УК РФ, выступают социально значимые интересы и отношения в сфере охраны личной свободы человека. Нарушение уголовно-правового запрета в указанной области сопряжено с посягательством на физическую свободу, включающую свободу перемещения, выбор временного или постоянного

Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 11; Левицкий Г.А. Квалификация преступлений. М., 1981. С. 4; Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: прак. пособие. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2006. С. 7–9; Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003. С. 9.

¹ Наумов А. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 127¹ и ст. 240 УК РФ // Законность. 2007. № 6. С. 15.

² Долгоненко Т. Уголовная ответственность за торговлю людьми // Угол. право. 2004. № 2. С. 23; Петрайкин Д. Похищение человека: объект и объективная сторона // Законность. 2008. № 12. С. 38; Ушакова Е.В. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации объективных признаков похищения человека // Рос. следователь. 2011. № 18. С. 23.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 130–139.

места пребывания, свободу воли при отсутствии внешнего воздействия, свободу выбора действия в определенных жизненных ситуациях.

Правильная юридическая оценка деяния требует определения категории личной свободы, подразумевающей возможность лицом проявлять волю при выборе места пребывания, маршрута передвижения, характера выполняемых действий. Вместе с тем совершение отдельных из ряда исследуемых преступлений предполагает более объемное поражение свободы личности. Так, например, торговля людьми и использование рабского труда сопряжены с посягательством на социально значимые интересы и отношения в сфере защиты личной, политической и профессиональной свободы человека. Уголовно-правовой охране в указанных составах преступлений помимо названных свобод подлежат свобода труда, творчества, мысли.

Функцию дополнительных объектов преступлений, регламентированных ст. 1271 и 1272 УК РФ, выполняют социально значимые интересы и отношения в сфере охраны чести и достоинства, половой свободы и половой неприкосновенности, жизни и здоровья, а в случаях криминальной миграции осуществляется также посягательство на порядок управления по обеспечению суверенитета государства. По мнению А.В. Наумова, «вербовка человека в целях его сексуальной эксплуатации образует состав торговли людьми, если такое деяние сопряжено с посягательством на свободу соответствующего лица. Лишение свободы путем изъятия документов, заперения в помещении должно квалифицироваться по ст. 1271 УК РФ с учетом предпочтения специальной нормы над общей, содержащейся в ст. 127 УК РФ. Ситуация меняется, если вербовка человека для занятия проституцией (и согласие на это) не связана с лишением его свободы. Содеянное при указанных обстоятельствах следует квалифицировать по ст. 240 УК РФ»¹.

Помимо объекта преступления в преступлениях против свободы личности возникают проблемы правильной квалификации предмета преступных посягательств. В частности, определенные сложности имеют место при определении предмета состава торговли людьми². Специфика данного преступления состоит в том, что согласно конвенционным международным положениям в качестве предмета торговли людьми выступает человек с присущими ему возрастными, социально-психологическими,

¹ Наумов А. Указ. соч. С. 15.

² Кауфман М.А. О предмете преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ «Торговля людьми» // Угол. право. 2008. № 1. С. 39.

демографическими и биологическими особенностями. Предметом преступления, предусмотренного ст. 1271 УК РФ, является человек независимо от пола, возраста, состояния здоровья, национальности, степени родства с продавцом и социального статуса. Соответственно, потерпевшим может быть признан новорожденный, малолетний, несовершеннолетний и взрослый человек мужского или женского пола. Следует также отметить, что потерпевшим может быть любое физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Торговля несовершеннолетним оценивается как квалифицированный вид основного состава преступления.

Специфика использования рабского труда, предусмотренного ст. 1272 УК РФ, заключается в том, что в качестве потерпевшего выступает человек, оказавшийся в зависимости от виновного и не способный вследствие этого отказаться от выполнения работ или оказания услуг. Рабом признается человек, лишенный всех прав и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом. Под рабством понимается положение лица, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности. Указанный статус жертвы предопределяет возможность беспрепятственного использования рабского труда подневольного человека, не имеющего возможности заявить о своих правах на личную свободу и свободу выбора трудовой деятельности.

Различные точки зрения в научных кругах высказываются относительно квалификации преступления против свободы личности, связанного с незаконным помещением в психиатрический стационар, касающиеся разграничения основного и дополнительного объектов противоправного посягательства¹. Необходимо отметить, что потерпевшим в данном случае может быть как больное, так и здоровое лицо, не нуждающееся в помещении в психиатрический стационар. Нарушению подлежит право на личную свободу человека, исключаящее беспрепятственный выбор места своего нахождения и перемещения в пространстве. Следовательно, объектом преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, являются социально значимые интересы и отношения в сфере охраны личной свободы человека в праве выбора места своего пребывания и возможности беспрепятственного перемещения в пространстве. Вместе с тем следует отметить, что в диспозиции нормы ст. 128 УК РФ отсутствует указание на дополнительный объект, который, заслуживая в отдельных случаях самостоятельной уголовно-правовой охраны, защищается исследуемой нормой лишь

¹ Агильдин В.В., Парфиненко И.П. Преступления против свободы человека по Российскому праву: учеб. пособие. Иркутск, 2007. С. 36.

попутно вследствие второстепенной роли представляемых интересов и отношений, затрагиваемых указанным посягательством.

Еще одной проблемой квалификации преступлений против свободы личности следует признать юридическую оценку объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ. Ряд коллизионных моментов можно выделить при квалификации преступных посягательств на свободу личности по ст. 126 УК РФ¹. Объективную сторону похищения человека образуют противоправные умышленные действия, направленные на тайное либо открытое завладение (захват) живого человека, его перемещение с постоянного или временного места нахождения в другое место и последующее удержание в подневольном состоянии. Принимая во внимание указанную специфику, Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения в части осуждения виновных по ч. 3 ст. 126 УК РФ и дело в данной части прекратил за отсутствием состава преступления².

Формальная конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, подтверждается определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.10.2005 г. № 64-005-13. Похищение человека признается оконченным преступлением в момент захвата лица и лишения его возможности передвигаться³. Период незаконного удержания может варьироваться от нескольких часов до нескольких месяцев. Похищение человека, как правило, сопровождается психическим или физическим принуждением в отношении потерпевшего или близких ему лиц. Однако изъятие потерпевшего и перемещение в другое место при отсутствии установленного мотива на похищение человека при наличии состава иного насильственного преступления исключает юридическую оценку деяния в соответствии со ст. 126 УК РФ.

Правовые коллизии имеют место при квалификации объективной стороны незаконного лишения свободы, предусмотренного ст. 127 УК РФ. Внимания в данном случае заслуживает правовая оценка объективной стороны преступления, включающая деяние, направленное на удержание помимо воли потерпевшего в месте его нахождения на момент осуществления посягательства. Противоправные действия виновного исключают

¹ Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы // Рос. судья. 2013. № 4. С. 26–28; Волков К.А. Преступления против личной свободы человека в судебной практике Верховного Суда России // Рос. судья. 2009. № 7. С. 34–37; Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека. С. 22–25.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 1. С. 10–11.

³ Там же. 2006. № 11. С. 28–29.

возможность беспрепятственного перемещения в пространстве, избрания лицом места своего пребывания. Незаконное удержание вопреки воле потерпевшего свидетельствует о моменте окончания преступления. Согласно постановлению Президиума Верховного Суда РФ от 16 июля 2003 г. № 370п03 лишение свободы следует понимать как незаконное лишение человека свободы передвижения в пространстве и общения с другими людьми, выбора им места нахождения¹.

Незаконное лишение свободы констатируется при условии установления факта отсутствия надлежащего правового основания для удержания лица в определенном месте. В качестве законного основания временной изоляции обвиняемого, подсудимого или осужденного может служить постановление (определение) или иное решение суда. Между тем незаконное лишение свободы может быть осуществлено в местах постоянного или временного пребывания потерпевшего. Специфика объективной стороны анализируемого преступления, по мнению Т.Н. Нуркаевой, проявляется в лишении свободы потерпевшего в месте нахождения на момент совершения преступления по собственной воле². Однако следует обратить внимание на то, что незаконное лишение свободы предполагает захват и удержание человека в неволе без дополнительного его перемещения в пространстве. Потерпевший (потерпевшая) не может избавиться от возложенного обременения вследствие обстановки либо оказываемого негативного воздействия³.

Неоднозначные подходы высказываются на страницах специальной литературы относительно юридической оценки объективной стороны преступлений против свободы личности, предусмотренных ст. 1271, 1272 УК РФ⁴. Учитывая специфику объективной стороны торговли людьми, одним из проблемных вопросов является правильная юридическая оценка стремления продажи человека, не завершившегося куплей «живого товара». При квалификации данного деяния необходимо исходить из того, преступление признается оконченным в момент осуществления двух взаимосвязанных преступных действий. Вследствие этого обоснованным представляется мнение о том, что совершение одного преступного действия

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.

² Нуркаева Т.Н. Указ. соч. С. 279.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 10. С. 26–27.

⁴ Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда // Рос. следователь. 2005. № 3. С. 26–28; Долголенко Т. Уголовная ответственность за торговлю людьми. С. 23–25.

надлежит квалифицировать как покушение на преступление по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 127.1 УК РФ¹.

Специфика объективной стороны преступления, регламентированного ст. 127.2 УК РФ, заключается в том, что реализуемые противоправные действия направлены на использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Состав анализируемого преступления по конструкции является формальным. Преступление признается оконченным в момент начала использования рабского труда зависимого человека. Приказы и распоряжения виновного по осуществлению работ или оказанию услуг выполняются потерпевшим беспрекословно в силу зависимого положения, идентифицируемого в данном случае с состоянием собственности. Виновный распоряжается трудом потерпевшего по своему усмотрению, не принимая во внимание пожелания подневольного лица. Подневольное состояние потерпевшего может быть обусловлено его похищением, куплей-продажей, вербовкой. Зависимое положение жертвы может быть predetermined отсутствием средств к существованию, невозможностью выплаты долга, незаконным лишением свободы.

Особенности квалификации объективной стороны использования рабского труда находят отражение в правоприменительной деятельности. Так, Яшалтинским районным судом Республики Калмыкия действия Г. были квалифицированы по ч. 1 ст. 127.2 УК РФ как совершение использования труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, исходя из того, что лицо по независящим от него причинам не могло отказаться от выполнения работ².

Раскрывая специфику объективной стороны незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), необходимо подчеркнуть, что установление данного признака предполагает действия, связанные с направлением в указанное учреждение лица, страдающего психическим расстройством, с нарушением установленных законом правил, либо госпитализацией в психиатрический стационар психически здорового человека. Момент окончания преступления сопряжен с незаконным поме-

¹ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. М., Екатеринбург, 2011. С. 124.

² Архив Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия. Дело № 1–33. 2012.

щением не нуждающегося в госпитализации человека в психиатрический стационар¹.

Диспозиция нормы, регламентированной ст. 128 УК РФ, требует для квалификации установления нарушения конкретного пункта правил Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»². Общественная опасность реализованного деяния подтверждается совокупностью следующих факторов: а) оставлением потерпевшего вопреки его воле и установленным законом правилам в психиатрической больнице (стационаре); б) оформлением истории болезни врачом-психиатром на психически здорового человека; в) оформлением истории болезни врачом-психиатром на психически больного человека, не нуждающегося в стационарном лечении. В этой связи нарушается указание, данное судам, относительно возможности назначения принудительных мер медицинского характера до выхода лица из болезненного состояния с последующим его направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов³. Подтверждением служит сложившаяся правоприменительная деятельность⁴.

Следующим критерием правильной квалификации преступлений против свободы личности является юридическая оценка субъекта преступления. Среди преступлений против свободы личности наиболее спорные вопросы квалификации субъекта имеют место в отношении таких составов как торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ).

Раскрывая специфику квалификации субъекта торговли людьми, стоит подчеркнуть, что субъектом преступления может быть признан продавец, покупатель, перевозчик, укрыватель при условии вменяемости и достижения возраста шестнадцати лет. Указанные лица составляют звено в цепочке взаимосвязанных действий, обеспечивающих реализацию действий, связанных с вербовкой, куплей-продажей, перемещением, получением, передачей, укрывательством и организацией эксплуатации. Субъектом может выступать лицо, совершившее один факт купли-продажи человека. Таковыми могут признаваться, с одной стороны, лицо, осуществля-

¹ Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Актуальные вопросы квалификации незаконного помещения в психиатрический стационар // Рос. следователь. 2013. № 16. С. 20–22.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. 1992. № 33. Ст. 1913.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7. С. 19.

⁴ Там же. 2007. № 3. С. 30.

ющее продажу человека, с другой – являющееся его покупателем. Например, продажа своего ребенка или покупка человека для использования в целях трансплантации его органов. Лицо, которое завербовано, перевезено, получено кем-то, укрыто даже при наличии его согласия, не может являться субъектом данного преступления, так как выступает в роли потерпевшего. Согласие детей на осуществление противоправных действий не может исключать наказуемость действий покупателя¹. Торговля людьми, реализуемая юридическими лицами (агентства по усыновлению детей, оформлению документов для миграции), влечет уголовную ответственность физических лиц, умысел которых был прямо направлен на совершение преступных действий.

Что касается квалификации субъекта преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, то уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления шестнадцати лет, наделенное законом соответствующими полномочиями. В данном случае решение о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях относится к компетенции врача-психиатра. Преступление может быть совершено только с прямым умыслом, так как виновный осознает, что незаконно помещает человека в психиатрический стационар и желает этого в момент осуществления противоправных действий.

Наиболее углубленного осмысления, по мнению ученых и практиков, требует квалификация субъективной стороны преступлений против свободы личности, влекущая на правоприменительном уровне по большинству уголовных дел отмену решения суда². Наиболее спорными вопросами являются основания разграничения составов преступлений с учетом направленности умысла, наличия или отсутствия специальной цели и т. п. Так, например, отсутствие у П. умысла и цели последующего удержания потерпевшего в другом месте в неволе повлекло изменение приговора и переквалификацию действий виновного с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ³. Недопустимой была признана квалификация преступления по ст. 127 УК РФ, если умысел лица направлен не на

¹ Трунцевский Ю.В, Сумачев А.В. Права ребенка и секс-индустрия // Государство и право. 1999. № 2. С. 97.

² Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. С. 4–6.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 9. С. 21.

лишение потерпевших свободы, а на применение насилия в ходе разбойного нападения и вымогательства для завладения имуществом¹.

Необходимо обратить внимание на то, что проблемы субъективной стороны преступлений против свободы личности подвергались неоднократно исследованию на страницах специальной юридической литературы². Особого внимания заслуживают проблемы квалификации субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 1271, 1272 УК РФ. Так, квалификация торговли людьми предполагает установление субъективной стороны преступления, образуемой умышленной формой вины и специальной целью. Умысел может быть только прямым, так как виновный осознает общественную опасность и противоправность реализуемых действий и желает их осуществить. Целью противоправной деятельности является эксплуатация человека. Под эксплуатацией человека понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. Отсутствие указанной цели по существу исключает наличие данного состава преступления. Характеризуя особенности квалификации субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 1272 УК РФ, необходимо отметить наличие у виновного лица прямого умысла и определенного побуждения, которым он руководствовался в момент совершения преступления. Мотив у субъекта, как правило, корыстный. Однако его установление не влияет на квалификацию содеянного, а лишь содействует раскрытию, расследованию и доказыванию использования рабского труда на правоприменительном уровне.

Пристального внимания заслуживают возникающие в судебной практике проблемы отграничения оконченного и неоконченного преступления, посягающего на свободу личности. Следует признать, что процесс правильной квалификации преступлений, регламентированных ст. 126–128 УК РФ, во многом затрудняет формальная конструкция составов. Принципиальное значение в данном случае имеет момент осуществления любого из указанных законом противоправных действий. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда в касса-

¹ Там же. 2007. № 7. С. 23.

² Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда // Рос. юст. 2013. № 7. С. 20–22; Габимова Г. Отграничение похищения человека от захвата заложника // Законность. 2002. № 11. С. 49–51; Краев Д. Квалификация похищения человека с целью его последующего убийства // Там же. 2011. № 4. С. 60–65; Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека // Рос. следователь. 2010. № 18. С. 22–25.

ционном определении от 22 мая 2012 г. отметила правильную квалификацию преступления, связанную с покушением на торговлю людьми, в силу того обстоятельства, что подсудимый совершил умышленные действия, направленные на куплю-продажу человека в целях его эксплуатации. Преступление признано неоконченным вследствие осуществления указанных противоправных действий в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия, обусловившего задержание виновного сразу же после получения денег за продажу потерпевшей Р.¹ Купля-продажа человека предусматривает заключение возмездной сделки, сопряженной с приобретением покупателем права на «живой товар» вследствие его передачи продавцом за определенную плату. Получение денег виновным без состоявшейся передачи потерпевшей исключило констатацию факта оконченого преступления.

Дискуссионным вопросом в науке уголовного права и правоприменительной деятельности является правовая оценка противоправных действий при установлении множественности соучастников и отсутствии соисполнительской деятельности. Юридическая оценка деяния по п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ становится возможной лишь в тех случаях, когда два или более лица на стадии приготовления вступили в сговор и в качестве соисполнителей совершили похищение человека. При наличии организатора, подстрекателя или пособника деяние предлагается квалифицировать со ссылкой на соответствующие части ст. 33 УК РФ². Для квалификации похищения человека группой лиц по предварительному сговору необходимо наличие как минимум двух и более совместно действующих заранее договорившихся субъектов, принимающих непосредственное участие в изъятии человека из среды пребывания и перемещении вопреки воле потерпевшего в другое место, сопровождаемом дальнейшим удержанием. Указанный вывод следует из постановлений Пленумов Верховного Суда РФ по иным категориям уголовных дел, однако находящих отражение в приговорах судов по преступлениям против свободы личности в пределах субъектов РФ³.

На правоприменительном уровне следует проводить разграничение между квалифицированными видами похищения человека и незаконного лишения свободы. Захват и перемещение потерпевшего помимо его воли в другое место следует отличать от незаконного удержания жертвы вопреки ее воле в определенном месте, совершенного группой лиц по предвари-

¹ Архив Пермского краевого суда. Дело № 22-4087. 2012.

² Снахова М.Р. Указ. соч. С.130.

³ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-3142. 2010.

тельному сговору. Так, допущенная судом первой инстанции ошибка при установлении специфики объективной стороны преступления предопределила переквалификацию действий осужденного с п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ¹.

Определенные затруднения вызывает квалификация похищения человека, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия (п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ)². Похищение человека в данном случае сопровождается насильственными действиями виновного, совершение которых представляет реальную угрозу причинения смерти или вреда здоровью, либо повлекли причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. При этом основания опасаться за жизнь или здоровье у потерпевшего предопределены характером и содержанием осуществляемых противоправных действий. Следовательно, внимания на правоприменительном уровне должны заслуживать: 1) интенсивность посягательства; 2) используемые орудия и средства его совершения; 3) локализация нанесенных или предполагаемых ранений; 4) характер и объем причиненного вреда.

Коллизионные моменты установлены при квалификации похищения человека по п. «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Исходя из материалов судебной практики, юридическая оценка деяния п. «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ предполагает установление нескольких случаев похищения человека либо одного эпизода, установившего наличие посягательств на личную свободу как минимум двух лиц³. При этом необходимо учитывать, что отсутствие единого умысла на похищение двух и более лиц сохраняет возможность подобной квалификации, совершенных в различное время противоправных деяний.

Анализируя проблемы квалификации деяния по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, необходимо обратить внимание на то, что похищение человека из корыстных побуждений констатируется при условии его совершения в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества, прав на жилплощадь) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов). При этом корыстный мотив должен возникнуть до момента выполнения объективной стороны преступления. Вместе с тем на правоприменительном уровне возникают за-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 3. С. 21.

² Там же. 2002. № 3. С. 22.

³ Там же. 2012. № 3. С. 15.

труднения при юридической оценке деяния, когда действия виновного, обусловленные достижением корыстной цели, сопряжены с совершением иного преступления. Так, приговором Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре 19 ноября 2009 г. Л. был осужден по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Однако определением Судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 2 февраля 2010 г. данный приговор в части осуждения по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ был отменен за отсутствием в действиях Л. состава преступления. Основанием для принятия такого решения послужили следующие доводы кассационной инстанции. Одним из признаков объективной стороны похищения человека является изъятие и перемещение потерпевшего с целью последующего удержания в другое место. Как следует из приговора захват и перемещение Х. помимо его воли охватывались объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, и являлись формой насилия, примененного к потерпевшему. Отсутствие умысла у осужденного на похищение человека и соответствующих доказательств легли в основу анализируемого кассационного определения¹.

Неоднозначные подходы имеют место в правоприменительной деятельности при квалификации похищения человека по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ. Исходя из материалов судебной практики преступление признается совершенным организованной группой, если умысел на него реализован устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений². При этом участник организованной группы несет уголовную ответственность как соисполнитель за преступление, совершенное организованной группой, в котором он непосредственно участвовал или подготовку которого осуществлял³.

Что касается квалификации деяния по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ, то похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, требует установления двойной формы вины. Иные тяжкие последствия включают нанесение материального ущерба в крупном размере, психическое расстройство потерпевшего, его самоубийство и т.п. Указанное дополнение было отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о

¹ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 396. 2010.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1. С. 24.

³ Там же. 2011. № 9. С. 8.

превышении должностных полномочий»¹. Примером неправильной квалификации служит постановление Хабаровского краевого суда, отменившее ранее вынесенное решение в отношении действий Б., признанного виновным по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 126 и пп. «а», «в», «г», «е» ч. 2 ст. 127 УК РФ. Затягивание виновным Б. петли на шее С., связывание рук для удержания до изъятия у потерпевшей денег было признано насилием, примененным при нападении в целях хищения ее имущества². Проблемы квалификации преступлений против свободы личности влекут на правоприменительном уровне необоснованный выход суда за пределы обвинения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда кассационным определением от 4 октября 2012 г. внесла уточнение в описательно-мотивировочную часть приговора Норильского городского суда по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «в», «г», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ³.

Дискуссионным вопросом является квалификация торговли людьми, совершенной в отношении двух или более лиц. Многолетняя судебносудебная практика по применению данного квалифицирующего признака, как правило, не вызывала особых трудностей. Главным условием уголовно-правовой оценки являлось наличие в отдельно совершенных деяниях единого умысла, преследующего одну и ту же цель. В настоящее время среди ученых отсутствует единство взглядов уголовно-правовой оценки, связанной с торговлей в отношении двух или более лиц. Возникшие проблемы применения данного квалифицирующего признака вызваны декриминализацией неоднократности, внесенными изменениями в законодательное определение понятия совокупности преступлений и рядом постановлений Пленумов Верховного Суда РФ⁴.

Анализ специальной литературы позволил выделить два основных подхода к решению проблемы. Одни авторы, с учетом названных обстоятельств, предлагают квалификацию по признаку «в отношении двух или более лиц» толковать расширительно. Торговля в отношении двух и более лиц имеет место в случаях, когда виновный умышленно совершает действия, указанные в диспозиции ст. 1271 УК РФ в отношении двух или более лиц независимо от наличия или отсутствия таких обстоятельств, как

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12. С. 6–7.

² Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 44-У-448. 2008.

³ Архив Красноярского краевого суда. Дело № 22-8642. 2012.

⁴ Абубакиров Ф.М. Купля-продажа человека и иные действия, совершенные в целях эксплуатации в отношении двух или более лиц // Создание регионального механизма защиты жертв торговли людьми: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2009. С. 39.

единство умысла, места и времени торговли одного и другого (других) потерпевших. Для квалификации по данному признаку не имеет значения, возник умысел одновременно или разновременно в отношении каждого из потерпевших¹.

Однако, по мнению других авторов, данная правовая оценка весьма спорна, так как такой подход граничит с объективным вменением, что недопустимо согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ. С предлагаемой квалификацией можно согласиться лишь при условии, если умысел на торговлю последующим лицом возник в процессе реализации первоначального замысла, т. е. до момента окончания одного из действий, указанных в ч. 1 ст. 1271 УК РФ. В качестве дополнительной аргументации сторонники данной уголовно-правовой оценки ссылаются на судебную практику по применению идентичного квалифицированного признака в отношении к другим составам преступлений². Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2009 г. № 46П09ПР становится своеобразной иллюстрацией решения данного вопроса³.

Сторонники иного подхода утверждают, что в данной ситуации предполагается направленность умысла виновного на куплю-продажу, вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение в целях эксплуатации одновременно или разновременно именно нескольких лиц. Осуществление умысла виновного на куплю-продажу одного потерпевшего, формирование и реализация умысла в отношении другого лица меняет юридическую оценку содеянного. В этой связи указанные деяния надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 1271 УК РФ⁴. Торговля людьми в отношении двух или более лиц означает, что одновременно или с некоторым разрывом во времени, но при наличии у виновного единого умысла, совершаются преступные действия в отношении нескольких потерпевших. Это может быть одновременная или поочередная продажа людей разным покупателям. В противном случае налицо несколько эпизодов торговли людьми, т. е. совокупность преступлений⁵.

¹ Долголенко Т. Уголовная ответственность за торговлю людьми // Угол. право. 2004. № 2. С. 24.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6. С. 9.

³ Там же. 2009. № 6. С. 29–30.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2007.

Таким образом, исходя из принципа субъективного вменения, квалификация преступления по п. «а» ч. 2 ст. 1271 УК РФ предполагает, как правило, одновременную торговлю как минимум двумя потерпевшими при наличии единого умысла. В отдельных случаях между первым и последующим действием, связанным с торговлей «живым товаром», может быть разрыв во времени, однако виновный при этом должен действовать с умыслом, который изначально охватывал торговлю нескольких лиц. В том случае, когда один человек куплен (продан), а в отношении второго была лишь осуществлена попытка его продажи (приобретения), такие действия следует квалифицировать как покушение на торговлю в отношении двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 1271 УК РФ). Дискуссионным вопросом квалификации торговли людьми, совершенной в отношении двух или более лиц, является юридическая оценка преступления, когда действия по торговле человеком состоялись только в отношении одного из потерпевших. Учитывая отсутствие однозначной правовой позиции в решении данного вопроса на правоприменительном уровне, в научной литературе можно выделить четыре подхода к квалификации покушения на совершение преступления в отношении двух или более лиц, если при этом деяние совершено только в отношении одного потерпевшего: 1) совершение оконченного деяния в отношении двух или более лиц; 2) покушение на преступление, совершенное в отношении двух или более лиц; 3) совершение оконченного деяния в отношении двух или более лиц и покушение на преступление, совершенное в отношении двух или более лиц; 4) оконченное деяние в отношении одного потерпевшего и покушение на преступление, совершенное в отношении двух или более лиц.

Однако ни одна из существующих точек зрения о правилах квалификации по признаку совершения деяния в отношении двух или более лиц не удовлетворяет в полной мере как ученых-правоведов, так и юристов-практиков. Указанный квалифицирующий признак по-разному оценивается исследователями в плане квалификации различных видов преступлений, в том числе против свободы личности¹. Проведенный анализ предлагаемых критериев квалификации позволил автору сделать следующий вывод. Если виновный не сумел полностью осуществить свой умысел на

¹ Бабий Н. Ответственность за убийство двух и более лиц // Законность. 2004. № 8. С. 38–40; Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 129; Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 55–56; Феоктистов М., Бочаров Е. Квалификация убийств: некоторые вопросы теории и практики // Угол. право. 2000. № 2. С. 65–67.

торговлю нескольких лиц и совершил противоправные действия только в отношении одного потерпевшего, то содеянное не может рассматриваться как оконченное преступление, а будет квалифицироваться как покушение на торговлю людьми в отношении двух и более лиц. При этом не имеет значения, что было совершено раньше – оконченное деяние или покушение на это преступление. Фактически совершенному преступлению в таких случаях следует давать самостоятельную юридическую оценку по ч. 1 ст. 1271 УК РФ, при наличии отягчающих обстоятельств – по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 1271 УК РФ. Таким образом, юридическая оценка деяния предполагает квалификацию содеянного по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 1271 и ч. 1 ст. 1271 УК РФ либо соответствующему пункту ч. 2 ст. 1271 УК РФ.

В судебно-следственной практике и юридической литературе в настоящее время отсутствует единый подход к квалификации деяния по п. «г» ч. 2 ст. 1271 УК РФ. Правовая оценка деяния по п. «г» ч. 2 ст. 1271 УК РФ, предусматривающая куплю-продажу и иные сделки в отношении человека, совершенные с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации, требуют официального пояснения данного понятия. Государственная граница образуется линией и проходящей по этой линии вертикальной поверхности, определяющей пределы государственной территории РФ, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации. Соответственно, купля-продажа и иные сделки в отношении человека, сопряженные с перемещением потерпевшего через указанную линию образует квалифицированный вид основного состава преступления. Следовательно, незаконное перемещение человека через государственную границу требует дополнительной квалификации совершенных преступлений по ст. 322 УК РФ. Незаконное удержание человека за границей осуществляется вопреки его воле и констатируется при отсутствии необходимых документов (визы, паспорта, приглашения, командировочного удостоверения), предопределяющих зависимое положение потерпевшего.

Раскрывая проблемы квалификации деяния по п. «д» ч. 2 ст. 1271 УК РФ, необходимо отметить, что данный состав преступления предполагает куплю-продажу и иные сделки в отношении человека, совершенные с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего. В этой связи установлению подлежат официальное предъявление документов для облегчения совершения преступления, выемка у потерпев-

шего определенным способом, хранение в недоступном для посторонних людей месте, ликвидация, устраняющая возможность идентификации личности человека. Используемый способ совершения преступления существенно ограничивает права и возможности потерпевшего, осложняя процесс его перемещения в пространстве и позволяя без дополнительных затрат удерживать лицо в подневольном состоянии. В качестве примера можно привести определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2010 г. № 25-О10-23, подтвердившей наличие в действиях виновного лица признаков составов преступлений, предусмотренных п. «а», «б», «г», «д» ч. 2 ст. 1271 УК РФ¹.

Проблемы правильной юридической оценки, исходя из материалов судебной практики, имеют место при квалификации деяния по п. «а» ч. 3 ст. 1271 УК РФ. Дискуссионность вопроса обусловлена тем, что купля-продажа и иные сделки, повлекшие по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью или иные тяжкие последствия, указывают на наличие материального по конструкции состава преступления, признаваемого оконченным в момент наступления одного из альтернативно представленных в законе общественно опасных последствий. В качестве дополнительного объекта преступления выступают социально значимые интересы и отношения в сфере охраны жизни или здоровья человека. Иные тяжкие последствия включают нанесение материального ущерба в крупном размере, психическое расстройство потерпевшего, его самоубийство. Указанное дополнение было отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»².

Особенности квалификации выявлены в отношении п. «в» ч. 3 ст. 1271 УК РФ, предусматривающего осуществление торговли людьми организованной группой. Принимая во внимание материалы судебной практики, квалификация по указанному признаку является возможной лишь в том случае, если умысел на него реализован устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений³. При этом участник организованной группы несет уголовную ответ-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1. С. 38.

² Там же. 2009. № 12. С. 6–7.

³ Там же. 2011. № 1. С. 24.

ственность как соисполнитель за преступление, совершенное организованной группой, в котором он участвовал или которое подготавливал¹.

На правоприменительном уровне определенные трудности имеют место при квалификации использования рабского труда, сопряженного с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения (п. «г» ч. 2 ст. 1272 УК РФ). Следует учитывать, что квалификация деяния по п. «г» ч. 2 ст. 1272 УК РФ предполагает осуществление шантажа в форме угроз разоблачения и разглашения компрометирующих сведений с целью создания благоприятных условий виновному для использования рабского труда. Исходя из этого, Судебной коллегией по уголовным делам Краснодарского краевого суда в кассационном определении от 11 июля 2012 г. отмечено, что Д. и Щ. обоснованно признаны виновными в использовании труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ. При этом в качестве квалифицирующих признаков указаны использование рабского труда в отношении двух или более лиц, с применением насилия и угрозой его применения, с изъятием документов, удостоверяющих личность потерпевших².

Неоднозначные подходы присутствуют при квалификации преступления по ч. 2 ст. 128 УК РФ, предусматривающей незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшее по неосторожности смерть или иные тяжкие последствия. В этой связи активному обсуждению подлежит вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности судьи, вынесшего заведомо незаконное решение о помещении в психиатрический стационар. Думается, что следует согласиться с позицией ученых, предлагающих исключать юридическую оценку действий судьи по ч. 2 ст. 128 УК РФ при установлении частного случая вынесения заведомо неправосудного решения³. Однако конструкция состава преступления меняется при незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, повлекшей по неосторожности смерть или иные тяжкие последствия. Момент окончания преступления переносится на стадию наступления одного из указанных законом последствий. Квалификация преступления требует установления дополнительного

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 9. С. 8.

² Архив Краснодарского краевого суда. Дело № 22-4429. 2012.

³ Карасева М.Ю. Указ. соч. С. 127.

объекта преступления, представляющего собой социально значимые интересы и отношения в сфере охраны жизни или здоровья человека. В качестве иных тяжких последствий могут рассматриваться нанесение материального ущерба в крупном размере, психическое расстройство потерпевшего, его самоубийство¹. Необходимо отметить, что правильная юридическая оценка деяния предполагает также установление неосторожной формы вины по отношению к наступившим преступным последствиям. Примером служит решение суда в отношении заведующей отделением психиатрического стационара, незаконно поместившей Л. в психиатрический стационар с использованием своего служебного положения². Таким образом, следует заключить, что судья, вынесший постановление о госпитализации в недобровольном порядке, подлежит ответственности по ст. 305 УК РФ за вынесение заведомо неправосудного судебного акта.

Актуальной проблемой на правоприменительном уровне является отграничение преступлений против свободы личности, регламентированных ст. 126–128 УК РФ, от иных составов преступлений. Пристального внимания заслуживает раскрытие оснований отграничения торговли людьми от похищения человека, использования рабского труда и вовлечения в занятие проституцией. В этой связи ряд авторов предлагает объединить нормы, предусмотренные ст. 126 и 127.1 УК РФ, в рамках одной статьи, исходя из того, что фактическая разница заключается лишь в субъективной стороне преступления, а именно в целях, преследуемых виновным при совершении преступления. В первом случае – это извлечение выгоды (как правило, материальной), во втором – это эксплуатация человека, т. е. присвоение результатов чужого труда³. В противовес данной позиции существует мнение, что торговлю людьми, связанную с похищением человека, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений⁴. При этом, как показывают многочисленные исследования, практически не представляется возможным отграничить некоторые объективные признаки данного преступления от действий, предусмотренных ст. 240 УК РФ. Так, для вменения виновному лицу торговли людьми в форме вербовки, необходимо привести неопровержимые доказательства осознанности им последствий указанных

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12. С. 6–7.

² Там же. 2007. № 3. С. 30.

³ Адмиралова И.А. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования похищения человека (ст. 128 УК РФ) и торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) // Административное и муниципальное право. 2008. № 7. С. 17.

⁴ Адельханян Р.А. Уголовное право России. Практический курс / под общ. и науч. ред. А.В. Наумова, Р.А. Адельханяна [и др.]. 4-е изд., перераб и доп. М., 2010. С. 355.

действий, т. е. неизбежности и очевидности последующей сексуальной эксплуатации вербуемой им жертвы, что представляет для правоприменителя определенную сложность¹.

Для разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 1271 и ст. 240 УК РФ, исследователями предлагается помимо указания объекта посягательства дополнительно учитывать обстоятельства, обуславливающие занятие потерпевшей проституцией. При квалификации установлению подлежат: 1) факт принуждения к вступлению в интимные услуги с разными лицами за вознаграждение; 2) применение насилия как способа воздействия для продолжения оказания потерпевшей коммерческих интимных услуг; 3) контроль и распределение доходов от проституции; 4) обладание лицом, занимающимся проституцией, свободой передвижения; 5) наличие возможности свободного оставления данного вида деятельности.

В квалифицированных составах рассматриваемого преступления, согласно позиции А.В. Наумова, решающее значение приобретает цель насилия и ее соотношение с объектом соответствующего преступного деяния. Если насилие сопряжено с лишением или ограничением свободы потерпевшего в целях его сексуальной эксплуатации, имеет место состав преступления, предусмотренный п. «е» ч. 2 ст. 1271 УК РФ, т. е. состав торговли людьми. В случае же когда насилие предполагает лишь физическое воздействие на потерпевшего с целью вовлечения его в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, содеянное следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ как вовлечение в занятие проституцией².

Однако наличие факта незаконного лишения свободы не может однозначно свидетельствовать о четком разграничении вовлечения в занятие проституцией и вербовки как акта торговли людьми. Согласно изученным материалам судебной практики о вовлечении в занятие проституцией, все действия по ограничению свободы передвижения жертвы предпринимаются виновным исключительно для того, чтобы сломить ее волю, подавить желание к сопротивлению, бегству, обратиться за помощью, создать психологическую ситуацию безысходности, чем принудить к занятию проституцией либо его продолжению. При торговле людьми лишение свободы означает зависимое положение лица, вынужденного оказывать постоянные безвозмездные сексуальные услуги, как эксплуататору, так и другим лицам.

¹ Алихаджиева И. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (ст. 127.1 и 240 УК РФ) // Угол. право. 2008. № 1. С. 14–16.

² Наумов А. Указ. соч. С. 15.

Коллизионные моменты, исходя из материалов правоприменительной деятельности, имеют место при квалификации уголовно-правовых отношений, отличающихся тем, что в процессе реализации цели совершаются посягательства на иные объекты, подлежащие уголовно-правовой охране. Примером служит решение суда, предусматривающее квалификацию преступления, связанного с тайным хищением чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, сопровождавшимся вывозом потерпевшего Ю. с целью вымогательства денег и завершившимся его убийством, по п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 163, п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Пристального внимания заслуживает правовая оценка противоправных действий виновных, совершивших похищение человека с целью убийства. В данном случае все действия подсудимых по изъятию и перемещению человека не подлежат установленной в обвинительном заключении квалификации по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ и ч. 1 ст. 222 УК РФ. Отсутствие совокупности преступлений предполагает квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ и не требуют дополнительной юридической оценки по п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ².

Спорные вопросы квалификации преступлений против свободы личности в контексте отграничения от иных сходных составов подтверждаются проблемой квалификации деяний, предусмотренных ст. 126 и ст. 131 УК РФ. Так, вышестоящая судебная инстанция изменила приговор, указав на отсутствие в действиях лица состава преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, учитывая, что перемещение потерпевшей путем обмана охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ³.

Внимания заслуживают правовые коллизии, возникающие при квалификации преступлений против свободы личности, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего. В данном случае учитывается закономерная причинная связь между посягательством на свободу человека и наступившим преступным последствием. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ действия осужденных были перекавалифицированы с ч. 3 ст. 127 на ч. 1 ст. 127 и ч. 4 ст. 111 УК РФ в силу того, что телесные повреждения, послужившие причиной смерти потерпевшего были

¹ Бюлетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 7. С. 25.

² Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 2-33. 2009.

³ Бюлетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 10. С. 30.

причинены до начала выполнения объективной стороны преступления, связанной с незаконным лишением свободы¹.

Изучение материалов обвинительных приговоров судов показало, что значительные трудности в судебной практике возникают в процессе исследования доказательств по многоэпизодным уголовным делам, в том числе связанным с совокупностью преступлений. В качестве примера можно привести приговор Иркутского областного суда от 06.12.2010 г., вынесенный в отношении трех подсудимых. Ш. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126, пп. «в», «з» ч. 2 ст. 105, пп. «в», «з» ч. 1 ст. 222 УК РФ. П. признан виновным в совершении преступлений, регламентированных ч. 4, 5 ст. 33, пп. «а», «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 33, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 33 п. «а» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 222 УК РФ. С. признан виновным в совершении преступлений, закрепленных в пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 2281 УК РФ².

Необходимо отметить, что проблемы правильной квалификации противоправных посягательств, регламентируемых ст. 126–128 УК РФ, нередко детерминированы пробелами уголовного законодательства. Так, законодательным пробелом является отсутствие в ст. 126 УК РФ определения понятия похищения человека, и как следствие – коллизионные моменты, связанные с неоднозначным толкованием нормы при оценке объективной и субъективной стороны; конструкции состава; множественности соучастников и соисполнительской деятельности; характерных признаков насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия; применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия; оснований отграничения деяний, регламентированных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ, актуализировавшие оформление правовой позиции Президиума Верховного Суда РФ в постановлении № 207п2000 от 17 мая 2000 г., определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 64-005-13 от 13 октября 2005 г.

Ряд коллизионных и пробельных моментов выявлен относительно законодательной формулы, регламентирующей в ст. 127 УК РФ незаконное лишение свободы. Наиболее дискуссионными являются определение объективной стороны состава преступления; форм реализации данного общественно опасного (действие – захват, удержание или бездействия); момент окончания преступления; критерии отграничения незаконного лишения

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 10.

² Архив Иркутского областного суда. Дело № 2-234. 2010.

свободы от похищения человека, инспирировавшие принятие Президиумом Верховного Суда РФ постановления № 370п03 от 16 июля 2003 г.

Проблемы юридической оценки установлены в отношении предусмотренной ст. 1271 УК РФ торговли людьми, требующей ввиду отсутствия в диспозиции нормы дефиниции данного понятия и предусмотренной гл. 30 ГК РФ законодательной формулы купли-продажи и иных сделок пояснения оснований разграничения основного и дополнительного объекта уголовно-правовой охраны в отношении личных, социальных и экономических прав и свобод человека; субъективной стороны преступления, образуемой умышленной формой вины и специальной целью реализуемых действий, связанных с различными формами эксплуатации человека, включая сексуальную эксплуатацию, рабский труд (услуги), подневольное состояние, с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей; форм реализации противоправного деяния насильственными действиями и угрозами; квалификации соисполнительства при осуществлении торговли людьми организованной группой.

Актуальным является приведение в соответствие с нормами международного права законодательной формулы, регламентирующей в ст. 1272 УК РФ уголовную ответственность за использование рабского труда. Несмотря на разграничение нормами международного права «обращения человека в рабство» от «схожих с ним институтов» – «подневольного состояния» человека и «эксплуатации его труда (оказания услуг)», законодательная формула, предусмотренная ст. 1272 УК РФ, исходя из наименования статьи и отсутствия в диспозиции нормы дефиниции указанного понятия, повлекла многообразие подходов к квалификации субъекта, объекта и объективной стороны преступления, предопределивших различную правовую оценку принудительного, обязательного, рабского труда, трудовой и сексуальной эксплуатации человека, незаконных действий, направленных на трудоустройство за границей граждан РФ, нарушение установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека и принуждение к донорству крови.

Проблема повышения эффективности уголовно-правовой нормы актуальна для законодательной формулы, регламентирующей в ст. 128 УК РФ уголовную ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Учитывая, что в диспозиции нормы не раскрывается понятие незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, различной правовой

оценке подлежит на правоприменительном уровне объективная сторона преступления, связанная с неоднозначной квалификацией как незаконного помещения и удержания в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, так и незаконного размещения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях при отсутствии психического заболевания и незаконного содержания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях после выздоровления. Сложившееся многообразие в толковании предмета, объекта и субъективных признаков состава преступления, предопределило проблемы отграничения преступных посягательств на свободу личности, предусмотренных ст. 127, 128, 285 и 305 УК РФ.

В целях устранения коллизионных вопросов уголовно-правового регулирования преступлений против свободы личности, предусмотренных гл. 17 УК РФ, предлагается осуществить систематизацию положений, изложенных в постановлениях Президиума Верховного Суда РФ и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против личной свободы человека», позволившего в контексте уголовно-правовой политики РФ, обеспечения законности и справедливости выработать единый подход и устранить противоречия, возникающие на правоприменительном уровне.

В постановлении для правильной юридической оценки посягательств на свободу личности предлагается: 1) раскрыть дефиницию похищения человека, размещенную в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 17 мая 2000 г. № 207п2000; 2) разъяснить момент окончания преступления, связанного с похищением человека, установленный определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2005 г. № 64-005-13; 3) изложить определение понятия лишения свободы, раскрытое в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 16 июля 2003 г. № 370п03; 4) предусмотреть иные положения постановлений Пленумов и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, разъясняющие основания разграничения преступлений против свободы личности от иных составов преступлений.

2.3. Основные направления новеллизации механизма уголовно-правовой охраны свободы личности

Принимая во внимание проблемы, возникающие на правоприменительном уровне в процессе реализации уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, следует заметить, что одной из причин роста преступности в сфере неотчуждаемых прав и свобод человека, дискуссионных моментов, возникающих при квалификации уголовно-правовых посягательств на свободу человека, коллизий, связанных с отграничением составов преступлений против свободы личности от иных противоправных посягательств является несовершенство нормативного правового регулирования¹.

Проблема реструктуризации уголовного закона в сфере регулирования преступлений против свободы личности неоднократно обсуждалась в научных и общественных кругах. Вместе с тем имевшие место диссертационные исследования преимущественно ориентированы на исследование отдельных составов преступлений. Представляется, что оптимизация уголовно-правовой политики в области обеспечения свободы человека должна основываться на всестороннем и комплексном подходе к данной проблеме, что, безусловно, предполагает учет ряда факторов, таких как приведение норм национального права в соответствие с принципами и нормами международного права и нормативное правовое регулирование свободы личности с учетом разработанных методологических и доктринальных основ, предусматривающих разграничение понятий свободы личности и права человека на личную свободу.

Среди основных направлений совершенствования уголовного законодательства первоочередной задачей, на наш взгляд, следует признать разработку и принятие Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, содержащей с учетом гарантированных Конституцией РФ принципов международного права правовые, организационные и информационные средства, обеспечивающие уголовно-правовое регулирование свободы личности.

Совершенствование нормативного правового регулирования свободы личности в РФ предполагает внесение изменений в наименование и содержание уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 17 УК РФ. Констру-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. утв. указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

ирование норм Особенной части УК РФ должно исходить из общепринятых принципов международного и национального права, в том числе закрепленных в Конституции РФ, декларирующей законодательное разграничение таких личных (гражданских) свобод как личная свобода человека, личная неприкосновенность, свобода выбора места жительства и места пребывания, свобода передвижения, свобода выбора рода профессиональной деятельности, свобода совести, свобода собраний, митингов и др. Вследствие этого название гл. 17 Уголовного кодекса РФ должно последовательно отражать вид конституционализованной свободы человека и раскрывать через конкретно-определенные составы механизм ее уголовно-правовой охраны.

Принимая во внимание использование в международном праве правовой категории «права человека на свободу» и разграничение в зарубежной и национальной правовой доктрине собирательного термина «свободы человека» и понятия «личной свободы человека» целесообразно внести изменения в название главы и привести в соответствие с универсальными правовыми стандартами¹. В этой связи автор предлагает консолидировать составы, обеспечивающие уголовно-правовую охрану личной свободы человека, в рамках гл. 17 УК РФ – «Преступления против личной свободы, чести и достоинства человека».

Уголовно-правовое регулирование личной свободы человека, исходя из различий видовых объектов, подлежащих уголовно-правовой охране, предполагает выделение в рамках гл. 17 УК РФ таких составов преступлений как: 1) похищение человека; 2) незаконное лишение свободы; 3) торговля человеком; 4) эксплуатация человека; 5) незаконное помещение (удержание) в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Уголовно-правовое регулирование свободы чести и достоинства человека предусматривает отграничение от преступлений против личной свободы состава, устанавливающего уголовную ответственность за клевету. Следовательно, состав клеветы, регламентируемый ст. 1281 УК РФ необходимо выделить в отдельную статью 129 УК РФ.

Следующим этапом совершенствования нормативного правового регулирования свободы личности является внесение изменений в содержание норм УК РФ, обеспечивающих уголовно-правовую охрану личной свободы человека. Прежде всего, пристального внимания заслуживает со-

¹ Авдеева Е.В. Правовые основы регламентации свободы личности в международном праве // Бюл. М-ва юст. Украины. 2013. № 2. С. 98–103.

держание нормы ст. 126 УК РФ, устанавливающей ответственность за похищение человека. Как показали данные проведенного автором опроса, указанную точку зрения поддерживают 69,3 % прокуроров и следователей. Проблема несовершенности данной нормы заключается в том, что в ее диспозиции отсутствует определение понятия похищения человека, вследствие чего на правоприменительном уровне становится возможным различное толкование нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 126 УК РФ. В этой связи следует привести слова А.В. Наумова, предложившего отказаться от «простых диспозиций» в уголовном праве, признав их «дефектом законодательной техники»¹.

В силу отсутствия в диспозиции нормы ч. 1 ст. 126 УК РФ определения похищения человека, в науке уголовного права сложилось многообразие подходов. По мнению Е.В. Ушаковой, похищение человека следует рассматривать как «незаконное перемещение и удержание лица, совершенное против его воли, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем обмана»². Т.Н. Нуркаева ссылается на правовую позицию Президиума Верховного Суда РФ, в соответствии с которой под похищением человека предлагается понимать «противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного места нахождения в другое место и последующим удержанием в неволе»³. Определенный интерес представляет дефиниция, согласно которой похищение человека представляет собой умышленные противоправные действия, направленные на его захват, изъятие из привычной микросреды, дальнейшее перемещение, удержание помимо воли в определенном месте путем применения к нему физического либо психического насилия или обмана⁴.

Дискуссионным представляется понятие похищения человека, подразумевающее умышленные насильственные действия, включающие, как правило, захват, перемещение и удержание лица в неизвестном для потерпевших месте, сопровождаемым предъявлением различного рода требований, наиболее характерными из которых являются выплата выкупа как обязательное условие его освобождения⁵. Думается, сложно согласиться с

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 90.

² Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека. С. 6.

³ Нуркаева Т.Н. Указ. соч. С. 276.

⁴ Адельханян Р.А. Расследование похищения человека. М., 2003. С. 28.

⁵ Гаджиэминов Б.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы похищения человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. С. 13–14.

точкой зрения, ограничивающей случаи похищения человека исключительно умышленными насильственными действиями. Возражение также вызывает концентрация внимания на захвате, перемещении и удержании лица в неизвестном для потерпевших месте. Критической оценки заслуживает в данной дефиниции положение о «предъявлении различного рода требований» и признании выплаты выкупа за похищенного человека как «обязательного условия его освобождения». Представляется, что данная позиция исключает из области внимания органов уголовной юстиции лиц, осуществивших похищение человека путем введения его в заблуждение относительно истинных своих намерений либо воспользовавшихся особыми доверительными отношениями с жертвой. Соответственно, использование подобной формулы создает предпосылки для декриминализации действий ненасильственного характера, направленных на похищение человека. Кроме того, возникает закономерный вопрос относительно осведомленности потерпевших о месте своего нахождения. Незаконное удержание вопреки воле жертвы в известном для нее месте вряд ли отражается на юридической оценке деяния. При этом следует иметь в виду, что предъявление различного рода требований не является обязательным признаком похищения человека.

Внимания заслуживает определение похищения человека как изъятия человека из места временного или постоянного пребывания и определение его местонахождения, совершенного вопреки воле потерпевшего¹. По мнению М.Р. Снаховой, похищение человека следует рассматривать как незаконное лишение человека свободы, сопряженное с таким его перемещением, которое лишает его близких или иных заинтересованных лиц возможности свободного общения с похищенным². Дополнительные признаки понятия похищения человека раскрыты Д.Я. Зайдиевой, предложившей под похищением человека понимать открытое или тайное завладение человеком с дальнейшим перемещением против его воли путем применения насилия, обмана или злоупотребления доверием в иное место, с последующим удержанием в неволе³. Определенный интерес представляет позиция М.Ю. Карасевой, полагающей, что похищение человека представляет собой умышленные действия по завладению (захвату) живого человека с перемещением его из постоянного или временного местона-

¹ Краев Д. Указ. соч. С. 60.

² Снахова М.Р. Указ. соч. С.122.

³ Зайдиева Д.Я. Указ. соч. С. 74.

хождения в другое место либо без такового и последующее удержание в неволе»¹.

По мнению автора, предложенные дефиниции похищения человека раскрывают характеризующие его признаки, однако, требуют доработки, обеспечивающей однозначное толкование на правоприменительном уровне. При разработке понятие похищения человека необходимо учесть разъяснения Президиума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 17 мая 2000 г. № 207п2000 по делу Абдуллина. Толкование уголовно-правовой нормы Верховным Судом РФ позволяет рассматривать похищение человека как противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного места нахождения в другое место и последующим удержанием в неволе. Основным моментом объективной стороны данного преступления признается захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте. При этом необходимо иметь в виду, что, учитывая отсутствие направленности умысла виновных на удержание потерпевших в другом месте, Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения в части осуждения виновных по ч. 3 ст. 126 УК РФ и дело в данной части прекратил за отсутствием состава преступления².

Унифицируя предложенные на доктринальном и правоприменительном уровнях дефиниции, автор считает целесообразным включить в ч. 1 ст. 126 УК РФ описательную диспозицию, согласно которой под похищением человека следует понимать *«тайный или открытый захват (завладение) человека с последующим перемещением его с постоянного или временного места нахождения в другое место и удержанием в неволе»*.

Внесения существенных корректив, на наш взгляд, заслуживает ст. 127 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за незаконное лишение свободы. Согласно полученным в ходе опроса данным, изменение содержания ст. 127 УК РФ признают целесообразным 81,8 % респондентов-представителей судебного корпуса и 46,6 % опрошенных сотрудников правоохранительной системы. Следует иметь в виду, что подобные предложения высказывались на страницах специальной литературы. Так, по мнению Д.Я. Зайдиевой, облегчению работы правоохранительных органов по отграничению незаконного

¹ Карасева М.Ю. Указ. соч. С. 80.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 1. С. 10–11.

лишения свободы от иных составов преступлений может способствовать дефиниция, позволяющая рассматривать незаконное лишение свободы как противоправное лишение человека свободы передвижения и выбора своего места нахождения¹.

Анализ предложенной Д.Я. Зайдиевой дефиниции незаконного лишения свободы позволяет высказать замечание, касающееся нецелесообразности указания в диспозиции нормы статьи Особенной части на противоправность реализованного деяния. Дело в том, что данный формальный признак является обязательным для каждого преступления. Именно противоправность означает запрещенность общественно опасного деяния уголовным законом под угрозой назначения наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Вследствие этого противоправность служит юридическим проявлением общественной опасности деяния.

По мнению М.Ю. Карасевой, незаконное лишение свободы следует понимать как «незаконное удержание человека, который находился в определенном месте по собственной воле, а затем был лишен возможности покинуть его вследствие насильственного удержания виновным»². Однако в данной дефиниции внимание акцентируется на принудительном удержании в месте, где жертва находилась либо добровольно прибыла. Одним из спорных вопросов является определение особенностей объективной стороны состава преступления. На это, в частности, указывают более половины опрошенных судей (54,5 %) и более трети работников органов следствия и прокуратуры (38,5 %). Т.Н. Нуркаева в этой связи справедливо отмечает, что объективная сторона незаконного лишения свободы проявляется в отсутствии перемещения человека, вопреки его воле, из одного места в другое³. Потерпевший, как правило, лишается свободы в том месте, где он находился на момент совершения преступления по собственной воле. В рамках объективной стороны преступления в процессе осмысления форм реализации данного общественно опасного деяния анализу подвергаются альтернативно захват или удержание потерпевшего лица в месте его нахождения. В этой связи актуализируется вопрос возможности совершения данного преступления путем действия или бездействия. В юридической литературе рассматриваются случаи обеспечения охраны потерпевшего после лишения его свободы, содержания в связанном состоя-

¹ Зайдиева Д.Я. Указ. соч. С. 67–68.

² Карасева М.Ю. Указ соч. С. 82.

³ Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики). Казань, 2006. С. 279.

нии, воспрепятствования выхода за пределы помещения¹. Думается, что указанное преступление сложно совершить посредством бездействия. Виновный вынужден предпринимать активные противоправные действия, направленные на удержание жертвы в месте ее заточения. В то же время не следует забывать о других различиях, присущих указанным составам преступлений. Внимания заслуживают особенности установления момента окончания данных преступлений и их субъектов. Названные критерии отграничения похищения человека от незаконного лишения свободы предлагают учитывать 9,1 % судей и 15,5 % прокуроров и следователей.

Раскрывая многообразие подходов к понятию незаконного лишения свободы необходимо обратить внимание на постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.07.2003 г. № 370п03, в соответствии с которым «под лишением свободы понимается незаконное лишение человека свободы передвижения в пространстве и общения с другими людьми, выбора им места нахождения»². Стоит заметить, что данная дефиниция влечет ряд коллизионных вопросов. Дело в том, что лишение свободы может носить как законный, так и незаконный характер. Подтверждением является вступление в законную силу обвинительного приговора суда, связанного с назначением наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Соответственно, исполнение приговора, вынесенного именем Российской Федерации, основывается на нормах национальной системы права, руководящим принципом действия которой является принцип законности. Вследствие этого акцент внимания на незаконности при раскрытии понятия лишения свободы представляется излишним.

Сравнительно-правовой анализ предлагаемых в науке и правоприменительной деятельности редакций ст. 127 УК РФ, регламентирующей незаконное лишение свободы, позволил сделать следующие выводы. Прежде всего, внимания заслуживает диспозиция нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 127 УК РФ. Представляется, что незаконное лишение свободы наделено определенной спецификой, содержание которой не может раскрываться путем концентрации внимания на не свойственных данному составу признаках. Соответственно, в диспозиции нормы не требуется дополнительного уточнения, используемого в уголовном законе. Сущность незаконного лишения свободы не может быть раскрыта указанием на то, что данное преступление не связано с похищением человека. Вследствие этого представля-

¹ Блажнов А.Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2005. С. 72.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.

ется оправданным: 1) исключить из диспозиции – «не связанное с его похищением»; 2) в диспозицию нормы включить дефиницию данного понятия.

Исходя из этимологического содержания, раскрытие понятия «незаконное лишение свободы» предполагает уяснение образующих указанный состав преступления терминов. Во-первых, «незаконное» означает действие (бездействие), противоречащее нормам закона либо иного нормативно-правового акта. Во-вторых, «лишить» означает отнять в интересующем нас аспекте у человека свободу. Изъятие данного блага влечет образование определенных ограничений, стеснений¹. Соответственно, незаконное лишение свободы предполагает захват и удержание человека в неволе без дополнительного его перемещения в пространстве. При этом потерпевший (потерпевшая) лишается возможности избавиться от возложенного бремени в силу сложившейся обстановки либо оказываемого воздействия. Примером служит кассационное определение Судебной коллегии Хабаровского краевого суда от 30 июня 2011 г. по делу Е. и Г., оставившей без изменения приговор в части осуждения по ч. 2 ст. 127 УК РФ, вследствие признания виновными в незаконном лишении свободы, совершенном группой лиц по предварительному сговору².

Учитывая обязательность отражения в дефиниции признаков предлагается в ч. 1 ст. 127 УК РФ ввести описательную диспозицию, согласно которой под незаконным лишением свободы следует понимать «тайный или открытый захват (завладение) и удержание человека в неволе, исключая возможность его передвижения в пространстве».

Определенной редакционной доработки, по мнению автора, заслуживают положения ст. 127.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за торговлю людьми³. В качестве примера можно привести результаты проведенного автором опроса, согласно которому 37,5 % следователей и прокуроров и 30,6 % судей связывают скрытый характер торговли людьми с коллизионными вопросами законодательной регламентации, детерминирующими сложности при доказывании указанного состава преступления. Проблема состоит в том, что законодатель, в результате принятия Федерального закона от 25.11.2008 г. № 218-ФЗ отказался от определения в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ понятия торговли людьми⁴. Однако стремление модифи-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2005. С. 418, 920.

² Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-2125. 2011.

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации.

⁴ О внесении изменений в статью 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 25.11.2008 г. № 218-ФЗ // Рос. газ. 2008. № 245. 28 нояб.

цировать содержание данной нормы не всегда способствует совершенствованию правоприменительной деятельности¹. Торговля людьми фигурирует лишь в наименовании статьи. При этом в ее содержании указанная терминология не используется. Подтверждением является различный подход сотрудников правоохранительных органов, полагающих, что специфика объективной стороны торговли людьми заключается в купле-продаже человека (30,8 %), иных сделках, совершенных в отношении человека (15,4 %) либо совокупности указанных противоправных действий (53,8 %).

Анализ специальной литературы позволил заключить, что исследователи неоднократно предпринимали попытки модификации наименования указанной статьи и диспозиции данной уголовно-правовой нормы. В частности, В.А. Попов предлагает произвести замену названия ст. 1271 УК РФ «Торговля людьми» на «Осуществление сделок с человеком» и изложить диспозицию в следующей редакции: «Осуществление сделок с человеком, т. е. купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение»². В ряде диссертационных работ отмечается «ущербность современного отечественного уголовного законодательства в области противодействия торговле людьми», так как использование терминологии «купля-продажа не позволяет в отдельных случаях правильно квалифицировать содеянное с учетом положений института соучастия и гражданско-правовой ее регламентации»³. Внимания заслуживает суждение Л.К. Мхитарян о том, что отсутствие цели торговли в диспозиции нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 1271 УК РФ, следует оценивать как пробел в правовом регулировании⁴.

В этой связи представляется целесообразной законодательная регламентация торговли людьми, обеспечивающая точную юридическую оценку реализованного деяния в соответствии с нормами международного права, согласно которым торговля людьми означает осуществляемые в целях экс-

¹ Мезавцов М.А. Торговля людьми: динамика изменений в понимании проблемы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 97–98; Пучнин В.М. Проблемы совершенствования норм уголовного законодательства об ответственности за преступления против свободы человека // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4. С. 36–37.

² Попов В.А. Уголовно-правовые меры борьбы с использованием рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. С. 11.

³ Стукалов В.В. Указ. соч. С. 20.

⁴ Мхитарян Л.К. Криминологическая характеристика и предупреждение торговли людьми и их эксплуатации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. С. 9–10.

плуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой, ее применения либо других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо (ст. 3)¹.

Думается, что, прежде всего, необходимо обратить внимание на наименование и содержание ст. 1271 УК РФ. Следуя нормам международного права, российский законодатель в названии статьи использует термин – «Торговля людьми». Руководствуясь данным словосочетанием, отечественный законодатель не учитывает его смыслового значения, ориентированного на совершение подобных сделок в отношении нескольких человек. Обобщающее значение международных нормативно-правовых актов, служащих правовой основой для национального законодательства, допускает подобный подход оформления материала. При этом сущность торговли людьми в международном праве раскрывается посредством использования множественного числа. Однако в содержании диспозиции нормы, предусмотренной частью первой, основной состав преступления образуют купля-продажа человека либо его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях эксплуатации. Вместе с тем представляется очевидным, что купля-продажа либо совершение подобных сделок в отношении одного человека является окончанным преступлением вследствие повышенной общественной опасности реализованного деяния.

Проведенный анализ диспозиции нормы ч. 1 ст. 1271 УК РФ позволяет выявить следующие коллизионные моменты. Дело в том, «купля» понимается как «покупка, закупка чего-нибудь», «продажа» – как «торговля, товарооборот». «Вербовать» означает «набирать, нанимать, привлекать в какую-нибудь организацию». «Перевезти» значит «переместить, везя через какое-нибудь пространство», «передать» подразумевает «отдать, вручить, сообщить кому-нибудь», «укрыть» означает «закрыть со всех сторон» или «скрыть от кого (чего)-нибудь»². Куплю-продажу человека образует заключение возмездной сделки, сопряженной с приобретением покупателем права на «живой товар» вследствие его передачи продавцом за определенную плату. Иные сделки в отношении человека предполагают заключение двустороннего договора, не предусмотренного диспозицией

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1684.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 91, 643.

данной нормы, предметом которого является живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Вербовка предполагает набор, наем, привлечение потерпевшего для его дальнейшей эксплуатации. Перевозка означает перемещение человека из одного места в другое определенным образом. Перемещение потерпевшего в пространстве может осуществляться воздушным, водным, железнодорожным, наземным видом транспорта. Передача состоит в предоставлении человека заинтересованным в его эксплуатации лицам. Укрывательство включает сокрытие человека в недоступном для посторонних месте до наступления благоприятного момента для осуществления противоправной сделки, целью которой является его эксплуатация. Получение предполагает принятие потерпевшего для его эксплуатации. Целью противоправной деятельности является эксплуатация человека. Под эксплуатацией человека понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. Анализ перечисленных терминов раскрывает содержание объективной стороны основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 1271 УК РФ.

В целях исключения различного толкования предусмотренных уголовным законом норм предлагается: 1) внести изменения в название ст. 1271 УК РФ – «Торговля человеком»; 2) исключить из диспозиции нормы ч. 1 ст. 1271 УК РФ цель – эксплуатацию человека.

Совершенствование нормативного правового регулирования требует внесения изменений в содержание ч. 1 ст. 1272 УК РФ, регламентирующей использование рабского труда. Проблемы законодательной регламентации использования рабского труда неоднократно подчеркивались на страницах юридической литературы¹. Подтверждением служит различное толкование использования рабского труда на правоприменительном уровне. Так, например, в ходе опроса было отмечено, что 45,5 % судей понимают его как использование рабского труда без надлежащей оплаты; 36,3 % респондентов подразумевают под ним невозможность принуждаемого к труду отказаться от выполнения порученных работ и лишь 18,2 % опрошенных считают, что данный термин означает эксплуатацию человека. Иной подход к указанному понятию был установлен при опросе следо-

¹ Волков К.А. Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория // Рос. юст. 2011. № 3. С. 19–20; Козаченко И.Я., Авдеева Е.В. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации торговли людьми и использования рабского труда // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 4. С. 67–68.

вателей и прокуроров, из которых: 47 % считает, что использование рабского труда означает эксплуатацию человека; 35,3 % раскрывает состав как использование рабского труда без надлежащей оплаты; 17,7 % отмечает, что данный термин означает невозможность принуждаемого к труду отказаться от выполнения порученных работ. В этой связи внимания заслуживает предложение В.А. Попова об изменении названия ст. 1272 УК РФ в следующей редакции: «Использование раба». В развитие указанной концепции предложена диспозиция нормы следующего содержания: «Использование раба, т. е. одновременное осуществление в отношении человека свойстванных праву собственности полномочия владения и полномочия пользования, выражающегося в принуждении его к труду, сексуальным услугам, действиям сексуального характера, проституции, изготовлению порнографической продукции, а также принудительном суррогатном материнстве и принудительном использовании его в качестве донора»¹.

На диссертационном уровне высказываются и иные точки зрения по поводу совершенствования данной уголовно-правовой нормы. Так, например, Т.М. Орцханова предлагает следующее наименование ст. 1272 УК РФ – «Обращение человека в рабство, схожие с ним институты подневольного состояния, а равно для эксплуатации его труда (оказания услуг)». На качественно новом уровне была изложена диспозиция нормы ч. 1 ст. 1272 УК РФ – «обращение человека в рабское положение или схожие с ним институты подневольного состояния, т. е. действия лица с целью создания надзорных условий для другого, в том числе рассчитанные для последующей его эксплуатации (оказания услуг) или извлечения иных выгод, равно как и сопряженные с применением различных мер, способов удержания в указанном состоянии либо положении...». Учитывая повышенную общественную опасность совершаемых в период военных действий сделок в отношении людей, обращения в рабство и сходные с ним институты, высказано предложение о дополнении Уголовного кодекса ст. 3571 УК РФ: «Сделки в отношении человека, обращение в рабство, схожие с ним институты подневольного состояния, а равно для эксплуатации его труда (оказания услуг) в период вооруженного конфликта или военных действий». Более того, Т.М. Орцханова указывает на целесообразность разработки Федерального закона «О противодействии сделкам с людьми, обращению в рабство, и сходным с ним институтам подневоль-

¹ Попов В.А. Уголовно-правовые меры борьбы с использованием рабского труда. С. 11.

ного состояния», обеспечивающего предупреждение и пресечение названных противоправных деяний¹.

Помимо изменения названия ст. 1272 УК РФ ряд исследователей высказывают мнение о введении дополнительных составов преступлений. Так, В.В. Стукалов считает целесообразным использование следующего наименования ст. 1272 УК РФ: «Эксплуатация человека» и законодательное оформление таких составов как «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», «Нарушение установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека» и «Принуждение к донорству крови» (ст. 1273–1275 УК РФ)².

Анализируя высказанные предложения об усовершенствовании уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 1272 УК РФ, следует обратить внимание на содержание понятия «использование рабского труда». Использовать означает «воспользоваться кем-чем-нибудь, употребить с пользой». Рабский – «беспрекословный, слепо следующий чему-нибудь». Труд – «целесообразная и общественно полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения»³. Руководствуясь данными понятиями, можно сделать вывод о том, что регламентированный законом уголовно-правовой запрет связан с использованием человеческого ресурса для достижения поставленной цели без эквивалентной оплаты труда. При этом следует учесть, что совершение указанного преступления отнюдь не всегда сопряжено с лишением свободы человека в полном объеме. Вследствие этого сложно считать подневольного человека, занимающегося принудительным трудом рабом в конвенциональном понимании, предусматривающем «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности» (ст. 1)⁴.

На правоприменительном уровне наряду с установлением статуса жертвы определенные трудности вызывает понятие использование рабского труда. Указанное наименование статьи требует констатации юридического факта использования труда подневольного человека, не обладающего статусом свободы. В этой связи возникает закономерный вопрос относительно лица, лишённого одних прав и свобод, но одновременно обладающего другими правами и свободами, а, следовательно, не являющегося

¹ Орцханова Т.М. Указ. соч. С. 11, 13–14.

² Стукалов В.В. Указ. соч. С. 12.

³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 327, 828, 1064.

⁴ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 525, 533.

рабом. Кроме того, существует проблема определения сущности труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности.

Стоит отметить, что определение понятия «принудительного или обязательного труда», регламентированное нормами международного права, является основанием для его отграничения от использования рабского труда. Так, в соответствии с международной Конвенцией «принудительный или обязательный труд означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило своих услуг» (ст. 2)¹. Критериями подобного разграничения служат вероятность получения платы за принудительный или обязательный труд, строгая регламентация трудовой деятельности и отсутствие права собственности на человека в отличие от использования рабского труда. Выявленные особенности принудительного или обязательного труда, с одной стороны, и рабского труда – с другой, позволяют отразить указанную специфику в уголовном законе.

Специфика преступления, регламентированного ст. 1272 УК РФ, состоит в том, что в качестве жертвы выступает человек, оказавшийся в зависимости от виновного и не способный вследствие этого отказаться от выполнения работ или оказания услуг. Рабом признается человек, лишенный всех прав и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом. При совершении данного преступления посягательство осуществляется на свободу личности в плане беспрепятственного выбора места и вида трудовой деятельности человеком, оказавшимся в зависимом положении от виновного лица. Подневольное состояние потерпевшего исключает возможность проявления его собственного волеизъявления. Активные противоправные действия виновного направлены на использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Приказы и распоряжения субъекта преступления по осуществлению работ или оказанию услуг выполняются потерпевшим беспрекословно в силу зависимого положения, идентифицируемого в данном случае с состоянием собственности.

Вследствие этого виновный распоряжается трудом потерпевшего по своему усмотрению, не принимая во внимание пожелания подневольного лица. Подневольное состояние потерпевшего может быть обусловлено его

¹ Международные акты о правах человека. С. 537–549.

похищением, куплей-продажей, вербовкой. Зависимое положение жертвы может быть связано с отсутствием средств к существованию, невозможностью выплаты долга, незаконным лишением свободы. Криминальная эксплуатация, рабский труд, «подневольное состояние» поддерживаются путем непосредственного физического или психического принуждения, экономической зависимости, юридического принуждения. Это могут быть долги, штрафы, предоставление жилья, отсутствие документов на въезд в Российскую Федерацию, регистрации у иммигрантов, изъятие паспорта, оформление фиктивных брачных документов и т. д.

Несмотря на фактическое отождествление подневольного состояния и рабства, стоит отметить, что оно менее агрессивно по сравнению с рабством и представляет собой, так называемое современное рабство, когда лицо пользуется лишь некоторыми элементами свободы, однако в то же время связано принудительным трудом. Наряду с трудовой эксплуатацией широкое распространение по данным экспертов получила в современный период сексуальная эксплуатация.

Анализ перечисленных терминов, раскрывающих содержание основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 1272 УК РФ, указывает на нецелесообразность их использования в данном объеме. Использование рабского труда значительно сужает предписания закона, исключая вероятность признания преступными иных форм эксплуатации человека. Более того, специальная терминология создает трудности установления нарушения уголовно-правового запрета. И, наконец, право собственности, регламентированное в диспозиции исследуемой уголовно-правовой нормы, вступает в определенное противоречие с положениями гражданского законодательства и становится препятствием для возникновения уголовного правоотношения. Во-первых, эксплуатация человека представляет собой более широкое понятие, охватывающее различные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд и подневольное состояние. Во-вторых, использование подобной терминологии исключает дискуссионные вопросы относительно статуса потерпевшего. В-третьих, не требует разрешения противоречие, возникающее между отраслевым национальным законодательством цивилистического и криминального профиля. Разумеется, такое законодательное решение предопределяет необходимость дополнительного научного обоснования.

В этой связи представляется последовательным обращение к положениям международных нормативно-правовых актов. Внимания заслуживает «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, осо-

бенно женщинами и детьми, и наказания за нее», согласно которому эксплуатация включает эксплуатацию проституции третьими лицами или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд либо услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние либо извлечение органов (ст. 3)¹.

Вместе с тем, исходя из этимологического значения, под эксплуатацией понимается извлечение прибыли собственниками средств производства путем присвоения результатов труда непосредственных производителей. Человек представляет собой живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда². Сопоставляя указанные понятия, несложно заключить, что эксплуатацию человека не образует изъятие его органов или тканей. Извлечение неотъемлемой части или системы клеток организма, как правило, исключает возможность полноценной деятельности человека, ставит под сомнение вероятность его эксплуатации.

Учитывая, что уголовный закон под эксплуатацией человека признает использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние (прим. 2 к ст. 1271 УК РФ), представляется целесообразным изменить название ст. 1272 УК РФ и внести дополнения в диспозицию нормы ч. 1 ст. 1272 УК РФ следующего содержания:

«Статья 1272. Эксплуатация человека

1. Эксплуатация человека, т. е. извлечение прибыли или иных выгод из принудительного, обязательного или рабского труда, услуг либо подневольного состояния – наказываются...».

Следующим направлением в совершенствовании нормативно-правового регулирования личной свободы человека следует признать внесение изменений в ст. 128 УК РФ. Подобные предложения неоднократно высказывались в специальной литературе³. Новый подход к законодательному оформлению части первой анализируемой статьи предопределен вопросами, возникающими в доктрине уголовного права и следственно-судебной практике. На страницах юридической литературы отмечается, что ст. 128 УК РФ включает незаконное помещение и незаконное удержан-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3884.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 1151, 1185.

³ Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 109; Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар // Рос. следователь. 2013. № 18. С. 34–35.

ние в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях¹. В этой связи одни авторы считают, что состав незаконного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях может иметь место при неосновательном удержании в указанном учреждении заведомо выздоровевшего человека². Другие исследователи предлагают осуществлять квалификацию указанных действий по ст. 127 УК РФ³.

Неоднозначное толкование ч. 1 ст. 128 УК РФ допускается и на правоприменительном уровне. Так, 53,3 % опрошенных следователей и прокуроров и 45,5 % судей полагают, что специфика данного состава преступления заключается как в незаконном помещении, так и в удержании в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. При этом, 40 % опрошенных прокуроров и следователей указывают на возможность совершения преступления путем незаконного размещения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях при отсутствии психического заболевания и лишь 6,7 % – посредством незаконного содержания в психиатрическом стационаре после выздоровления. Среди опрошенных судей незаконное размещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях при отсутствии психического заболевания отметили 36,3 %. О незаконном содержании в психиатрическом стационаре после выздоровления было указано 18,2 % опрошенных судей.

Проблема содержания диспозиции нормы ч. 1 ст. 128 УК РФ предопределена возможностью признания в качестве общественно опасного деяния лишь незаконного помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Вследствие этого возникает закономерный вопрос о наличии состава преступления в случае продолжения незаконного удержания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Исходя из текста закона, в последнем случае исключается противоправность деяния, несмотря на очевидную его обще-

¹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 128.

² Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2005. Т. 2. С. 122.

³ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд., изм. и доп. М., 2008. С. 94.

ственную опасность. Нерешенность указанного вопроса в уголовном законе создает предпосылки для полемики в юридической литературе.

Прикладное значение имеет проблема правовой оценки деяний при умышленном оставлении лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях после его выздоровления либо такого улучшения состояния, которое исключает необходимость продолжения стационарного лечения. По мнению М.Ю. Карасевой, квалификацию деяния необходимо осуществлять по ст. 128 УК РФ, так как незаконное удержание лица в психиатрическом стационаре выступает в качестве разновидности незаконного помещения, одним из способов совершения данного преступления¹. Между тем возникает закономерный вопрос относительно расширительного толкования нормы уголовного закона. Соответственно, за рамками указанного состава оказывается незаконное удержание лица в психиатрическом стационаре, не нуждающегося в лечении.

В научной литературе в этой связи высказывается мнение о дополнении юридической оценки противоправного удержания незаконным лишением свободы или должностным преступлением². Данная позиция разделяется отдельными авторами, полагающими, что удержание в психиатрическом стационаре лица, излечившегося от психического расстройства, образует состав преступления, предусмотренный ст. 127 УК РФ или ст. 285 УК РФ³. Иной точки зрения придерживаются специалисты, считающие, что необоснованное принудительное удержание в психиатрическом стационаре лица, помещенного на законных основаниях, не содержит признаков анализируемого преступления и требует квалификации по ст. 127 УК РФ⁴.

Доктринальное осмысление данной проблемы предполагает уяснение характеризующих указанный состав преступления признаков, отраженных в уголовном законе. Термин «поместить» означает дать помещение, место кому-нибудь, отдать куда-нибудь, для какой-нибудь цели⁵. Следовательно, незаконным признается противоправное водворение в психиатрический стационар лица, не нуждающегося в указанном виде лечения вследствие отсутствия психического заболевания. Противоправность анализируемого

¹ Карасева М.Ю. Указ. соч. С. 130.

² Кругликов Л.Л. Указ. соч. С. 109.

³ Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2006. С. 385.

⁴ Уголовное право России. Особенная часть. Первый полутом: учеб. для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2005. С. 144–145.

⁵ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 721.

деяния предопределяется помещением в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях лица, страдающего психическим расстройством, но с нарушением установленных законом правил, либо госпитализацией психически здорового человека.

Буквальное толкование данной нормы ставит под сомнение возможность отождествления случаев незаконного помещения и незаконного удержания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях психически здорового человека. Учитывая, что перечисленные действия заслуживают самостоятельной уголовно-правовой оценки, представляется целесообразным дополнение содержания ч. 1 ст. 128 УК РФ альтернативным общественно опасным деянием в форме незаконного удержания лица, не нуждающегося в стационарном психиатрическом лечении.

Следует заметить, что, используя зарубежный опыт законодательной регламентации указанного уголовно-правового запрета, на национальном уровне предлагается в ст. 128 УК РФ наряду с незаконным помещением предусмотреть незаконное удержание лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях¹. Изменение данной статьи предлагается осуществить таким образом, чтобы «в ней было сказано не только о помещении, но и о незаконном принудительном удержании в психиатрическом стационаре»². Внимания заслуживает установление факта неправомерного заключения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также незаконного удержания лица, в том числе, помимо воли потерпевшего. Предложенное расширение диспозиции нормы исчерпывает дискуссию относительно квалификации не вполне тождественных противоправных действий. Избранная позиция указывает на наличие самостоятельного состава преступления, заключающегося в дальнейшем удержании на законных основаниях помещенного в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях лица, несмотря на необходимость его выписки.

Согласно Закону РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в редакции от 2 июля 2013 г., противоправным является помещение потерпевшего в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, при отсутствии: 1) психического расстройства;

¹ Карасева М.Ю. Указ. соч. С. 131; Снахова М.Р. Указ. соч. С. 154–155.

² Зайдиева Д.Я. Указ. соч. С. 83.

2) необходимости стационарного лечения больного, страдающего психическим расстройством; 3) согласия больного (его законного представителя) на помещение в психиатрический стационар; 4) постановления судьи о помещении лица в психиатрический стационар. Закон регламентирует исключительные случаи госпитализации в психиатрический стационар без согласия больного (его законного представителя) до вынесения постановления судьи лица, страдающего психическим расстройством. Данные действия считаются оправданными при возможности его обследования или лечения лишь в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и указывает на: а) непосредственную опасность для себя и окружающих; б) беспомощное состояние больного; в) существенный вред здоровью при неоказании психиатрической помощи¹.

Следовательно, незаконным признается помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, при отсутствии предусмотренного Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» правового основания в нарушение предписаний уголовного закона. Незаконное удержание в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, подтверждается отсутствием у лица психического заболевания, требующего продолжения лечения в стационарном психиатрическом учреждении. Учитывая предложенное обоснование, представляется целесообразным изложить ч. 1 ст. 128 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 128. Незаконные помещение (удержание) в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

1. Незаконные помещение (удержание) в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, – наказываются...».

Предложенная законодательная формула исключает необходимость обращения к иным составам преступлений при квалификации реализованного деяния, связанного с удержанием в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, противоправным способом.

Дополнение редакции ч. 1 ст. 128 УК РФ предполагает установление оснований разграничения моментов окончания преступления, связанного

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. 1992. № 33. Ст. 1913.

с незаконным помещением в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и с незаконным удержанием в указанной организации. Момент окончания преступления, связанного с незаконным помещением в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в силу дискуссионности характеризуется различными подходами. Наиболее спорные моменты связаны с оформлением истории болезни в приемном покое стационара и принятием решения комиссией врачей-психиатров по поводу обоснованности госпитализации. По мнению И.М. Тяжковой, для констатации факта оконченого преступления достаточно принятия врачом мер к доставлению лица в психиатрическую больницу¹. Представители иной точки зрения указывают на момент окончания преступления, связанный с фактической госпитализацией в данную медицинскую организацию². Интерес представляет мнение о том, что моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, следует считать незаконное помещение в указанную медицинскую организацию, сопряженное с оставлением врачом-психиатром потерпевшего помимо его воли в больнице, следующим непосредственно после оформления истории болезни в приемном покое³.

На наш взгляд, окончание преступления, связанного с незаконным удержанием в указанной медицинской организации лица, не нуждающегося в продолжении лечения, предполагает уяснение субъективной стороны преступления, подтвержденной определенными действиями (бездействием) субъекта, наделенного законом или иным нормативно-правовым актом соответствующими полномочиями. Бездействие при обязанности действовать получает уголовно-правовую оценку с учетом вновь образованной диспозиции уголовно-правовой нормы. Противоправные действия, в свою очередь, подтверждают намерение виновного незаконного удержания потерпевшего, несмотря на отсутствие каких-либо правовых оснований. Стремление не выпускать потерпевшего подтверждается продолжением его содержания без наличия определенных законом или иным нормативно-правовым актом оснований. Таким образом, излечение больного, не сопровождающееся его выпиской, свидетельствует об окончании данного пре-

¹ Тяжкова И. Незаконное помещение в психиатрический стационар // Угол. право. 2002. № 3. С. 52–54.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 201.

³ Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С. Уголовное право России. С. 144.

ступления, подтверждаемого направленностью умысла виновного на дальнейшее удержание потерпевшего при отсутствии правовых оснований.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что разработанный автором подход к законодательному оформлению преступлений против свободы личности базируется на универсальных принципах и нормах международного права, положениях отечественной и зарубежных доктрин уголовного права, имеющих приоритетное значение при разработке национального механизма уголовно-правового регулирования свободы личности. Предложенные в контексте стратегических направлений уголовно-правовой политики РФ изменения в структуре норм Особенной части, наименовании гл. 17 УК РФ, классификации составов преступлений против личной свободы человека, содержании норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, направлены на совершенствование нормативно-правового регулирования свободы личности и последовательную оптимизацию правоприменительной деятельности в РФ.

3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера в механизме уголовно-правовой охраны свободы личности

Особое место в механизме уголовно-правового регулирования согласно доктрине уголовного права занимает уголовная ответственность¹. Данная стадия реализации уголовного правоотношения характеризуется следующей спецификой. Установлению уголовной ответственности предшествует регламентация уголовно-правового запрета в диспозиции нормы статьи Особенной части УК РФ. Нарушение указанного запрета может повлечь наступление уголовной ответственности при наличии необходимой совокупности структурных элементов состава преступления и образующих их признаков. Соразмерность наказания совершенному общественно опасному деянию определяется содержанием санкции уголовно-правовой нормы, раскрывающей его виды и размеры. Предусмотренная мера государственного принуждения обусловлена сущностью диспозиции, характеризующей особенности состава преступления.

Доктринальное представление о теоретических основах построения и применения уголовно-правовых санкций является основой для формирования концепции уголовно-правового регулирования ответственности за посягательства на личную свободу человека². Соответствие санкции содержанию диспозиции предполагает учет в процессе конструирования уголовно-правовой нормы следующих особенностей. Первостепенного внимания заслуживает основанная на принципе справедливости соразмерность видов и размеров наказаний тяжести регламентированного законом

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989; Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. М., 2002; Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 209–219.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. М., 2000; Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976; Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины: Генезис, состояние, перспективы. М., 2003; Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986.

преступления. Вследствие этого санкция нормы, определяющая меру государственного принуждения, должна быть построена в точном соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления.

Вместе с тем анализ норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на свободу личности, показывает имеющуюся рассогласованность санкций. Основные составы преступлений против свободы личности относятся к категориям небольшой тяжести, средней тяжести и тяжким преступлениям. Наиболее опасным в социальном плане признается торговля людьми. Указанное преступление относится к категории тяжких преступлений. Похищение человека и использование рабского труда являются преступлениями средней тяжести. Минимальной степенью общественной опасности наделяются незаконное лишение свободы и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (преступления небольшой тяжести).

Квалифицированные виды преступлений против свободы личности предусматривают ужесточение санкций, включая возможность назначения наряду с основным наказанием дополнительного наказания. Наличие квалифицирующих признаков влечет изменение категории преступления и признание их преступлениями средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Похищение человека, торговля людьми и использование рабского труда, реализованные при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127² УК РФ), относятся к категории особо тяжких преступлений. Тяжкими являются преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 127, ч. 2 ст. 127¹, ч. 2 ст. 127², ч. 2 ст. 128 УК РФ. Преступлением средней тяжести становится квалифицированный вид незаконного лишения свободы, регламентированный ч. 2 ст. 127 УК РФ.

Анализ санкций норм, устанавливающих ответственность за посягательства на свободу личности, позволил выявить некоторое несоответствие в рамках их содержания. Так, похищение человека без отягчающих обстоятельств может повлечь назначение принудительных работ на срок до пяти лет или лишения свободы на срок до пяти лет. Основной состав незаконного лишения свободы предполагает назначение наказания, не превышающего двух лет лишения свободы. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 127¹ УК РФ, наказывается лишением свободы на срок до шести лет, а деяние, регламентированное ч. 1 ст. 127² УК РФ – до пяти лет лишения свободы. Незаконное помещение в психиатрический стационар наказывается огра-

ничением свободы на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до трех лет или лишением свободы на срок до трех лет.

Подобная вариативность отмечается в квалифицированных видах указанных составов преступлений. Преступления, регламентированные ч. 2, 3 ст. 126 УК РФ, предусматривают возможность назначения лишения свободы, соответственно, на срок от пяти до двенадцати и от шести до пятнадцати лет лишения свободы. Ответственность за незаконное лишение свободы, реализованное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3 ст. 127 УК РФ), варьируется от трех до пяти лет и от четырех до восьми лет лишения свободы, значительно меняя представление по поводу характера и степени общественной опасности указанных деяний. Установление квалифицирующих признаков торговли людьми и использования рабского труда влечет назначение наказания от трех до десяти (ч. 2 ст. 1271, ч. 2 ст. 1272 УК РФ) либо от восьми до пятнадцати лет лишения свободы (ч. 3 ст. 1271, ч. 3 ст. 1272 УК РФ). Предусмотренная санкцией нормы ч. 2 ст. 128 УК РФ максимальное наказание до семи лет лишения свободы указывает на вопросы, которые возникают в процессе уголовно-правового регулирования ответственности за посягательства на свободу личности.

Неоднозначный подход к установлению санкций за деяния, имеющие идентичные видовые характеристики, требует дополнительного теоретического исследования. Критериями подобного деления являются различный характер и степень общественной опасности преступлений. Детальный анализ объектов уголовно-правовой охраны, форм вины не позволил обнаружить существенных различий в характере преступлений против свободы личности. Исследование обстоятельств совершения указанных преступлений также не выявило значительной разницы в степени общественной опасности предусмотренных ст. 126–128 УК РФ деяний.

Исходя из этого закономерно возникает вопрос относительно целесообразности дифференциации категорий преступлений против свободы личности, предложенной в современном уголовном законе. Проблематичным выглядит содержание относительно-определенных и альтернативных санкций, не учитывающих в полной мере специфику диспозиций норм при регулировании уголовных правоотношений, связанных с незаконным лишением свободы и незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Позиция законодателя по оформлению санкций рассматриваемых норм отражается на наказаниях и иных мерах уголовно-правового характера, назначаемых судами за посягательства на свободу личности. Следует

отметить, что удельный вес осужденных в 2012 г. составил: за похищение человека – 56,9 %, незаконное лишение свободы – 37,9 %, торговлю людьми – 4,2 %, использование рабского труда – 0,8 % и незаконное помещение в психиатрический стационар – 0,2 %. Преобладающее большинство обвинительных приговоров содержит указание на лишение свободы на определенный срок (56,1 %) либо на условное осуждение к лишению свободы (37,2 %). Следующую позицию в данном перечне занимает ограничение свободы (5,8 %). Более низкие показатели характерны для таких видов наказаний, как штраф (0,3 %), обязательные работы (0,1 %) и исправительные работы (0,1 %). Доля условного осуждения к иным мерам составляет 0,1 %¹.

Доля осужденных за преступления против свободы личности в 2014 г. составила: за похищение человека – 59,4 %, незаконное лишение свободы – 34,0 %, торговлю людьми – 4,2 %, использование рабского труда – 2,2 % и незаконную госпитализацию в медицинскую организацию для оказания психиатрической помощи в стационарных условиях – 0,2 %. Преобладающее большинство обвинительных приговоров содержит указание на лишение свободы на определенный срок (61,3 %) либо на условное осуждение к лишению свободы (30,9 %). Следующую позицию в данном перечне занимает ограничение свободы (5,7 %). Более низкие показатели характерны для таких видов наказаний как исправительные работы (0,5 %) и штраф (0,3 %).

В 2015 г. (январь – июнь) удельный вес осужденных за преступления против свободы личности составил: за похищение человека – 58,2 %, незаконное лишение свободы – 34,4 %, торговлю людьми – 6,3 %, использование рабского труда – 1,1 % и незаконную госпитализацию в медицинскую организацию для оказания психиатрической помощи в стационарных условиях – 0,0 %. Преобладающее большинство обвинительных приговоров содержит указание на лишение свободы на определенный срок (67,8 %) либо на условное осуждение к лишению свободы (21,5 %). Следующую позицию в данном перечне занимает ограничение свободы (2,6 %). Более низкие показатели характерны для таких видов наказаний как обязательные работы (1,1 %) и исправительные работы (0,7 %).

Принудительные работы в качестве основного наказания за преступления против свободы личности могут дополнить указанный перечень, начиная с 1 января 2017 г. Данный вид наказания предусматривается в

¹ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

санкциях норм, регламентируемых ст. 126–128 УК РФ, в качестве альтернативы лишению свободы на определенный срок. Дифференцированный подход соблюдается законодателем при оформлении принудительных работ, которые могут быть назначены за основные составы похищения человека, торговли людьми, использования рабского труда на срок до пяти лет. Незаконное лишение свободы (ч. 1 ст. 127 УК РФ) предусматривает возможность назначения принудительных работ на срок до двух лет, а незаконное помещение в психиатрический стационар (ч. 1 ст. 128 УК РФ) – до трех лет. Установление отягчающих обстоятельств, регламентированных ч. 2 ст. 127 УК РФ, влечет назначение принудительных работ на срок до пяти лет.

Вместе с тем проблематичной выглядит перспектива реализации принудительных работ вследствие наличия ряда тождественных признаков, присущих другим видам наказаний либо иным мерам уголовно-правового характера. Сомнительной является возможность назначения принудительных работ осужденным, совершившим преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие преступления. Отмечается определенная конкуренция норм, регламентированных ст. 531 и ч. 1 ст. 73 УК РФ, способная дезориентировать правоприменительные органы в плане замены лишения свободы на принудительные работы и установления правового основания постановления судом считать назначенное наказание условным.

Приоритетное положение среди форм реализации уголовной ответственности сохраняется за лишением свободы на определенный срок. В 2012 г. более половины из числа приговоренных к лишению свободы было осуждено на срок свыше пяти лет (50,4 %). Осуждению на срок от трех до пяти лет лишения свободы подлежал каждый пятый (27,9 %), совершивший преступление против свободы личности. Минимальные сроки наказания были назначены незначительной группе осужденных. В частности, 13,3 % осужденных были приговорены на срок от двух до трех лет. Срок до одного года был назначен 4,5 % осужденных, а свыше одного года до двух лет – 3,9 % осужденных. Лишение свободы на определенный срок было назначено за похищение человека в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков в следующем соотношении: ч. 1 ст. 126 УК РФ – 35,9 %; ч. 2 ст. 126 УК РФ – 76,4 %; ч. 3 ст. 126 УК РФ – 87,5 %.

Следует отметить, что суды кассационной инстанции нередко вносят коррективы в вынесенные обвинительные приговоры в части установления видов и размеров наказаний. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда кассационным определением от 20 ноября

2012 г. изменила приговор Ленинского районного суда г. Красноярска. Осуждение С. по п. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и ч. 2 ст. 325 УК РФ повлекло назначение окончательного наказания по совокупности преступлений в виде семи лет и одного месяца лишения свободы. Осуждение Б. и Ч. по указанным уголовно-правовым нормам повлекло назначение каждому наказания в виде шести лет и семи месяцев лишения свободы¹.

Следующие показатели назначения лишения свободы характерны для осужденных за незаконное лишение свободы: ч. 1 ст. 127 УК РФ – 14,5 %; ч. 2 ст. 127 УК РФ – 30,3 %; ч. 3 ст. 127 УК РФ – 45,5 %. С учетом степени общественной опасности осужденные направляются для отбывания наказания в колонии-поселения, воспитательные колонии, исправительные колонии общего или строгого режимов. Показательным в этом плане является приговор Краснокамского суда Пермского края, назначившего по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ Ш. наказание в виде трех лет и двух месяцев лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении, и П. – три года лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Между тем при назначении наказания суды первой инстанции в отдельных случаях выходят за пределы санкций уголовно-правовых норм. В этой связи возникает закономерный вопрос относительно законности вынесенных приговоров. Так, назначая несовершеннолетней осужденной Е. наказание по п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ в виде двух лет лишения свободы, суд в описательно-мотивировочной части указал, что применяет правила, предусмотренные ч. 61 ст. 88 УК РФ. Однако согласно данным правилам допускается возможность сокращения наполовину нижнего предела лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части, только при назначении несовершеннолетнему осужденному наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Учитывая, что совершенное преступление относится к категории средней тяжести, имеет место неправильное применение судом уголовного закона².

Доминирующим видом наказания за торговлю людьми является лишение свободы на определенный срок, фигурировавшее в 60 % приговоров по ч. 1 ст. 1271 УК РФ, 78,9 % приговоров по ч. 2 ст. 1271 УК РФ и 80 % приговоров по ч. 3 ст. 1271 УК РФ³. Использование рабского труда, предусмотренное ч. 1, 2 ст. 1272 УК РФ, повлекло назначение условного осуждения к лишению свободы (20 %) и лишения свободы на определен-

¹ Архив Красноярского краевого суда. Дело № 22-9353. 2012.

² Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-2125. 2011.

³ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

ный срок (80 %). Привлечение к уголовной ответственности за незаконное помещение в психиатрический стационар, предусмотренное ч. 2 ст. 128 УК РФ, повлекло условное осуждение к лишению свободы единственного осужденного.

Осужденным за похищение человека, исходя из категорий преступлений, в 2012 г. преимущественно назначалось наказание в виде лишения свободы (73,9 %). Условное осуждение фигурировало в 26,1 % обвинительных приговоров судов по исследуемой категории дел. Реализация принципов индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности содействует разграничению наказаний и иных мер уголовно-правового характера, в том числе соучастникам по одному уголовном делу. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Иркутска от 25.07.2012 г. Б. осужден по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ к семи годам лишения свободы без ограничения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание предписывалось считать условным с испытательным сроком четыре года. К. осужден по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ с учетом ч. 3 ст. 68 УК РФ, ст. 64 УК РФ к трем годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима с последующим ограничением свободы сроком на один год. В свою очередь, Ш. осужден по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ к семи годам лишения свободы без ограничения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание следует считать условным с испытательным сроком четыре года¹.

Вместе с тем подход правоприменительных органов изменился по уголовным делам, сопряженным с обвинением в незаконном лишении свободы. В 2012 г. реальное отбывание наказания в виде лишения свободы было назначено каждому четвертому осужденному (26,6 %). Предпочтение судами было отдано условному осуждению (56,1 %). Показатели осужденных к ограничению свободы за незаконное лишение свободы составляют 14,9 %². Примером служат приговоры районных судов и судов кассационной инстанции субъектов Российской Федерации. Так, приговором Глазовского районного суда Удмуртской Республики от 2 апреля 2012 г. С. осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ к трем годам и шести месяцам лишения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание следует считать условным с испытательным сроком на три года. Л. осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ к трем годам лишения свободы.

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска. Дело № 1-200. 2012.

² Судебный департамент Верховного Суда РФ.

В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание следует считать условным с испытательным сроком на три года¹.

Между тем характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного, совокупность смягчающих и отягчающих обстоятельств находят отражение в постановлениях судов. Так, приговором Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 13 февраля 2012 г. одному осужденному по п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ назначено наказание четыре года и шесть месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В свою очередь, С. осужден по ч. 1 ст. 127 УК РФ к одному году лишения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание предписывалось считать условным с испытательным сроком на два года².

Следует заметить, что в судебной практике имеют место уточнения, вносимые вышестоящей судебной инстанцией в описательно-мотивировочные части приговоров. Примером является кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 4 октября 2012 г., в соответствии с которым такое уточнение коснулось совершения преступлений С., предусмотренных пп. «в», «г», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ. На этом основании ему назначено окончательное наказание в виде девяти лет и трех месяцев лишения свободы³.

Сравнительный анализ удельного веса осужденных к реальному и условному отбыванию наказания в 2012 г. позволяет выявить следующие закономерности. Так, 55 % лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 126, 127 УК РФ, были осуждены к лишению свободы на определенный срок. По ст.ст. 1271, 1272 УК РФ к лишению свободы на определенный срок подлежало осуждению 76,5 %. Действительно, высокая степень общественной опасности реализованных противоправных деяний и личности виновных диктуют такую необходимость. Однако вызывает определенное сомнение минимальная численность осужденных по ст. 128 УК РФ. Представляется, что проблема заключается в сложности установления незаконности осуществленной противоправной деятельности.

Первостепенное значение в повышении эффективности уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против свобо-

¹ Архив Глазовского районного суда Удмуртской Республики. Дело № 1-8. 2012.

² Архив Смидовичского районного суда Еврейской автономной области. Дело № 1-17. 2012.

³ Архив Красноярского краевого суда. Дело № 22-8642. 2012.

ды личности имеет определение наказания или иной меры уголовно-правового характера сообразно и эквивалентно содеянному по степени причиненного или угрожавшего вреда. Обеспечение безопасности социально значимых интересов и отношений в указанной сфере требует адекватизации назначаемых видов наказаний за нарушение норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ. Законодательное оформление относительно-определенных и альтернативных санкций создает условия для реализации уголовной ответственности. Однако на правоприменительном уровне возникают проблемы, связанные с осуществлением функций и достижением целей наказания.

Проведенный автором опрос позволил сделать следующие выводы. Заслуживает внимания мнение сотрудников правоохранительных органов относительно эффективности назначаемых наказаний и иных мер уголовно-правового характера. 81,8 % опрошенных судей и 53,8 % опрошенных следователей и прокуроров отметили эффективность мер уголовно-правового характера, назначаемых за похищение человека. На целесообразность повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против свободы личности посредством совершенствования закона и правоприменительной деятельности указали 46,7 % судей и 53,8 % следователей.

Изменение санкций норм, регламентирующих ответственность за преступления против личной свободы человека, требует необходимого научного обоснования. Совершение преступлений против свободы личности при отягчающих обстоятельствах предполагает увеличение срока основного наказания и назначение дополнительного наказания. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью содействует превенции совершения нового преступления ранее судимым лицом.

Необходимо отметить, что данный подход освещался на страницах юридической литературы, указывающей на необходимость введения наказания путем установления ограничения свободы, наделенного функцией возложения дополнительных правовых ограничений, путем установление ограничений правового характера, предусматривавших установление запрета на изменение места жительства, работы, выезд за пределы населенного пункта, посещение конкретных районов города или

объектов, покидание жилища в определенное время, общение с потерпевшими либо с соучастниками¹.

Изменение условий и порядка отбывания ограничения свободы нашло отражение в Федеральном законе от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, устанавливающем дополнительные ограничения правового характера. Однако данные изменения коснулись лишь норм, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 126, ч. 2, 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127² УК РФ². Более того, согласно официальным данным доля осужденных в 2012 г. к дополнительному наказанию в виде ограничения свободы составила 1,5 %³.

Таким образом, вне поля зрения законодателя остались реализованные при отягчающих обстоятельствах незаконное лишение свободы (ч. 2, 3 ст. 127 УК РФ), использование рабского труда (ч. 2 ст. 1272 УК РФ) и незаконное помещение в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 128 УК РФ). Непоследовательность законодательного решения состоит в том, что функциональное предназначение ограничения свободы как дополнительного вида наказания заключается в решении задачи установления надзора за лицами, требующими особого внимания со стороны специализированного государственного органа в наиболее благоприятный для рецидива период. Действительно, продолжительное пребывание в местах лишения свободы создает определенные трудности для ресоциализации и социальной адаптации после освобождения из исправительного учреждения. Вследствие этого актуализируется проблема специального предупреждения преступлений, решению которой может содействовать ограничение свободы как дополнительный вид наказания, назначаемый с учетом индивидуальных особенностей личности виновного, осуществившего посягательство на личную свободу человека.

Современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство содержит нормы, раскрывающие содержание наказания в виде ограничения свободы, особенности его назначения и исполнения. Вместе с тем следует признать, что ограничение свободы согласно данным Судебного департамента Верховного Суда РФ за преступления против свободы лич-

¹ Милюков С.Ф. Нетрадиционные методы обращения с преступниками // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб., 2005. С. 580.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: федер. закон от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ (в ред. федер. закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.

³ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

ности назначается преимущественно в качестве основного наказания¹. Так, в 2012 г. ограничение свободы назначено 5,8 % осужденных, из них: 5,5 % осуждено по ч. 1 ст. 127 УК РФ; 0,15 % – по ч. 2 ст. 127 УК РФ и 0,15 % – по ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Учитывая, что санкции уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за незаконное лишение свободы, не содержат ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания, становится очевидным его назначение как основного наказания.

Пристального внимания заслуживает ограничение свободы, назначение которого способно обеспечить специальную превенцию преступлений среди осужденных за посягательства на личную свободу человека. Игнорирование судами ограничения свободы как дополнительного вида наказания обуславливается вопросами законодательного оформления и теоретического представления, сложившегося по поводу юридической природы исследуемого вида наказания. Между тем именно освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы становится отправным моментом формирования рецидива преступлений. Во избежание совершения нового преступления в наиболее сложный для освобожденного лица период функцию надзора может выполнить ограничение свободы при условии эффективности деятельности специализированного государственного органа, обеспечивающего надлежащий контроль за исполнением возложенных на осужденного обязанностей и корректировании при необходимости объема и специфики возложенных ограничений уголовно-правового характера.

В настоящее время ограничение свободы как дополнительный вид наказания, назначаемый наряду с лишением свободы, фактически обеспечивает реализацию функции административного надзора, формируя предпосылки для образования дублирующей системы постпенитенциарного контроля². Вследствие этого возникает закономерный вопрос о необходимости его назначения осужденным к лишению свободы на достаточно продолжительный срок. Проблема заключается в целесообразности осуществления указанной функции специализированным государственным органом, принимая во внимание продолжительный период изоляции осужденного от общества, существенно затрудняющий образование, восстановление или формирование положительных качеств и свойств ранее судимого лица. Произошедший в течение отбывания наказания разрыв

¹ Судебный департамент Верховного Суда РФ: офиц. сайт.

² Разогреева А., Миньков М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация // Угол. право. 2010. № 4. С. 49.

имевшихся связей и отношений, как правило, отсутствие семьи, благоприятного круга общения, работы, постоянного места жительства, стремления возвращения в общество социально полезным членом становятся очевидными препятствиями для предупреждения рецидива преступлений. Соответственно, требуется совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против свободы личности с учетом необходимости реализации специально-предупредительной функции в отношении лиц, характеризующихся повышенной степенью общественной опасности и склонных к повторному нарушению регламентированного законом уголовно-правового запрета.

Показатели численности осужденных к ограничению свободы свидетельствуют об определенных сложностях в процессе его исполнения, требующих совершенствования уголовно-правовых норм и правоприменительной деятельности. В целях интенсификации правового регулирования ограничения свободы 5 апреля 2013 г. был принят Федеральный закон от № 59-ФЗ «О внесении изменений в ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 50 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»¹. Однако предпринятые меры актуализировали необходимость внесения дальнейших уточнений относительно нарушения осужденным установленных ограничений без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием наказания. Игнорирование осужденным дополнительных ограничений, не нашедших отражения в национальном праве, ставит под сомнение установление факта злостного уклонения от отбывания наказания и возможность замены на более строгий вид наказания.

В этой связи следует отметить целесообразность введения в законодательную формулу ст. 50 УИК РФ частей, связанных с решением вопросов исполнения ограничения свободы. Регламентации подлежит перечень таких обстоятельств, которые могут служить основанием согласия уголовно-исполнительной инспекции на уход из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, на посещение определенных мест, на изменение места постоянного проживания (пребывания), места работы и (или) обучения (ч. 4–6 ст. 50 УИК РФ). В соответствии с положениями международного права требуется законодательная регламентация права осужденного, его адвоката (законного представителя), а также близкого родственника на обращение в администрацию уголовно-исполнительной инспекции с письменным ходатайством об изменении

¹ Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1667.

места постоянного проживания (пребывания), места работы и (или) обучения, об уходе из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, о посещении определенных мест (ч. 7 ст. 50 УИК РФ).

Таким образом, следует заключить, что превентивная роль ограничения свободы как дополнительного вида наказания, назначаемого наряду с основным, по существу не реализуется. Приведенные данные показывают, что повышенная общественная опасность преступления против свободы личности в значительной мере детерминирует отношение суда к личности осужденного и обуславливает целесообразность усиления карательных свойств наказания в целях реализации его функций и достижения целей. Назначение уголовного наказания предполагает установление его целесообразности. Суд, руководствуясь принципами законности, справедливости и гуманизма, избирает меру государственного принуждения, исходя из пределов, предусмотренных санкцией соответствующей статьи Особенной части, с учетом положений Общей части УК РФ. При назначении наказания судам предписывается учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Принимая во внимание постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания», суд при назначении наказания должен руководствоваться принципами законности, справедливости и гуманизма, отраженными в международных нормативно-правовых актах и национальной системе права¹. Вопросы, связанные с заменой наказания, получили отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» ориентированного на оптимизацию правоприменительной деятельности².

Отмечая позитивные стороны постановлений, следует обратить внимание на дискуссионные моменты, обусловленные критериями, которыми должен руководствоваться суд в процессе вынесения данного решения. Представляется, что решение суда о замене наказания на другой, более строгий вид или размер наказания, не может основываться на идентичных структурных элементах, образующих общие начала назначения наказания. Внимания заслуживают не только причины уклонения осужденного от от-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1.

² Там же. 2012. № 2.

бывания наказания, но и иные установленные судом критерии, указывающие на целесообразность осуществления подобной замены. Закономерным является вопрос относительно возможности принятия решения об отмене условного осуждения и исполнения наказания по истечении испытательного срока.

Указанные проблемы назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера подтверждаются материалами правоприменительной деятельности. Примером служит определение Судебной коллегии Хабаровского краевого суда от 11 октября 2010 г., оставившей без удовлетворения кассационные жалобы потерпевшей Л. об отмене приговора ввиду мягкости назначенного осужденным К. и Г. наказания, и осужденного К. о проведении судебного разбирательства с обвинительным уклоном. В первом случае доводы потерпевшей представляются несостоятельными, поскольку отмена приговора по данному основанию возможна лишь в случае назначения судом чрезмерно мягкого наказания, с чем Судебная коллегия согласиться не может. Во втором случае доводы осужденного являются не основанными на материалах дела, которое рассматривалось, исходя из протокола судебного заседания, на основе состязательности сторон¹. При отмене условного осуждения и назначении наказания по совокупности приговоров вид исправительного учреждения назначается с учетом тяжести преступления, совершенного в период испытательного срока и преступления, за совершение которого было постановлено о назначении наказания условно².

В качестве примера можно привести кассационную жалобу осужденного Ч., рассмотренная Судебной коллегией по уголовным делам Хабаровского краевого суда. В определении от 25 сентября 2012 г., в частности, отмечалось, что назначение осужденному наказания в виде восьми лет лишения свободы за преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, является законным, а приведенные в кассационной жалобе доводы представляются несостоятельными³. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 31 мая 2011 г. с учетом смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, снижены размеры наказаний осужденным по

¹ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-3016. 2012.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

³ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-3600. 2012.

совокупности преступлений, в том числе регламентированных п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ¹.

Следует признать, что вопросы относительно законности, обоснованности и справедливости обвинительных приговоров, как правило, предопределяются стремлением осужденных и стороны защиты к смягчению назначенного судом наказания. Примером служит кассационная жалоба осужденного П., ходатайствующего о снижении назначенного судом первой инстанции наказания по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ до пяти лет лишения свободы. Судебная коллегия Хабаровского краевого суда в определении от 5 июня 2012 г. отказала в удовлетворении поданной кассационной жалобы, указав отсутствие оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую, с учетом фактических обстоятельств преступлений, степени общественной опасности содеянного².

Одной из актуальных проблем реализации наказания и иных мер уголовно-правового характера является высокий уровень рецидива среди освобожденных от отбывания наказания. Согласно проведенным исследованиям рецидив преступлений фиксируется преимущественно в течение первых трех лет после освобождения от отбывания наказания. Показатели рецидива варьируются в зависимости от основания освобождения, вида, размера или срока исполненного наказания. Доля рецидива снижается при отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и, соответственно, повышается при направлении осужденных в исправительные учреждения. Наблюдается определенная зависимость между увеличением продолжительности срока отбывания наказания и повышением уровня рецидива. Вследствие этого можно заключить, что процесс реформирования сознания и поведения наиболее опасных лиц, представляется затруднительным в современных условиях отбывания наказания. В этой связи представляется целесообразным совершенствование нормативно-правовой основы деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц, реализующих наказания или иные меры уголовно-правового характера, осуществляющих постпенитенциарный контроль за поведением освобожденных от отбывания наказания лиц. Завершение действия уголовно-правового регулирования на пенитенциарной стадии сопровождается освобождением осужденного от отбывания наказания. В зависимости от основания такого освобождения продолжается правовое воздействие на лицо либо специально-предупредительный эффект обеспечивает

¹ Архив Хабаровского краевого суда. Дело № 22-536. 2012.

² Там же. Дело № 22-1983. 2012.

ся институтом судимости. Посткриминальный контроль должен содействовать освобожденному в завершении процесса ресоциализации и успешной социальной адаптации, в частности оказании реальной помощи в трудоустройстве, получении пособий, решении проблем социально-бытового характера.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос относительно общих начал или особого порядка назначения иных мер уголовно-правового характера, не получивших отражения в УК РФ. Суд, принимая решение по уголовному делу, не может воспользоваться законодательно оформленными правилами при избрании иных мер уголовно-правового характера. Игнорирование в законе указанных правил ориентирует правоприменительные органы на наказание. Соответственно, иные меры уголовно-правового характера используются как факультативные в нарушение принципов справедливости и гуманизма. Приоритетное положение наказания в сравнении с иными мерами уголовно-правового характера подтверждает содержание и расположение норм уголовного закона. Постановления Пленумов Верховного Суда РФ уделяют пристальное внимание точному установлению критериев назначения наказания, фрагментарно раскрывая специфику реализации иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, создаются предпосылки для ориентации суда на избрание меры государственного принуждения, регламентированной санкцией уголовно-правовой нормы, и фактического игнорирования другой, более гуманной формы реализации уголовной ответственности.

Завершая анализ механизма уголовно-правовой охраны свободы личности посредством адекватизации уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, следует отметить, что осуществление карательной функции наказания должно содействовать восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных и предупреждению преступлений. Неоднозначный подход к оформлению санкций норм, регламентирующих меру государственного принуждения, изначально формирует неправильное представление относительно объекта уголовно-правовой охраны и особенностей объективной стороны указанных составов преступлений. Несоответствие меры государственного принуждения характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, отягчающим обстоятельствам, меняющим юридическую оценку деяния, может повлечь назначение незаслуженного наказания либо иной меры уголовно-правового характера, не обеспечивающих решение поставленных законом задач и достижение установленных целей.

Нарушение принципа справедливости при конструировании санкций норм, устанавливающих существенные различия в уголовно-правовых последствиях, наступающих при совершении различных преступлений против личной свободы человека, влечет назначение неадекватного наказания или иной меры уголовно-правового характера. Соответственно, мера государственного принуждения, не соответствующая характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного, совокупности смягчающих и отягчающих обстоятельств, изначально выглядит не перспективной в плане реализации функций и достижения целей наказания. Ввиду нарушения общих начал назначения наказания и особого его порядка, заложенного в содержании санкции уголовно-правовой нормы, вероятными представляются отрицательные последствия его исполнения. Неприятие назначенного наказания в силу несоответствия характеру и степени общественной опасности реализованного деяния в принципе ставит под сомнение возможность исправления осужденного и достижение предупредительного эффекта. Соразмерность регламентированного законом наказания предполагает унификацию норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, с учетом единого видового объекта, тождественной формы вины, отсутствия явных различий в объективной стороне преступлений. Избранная авторская позиция указывает на необходимость изменения категорий преступлений против личной свободы человека. Приведение в соответствие санкций уголовно-правовых норм ввиду определенного сходства характера и общественной опасности посягательств на личную свободу человека и незначительных специфических особенностей каждого состава преступления, включая некоторые различия в последствиях их совершения, позволит обеспечить новый подход к уголовно-правовому регулированию ответственности за преступления, регламентированные ст. 126–128 УК РФ.

В этой связи последовательными представляются предложения, направленные на оптимизацию форм реализации уголовной ответственности. Принимая во внимание повышенную общественную опасность объектов уголовно-правовой охраны и противоречивую природу санкций норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, предлагается:

– отнести к категории средней тяжести преступления, закрепленные в ч. 1 ст. 128 УК РФ;

– отнести к категории тяжких преступления, регламентированные ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 1272 УК РФ;

– признать особо тяжкими преступления, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 127, ч. 2 ст. 1272 УК РФ.

Анализ норм ст. 126–128 УК РФ позволяет отметить, что только за похищение человека в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность предусматривается по достижении лицом четырнадцати лет. Между тем повышенная общественная опасность посягательств на личную свободу человека диктует необходимость снижения возраста наступления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 127, 1271, 1272 УК РФ, с шестнадцати до четырнадцати лет. Совершенствование механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации представляется немыслимым без осуществления оптимизации процесса реализации уголовной ответственности. В данном случае пристального внимания заслуживают как формы реализации уголовной ответственности, так и правильно избранный и обоснованный возраст наступления уголовной ответственности. В этой связи ввиду повышенной общественной опасности объектов уголовно-правовой охраны, нарушаемых при посягательстве на личную свободу человека, предлагается снизить возраст уголовной ответственности до четырнадцати лет и внести соответствующие дополнения в содержание ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Таким образом, оптимизация уголовно-правового регулирования свободы личности предполагает совершенствование наказания и иных мер уголовно-правового характера, реализацию функций и целей уголовно-правового воздействия на осужденных, ресоциализацию и социальную адаптацию. Обеспечение свободы личности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами требует использования новых подходов к реализуемой правоприменительной деятельности в контексте предупреждения преступлений и стимулирования позитивного посткриминального поведения.

3.2. Освобождение от уголовной ответственности за преступления против свободы личности

Совершенствование механизма уголовно-правовой охраны свободы личности предполагает внесение изменений в уголовное законодательство РФ в части как наказания и иных мер уголовно-правового характера, так и освобождения от уголовной ответственности, наказания и его отбывания. Немаловажное значение в механизме уголовно-правовой охраны свободы личности имеет правильная юридическая оценка оснований и условий

освобождений от уголовной ответственности как одна из мер противодействия преступности.

Вопросы освобождения от уголовной ответственности находятся в поле пристального внимания ученых и практиков, исследующих, главным образом, доктринальные основы общих видов освобождения от уголовной ответственности¹. Между тем в контексте современной уголовно-правовой политики особую актуальность приобретает изучение проблем реализации специальных видов освобождения от уголовной ответственности, регламентируемых применительно к отдельным составам преступлений.

Согласно данным официальной статистики можно продемонстрировать следующие тенденции реализации освобождения от уголовной ответственности². В 2012 г. доля прекращенных уголовных дел за преступления против свободы личности составила 14 %. Большинство из них (8 %) было прекращено на основании примирения с потерпевшим и минимальная часть (0,4 %) прекращена в связи с деятельным раскаянием. Доля оправданных лиц составила 1,5 %. Удельный вес освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основании примечаний к ст. 126, 1271 УК РФ составил 0,1 %.

В 2014 г. доля прекращенных уголовных дел за преступления против свободы личности составила 19,5 %, из них: на основании примирения с потерпевшим было прекращено 11,2 % уголовных дел; 0,3 % уголовных дел прекращено в связи с деятельным раскаянием; 0,8 % уголовных дел прекращено за отсутствием состава, события, непричастности к преступлению; 1,8 % уголовных дел прекращено по амнистии. Доля оправданных лиц составила 2,9 %. Удельный вес освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основании примечаний к ст. 126, 1271 УК РФ составил 0,0 %.

По официальным данным за январь – июнь 2015 г. доля прекращенных уголовных дел за преступления против свободы личности достигла 17,85 %, из них: 13 % – прекращено на основании примирения с потерпевшим; 0,75 % – прекращено за отсутствием состава, события, непричастности к преступлению; 2,2 % – по амнистии и т. д. Удельный вес оправданных лиц составил 3,3 %. Доля освобожденных от уголовной от-

¹ Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 2001; Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002; Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002; Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: Проблемы и пути их решения. М., 2004.

² Судебный департамент Верховного Суда РФ.

ветственности в связи с деятельным раскаянием на основании примечаний к ст. 126, 1271 УК РФ составила 0,0 %.

Согласно данным проведенного автором опроса, компетентные государственные органы и должностные лица завершают правовое регулирование по преступлениям против свободы личности в связи с освобождением от уголовной ответственности гораздо реже по сравнению с иными уголовно наказуемыми деяниями. Указанная правоприменительная деятельность в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 126–128 УК РФ, имеет вполне логичное объяснение. Высокая степень общественной опасности реализованных противоправных деяний, как правило, ставит под сомнение целесообразность обращения к институту освобождения от уголовной ответственности. Следствием этого является относительная стабильность в 2012–2015 гг. доли осужденных за преступления, предусмотренные ст. 126–128 УК РФ (0,08 %). Стабилизация удельного веса осужденных за преступления против свободы личности раскрывает специфику механизма уголовно-правового регулирования, преимущественно ориентированного на наказание и иные меры уголовно-правового характера.

По данным официальной статистики в 2012 г. совершение преступлений против свободы личности повлекло минимальный удельный вес случаев (0,15 %) реализации специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лиц, признанных виновными в совершении преступлений, регламентированных ст. 126, 1271 УК РФ¹. Следует отметить минимальное количество освобожденных от уголовной ответственности лиц по общим нереабилитирующим основаниям. Незначительными являются различия в соотношении численности возбужденных уголовных дел и направленных их материалов в суд по категориям уголовных дел (8,8 %). Различие в количестве вынесенных приговоров и численности осужденных едва достигает 2,5 %. Что касается реализации специальных видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях к ст. 126, 1271 УК РФ, то по официальным данным за 2014–2015 гг. рассматриваемые показатели не зарегистрированы.

На основании полученных в ходе опроса данных следует заключить, что вероятность освобождения от уголовной ответственности лиц, признанных виновными в похищении человека, допускают 47,6 % опрошенных судей и 38,5 % опрошенных прокуроров и следователей. Возможность такого освобождения применительно к виновным в незаконном ли-

¹ Судебный департамент Верховного Суда РФ.

шении свободы предполагают 23,8 % представителей судебного корпуса и 30,8 % сотрудников правоохранительных органов. В отношении субъектов торговли людьми указанный институт может быть реализован, по мнению 28,6 % опрошенных судей и 23 % опрошенных прокуроров и следователей. Примечательно, что освобождение от уголовной ответственности за использование рабского труда допускают лишь 7,7 % опрошенных сотрудников правоохранительной системы, в то время как судьи в принципе исключают такую возможность.

Вместе с тем вопрос о расширении применения института освобождения от уголовной ответственности приобретает особую актуальность в контексте реализации основных направлений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Перспективными в области противодействия преступности признаются меры, ориентированные на разрешение конфликтной ситуации, связанной с совершением преступления, путем применения медиативных либо иных гуманных мер, исключающих состояние судимости, наложение ограничений общеправового и уголовно-правового характера¹. Необходимо отметить, что модернизация механизма уголовно-правового регулирования свободы личности осложнена повышенной опасностью противоправных посягательств. Ограничение правового регулирования посткриминального поведения лиц, совершивших преступления против свободы личности, инспирируется трудностями, возникающими на правоприменительном уровне в процессе реализации освобождения от уголовной ответственности.

Проблема изначально заключается в том, что освобождение от уголовной ответственности по общим основаниям традиционно распространяется на лиц, признанных виновными в совершении впервые преступлений небольшой или средней тяжести. К числу традиционных общих оснований освобождения лица от уголовной ответственности относятся деятельное раскаяние, примирение виновного с потерпевшим и заглаживание причиненного потерпевшему вреда². Характерной особенностью освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности является возможность его распространения на все без исключения категории лиц, совершивших преступления³. В случае истечения срока давности уголовного преследования до вступления приговора в законную

¹ Максудов Р., Фляммер М., Грасенкова А. Примирение жертвы и правонарушителя: проект реализации идей восстановительного правосудия в России. М., 1999. С. 17.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 10. С. 15–16; Там же. 2010. № 10. С. 25.

³ Там же. 2002. № 8. С. 14.

силу подсудимый подлежит освобождению от наказания¹. Исключение вероятности освобождения от уголовной ответственности по общим основаниям создает предпосылки для обращения к положениям специальных уголовно-правовых норм, размещенных в примечаниях к статьям Особенной части Кодекса.

Применительно к преступлениям против свободы личности подобные примечания фиксируются в ст. 126, 127¹ УК РФ. Согласно примечанию к ст. 126 УК РФ освобождению от уголовной ответственности подлежит лицо, добровольно освободившее похищенного при условии отсутствия в его деянии признаков иного состава преступления. Установление данного правового основания подтверждается освобождением потерпевшего при сохранении у виновного возможности продолжения незаконного удержания. Предоставление ему свободы подтверждает добровольность такого освобождения. Добровольность исключается в случае известности о местонахождении похищенного и личности субъекта правоохранительным органам, предпринимающим конкретные меры по его изобличению и задержанию. Осведомленность виновного по этому поводу исключает добровольность освобождения жертвы. Наряду с основанием требуется установление условия освобождения от уголовной ответственности. Таким является отсутствие в действиях виновного признаков иного состава преступления, предшествовавшего, сопровождавшего либо последовавшего за похищением человека.

Однако лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности за похищение человека, если освобождение похищенного состоялось после выполнения требований похитителя. Так, например, Президиум Верховного Суда РФ, принимая указанное решение в постановлении от 23 июля 1997 г. по делу Расулова, отметил, что фактическое освобождение потерпевшего состоялось после выполнения выдвинутых условий. Достижение поставленной цели исключало необходимость дальнейшего удержания. Отсутствие признака «добровольности» в уголовно-правовом смысле исключает возможность освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний к ст. 126 и 206 УК РФ².

Ситуация кардинально меняется, когда у лица сохраняется реальная возможность дальнейшего незаконного удержания потерпевшего, однако, виновный его отпускает. Действия субъекта преступления признаются добровольными и позитивными, соответствующими примечанию к ст. 126

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 6. С. 26.

² Там же. 1998. № 6. С. 12–13.

УК РФ при условии отсутствия в действиях лица признаков иного состава преступления¹.

Анализ правоприменительной деятельности показывает, что добровольное освобождение виновным потерпевшего при похищении человека имеет определяющее значение при установлении основания применения исследуемой уголовно-правовой нормы. Добровольное освобождение похищенного человека фиксируется при наличии возможности дальнейшего удержания потерпевшего и отсутствии стремления ее реализации независимо от выполнения условий, явившихся целью похищения².

В этой связи возникает закономерный вопрос относительно целесообразности совершенствования содержания примечания к ст. 126 УК РФ. Обеспечению безопасности жертв похищения человека может способствовать внесение редакционных дополнений в норму, регламентирующую специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Оправданным представляется освобождение от уголовной ответственности не только лица, добровольно освободившего похищенного, но и реализовавшего указанное позитивное посткриминальное действие по требованию властей. Данная правовая позиция сохраняет вероятность исключения уголовной ответственности виновного и создает предпосылки для сохранения личной неприкосновенности потерпевшего. В данном случае суду, применяющему специальный вид освобождения от уголовной ответственности, следует обратить внимание на отсутствие в действиях виновного признаков иного состава преступления³.

Соответственно, парадоксальным выглядит законодательное решение, касающееся категорий более тяжких преступлений, совершение которых при последующих позитивных посткриминальных действиях, влечет безусловное освобождение виновного от уголовной ответственности на основании, например, примечания к ст. 126 УК РФ. Казалось бы, этому имеется вполне логичное объяснение, обусловленное желанием законодателя предупредить наступление более тяжких общественно опасных последствий, сопряженных с продолжением преступной деятельностью лица, признанного виновным в совершении преступления против свободы личности. Однако решение поставленной задачи подобным образом ставит дополнительные вопросы на правоприменительном уровне.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 2. С. 11–12.

² Там же. 2000. № 3. С. 20–21.

³ Там же. 2011. № 9. С. 12.

Проблема заключается в том, что в законе регламентируются сравнительно противоречивые правовые нормы. Это касается, прежде всего, общих (ст. 75 УК РФ) и специальных (примечания к ст. 126, 127.1 УК РФ) видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Вероятно, следствием этого становится неоднозначный подход правоприменительных органов к реализации данного института.

Подтверждением служат данные, полученные в ходе опроса сотрудников правоохранительной системы. Положением закона, предусматривающим специальный вид освобождения от уголовной ответственности на основании добровольности освобождения похищенного человека, руководствуется 81,8 % судей, а также 61,5 % прокуроров и следователей. Вместе с тем определенная часть представителей судебного корпуса (18,2 %) и работников правоохранительной системы (38,5 %) используют иные критерии применения примечания к ст. 126 УК РФ. Еще более проблематичным оказалось представление отдельных судей (16,7 %), прокуроров и следователей (38,5 %), рассматривающих вопреки положению закона освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 126 УК РФ как право суда или право и обязанность суда.

Согласно содержанию общей уголовно-правовой нормы, размещенной в ч. 1 ст. 75 УК РФ, деятельное раскаяние виновного влечет его освобождение от уголовной ответственности только при наличии определенного основания (совершения впервые преступления небольшой или средней тяжести) и соблюдении конкретных условий (выполнении целого перечня одобряемых обществом посткриминальных действий). В развитие действия указанной нормы устанавливается общее положение, в соответствии с которым лицо, совершившее более тяжкое преступление, при соблюдении предусмотренных законом условий, также может быть освобождено от уголовной ответственности, если на это прямо указывается в специальной уголовно-правовой норме (ч. 2 ст. 75 УК РФ). Думается, что такое нормативное определение вполне соответствует современной уголовно-правовой политике, существенно расширяющей поощрительный потенциал норм законодательства криминального профиля.

Между тем прикладного значения анализируемая уголовно-правовая норма (ч. 2 ст. 75 УК РФ) не имеет, так как ее содержание не согласуется с нормами Особенной части УК РФ, на которые ориентируется законодатель. Таким образом, непродуманное законодательное решение порождает конкуренцию общей и специальных уголовно-правовых норм, которые вступают в противоречие друг с другом. В итоге правоприменительные

органы оказываются вынужденными решать дилемму, какой из названных норм отдать предпочтение, что создает дополнительные трудности на правоприменительном уровне. Рассогласованный характер указанных уголовно-правовых норм проявляется, прежде всего, в различной интерпретации деятельного раскаяния в Общей и Особенной частях УК РФ.

В этой связи на страницах специальной литературы отмечалась необходимость установления практическими работниками глубины деятельного раскаяния и истинного характера намерений виновного лица¹. Соответственно, у следователя, прокурора и суда возникает закономерный вопрос, какой перечень обстоятельств послепреступного поведения виновного следует учитывать в процессе принятия решения об освобождении его от уголовной ответственности. По крайней мере, в нормах Особенной части данный перечень настолько сокращен, что ставится под сомнение деятельное раскаяние, свидетельствующее об отпадении общественной опасности лица, совершившего преступление.

Действительно, положение раскаявшегося лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, оказывается более проблематичным, нежели совершившего более тяжкое преступление. Проанализируем в качестве примера состав похищения человека. Основной состав относится к категории преступлений средней тяжести (ч. 1 ст. 126 УК РФ). Квалифицированные его виды являются особо тяжкими преступлениями (ч. 2, 3 ст. 126 УК РФ). Однако добровольное освобождение похищенного человека влечет освобождение виновного от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 126 УК РФ, если в его действиях не содержится признаков иного состава преступления. В первом случае субъект должен выполнить всю совокупность предусмотренных законом, одобряемых в обществе действий, подтверждая тем самым свое деятельное раскаяние. Во втором случае виновному, несмотря на повышенную опасность содеянного, достаточно по собственной инициативе, без принуждения со стороны властей, освободить потерпевшего и заслужить, таким образом, прощение со стороны государства.

Подобный компромисс между субъектами уголовного правоотношения представляется вполне обоснованным, обеспечивающим предупреждение наступления общественно опасных последствий в силу действия обозначенного стимула поощрительного характера. Между тем такой под-

¹ Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение: понятие, регулирование, последствия. Томск, 1985. С. 85; Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М., 1997. С. 16.

ход не учитывает в должной мере интересы действительно раскаявшегося лица. По-существу, его положение оказывается менее предпочтительным, нежели виновного в совершении более тяжкого преступления, подлежащего освобождению от уголовной ответственности при установлении необходимых основания и условия. Это подтверждается предикатом «освобождается от уголовной ответственности», свидетельствующим об обязанности уполномоченных государственных органов или должностных лиц применить данный вид освобождения от уголовной ответственности.

Следует заметить, что данное правило не распространяется на норму, предусмотренную ч. 1 ст. 75 УК РФ. Общий вид освобождения от уголовной ответственности может применяться по усмотрению суда, прокурора, следователя или органа дознания, учитывающего совокупность позитивных посткриминальных действий виновного. Истинность деятельного раскаяния виновного впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести по существу должна быть доказана лицом, стремящимся к прекращению уголовного правоотношения на указанной стадии.

Согласно ч. 2 ст. 75 УК РФ лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса. Думается, что идущие в развитие общей уголовно-правовой нормы (ч. 2 ст. 75 УК РФ) положения специальных норм (содержащихся в примечаниях к ст. 126, 1271 УК РФ) должны быть приведены в соответствие. Следовательно, терминология «может быть освобождено от уголовной ответственности» должна использоваться законодателем в равной степени как в нормах Общей, так и Особенной частей УК РФ. Данный подход исключает конкуренцию правовых норм, регламентирующих общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности, распространяемые на различные категории преступлений. Соответственно, у лица, совершившего более тяжкое преступление, появляется более значимый стимул доказать свое деятельное раскаяние совокупностью перечисленных в законе социально одобряемых действий (указанных в ст. 75 УК РФ) и выполнением требований специальных норм уголовного закона. Иными словами, к лицу, совершившему более тяжкое преступление, вполне обоснованно предъявляются дополнительные требования, выполнение которых, при соблюдении определенных условий, создает предпосылки для освобождения от уголовной ответственности.

Указанная правовая позиция исключает необходимость доработки и уточнения норм процессуального содержания, предусматривающих воз-

возможность прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), т.к. они приведены в соответствие с нормами материального права. Установление подобного соответствия имеет, прежде всего, прикладное значение, поскольку механизм уголовно-правового регулирования свободы личности, как известно, приводится в действие при содействии совокупности норм материального и процессуального содержания. Уровень взаимодействия указанных норм определяет конечный результат, отражающийся на эффективности правоприменительной деятельности, связанной с реализацией освобождения от уголовной ответственности.

Примечание 1 к ст. 1271 УК РФ закрепляет основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, признанного виновным в торговле людьми. Купля-продажа либо иные незаконные сделки в отношении человека в целях его эксплуатации позволяют привести в действие указанную уголовно-правовую норму только при совершении основного состава преступления и его квалифицированного вида, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 1271 УК РФ. Правовыми основаниями реализации нормы, предусмотренной данным примечанием, служат добровольное освобождение потерпевшего и содействие раскрытию совершенного преступления.

Добровольное освобождение фиксируется при наличии возможности и отсутствии стремления дальнейшего удержания потерпевшего независимо от выполнения условий, явившихся целью торговли людьми. Во внимание принимается реализованное по собственной инициативе активное, добровольное, позитивное посткриминальное поведение лица, направленное на предупреждение либо смягчение социально опасных последствий реализованного деяния, оказание конкретной помощи правоохранительным и правоприменительным органам в раскрытии преступления и доказывании виновности иных его соучастников. Добровольное освобождение потерпевшего означает, что виновное лицо по собственной воле сообщает в правоохранительные органы о реализованном общественно опасном деянии. Подобное волеизъявление может сопровождаться собственной инициативой субъекта, советами, рекомендациями и убеждениями со стороны других лиц при наличии объективной возможности избежать уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности.

Содействие раскрытию преступления должно выражаться в активных действиях виновного лица, направленных на оказание помощи следственно-судебным органам в обнаружении предметов, орудий и следов

совершенного преступления, задержании и изобличении иных его соучастников, предоставлении доказательств, имеющих значение по делу. Условиями освобождения от уголовной ответственности признаются впервые совершенное преступление и отсутствие в деянии лица признаков иного состава преступления. Вследствие этого освобождению не подлежат лица, имеющие судимость, состоящие под следствием или судом, а также находящиеся в розыске. Однако анализируемый вид освобождения от уголовной ответственности может применяться к лицам, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности, но освобожденным, в том числе по нереабилитирующим основаниям.

В качестве иного состава преступления, сопровождающего куплю-продажу либо совершение иных сделок в отношении человека, могут выступать похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда, незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, вовлечение в занятие проституцией, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, изнасилование, совершение иных насильственных действий сексуального характера. Такое компромиссное решение обуславливается стремлением законодателя предотвратить наступление социально опасных последствий, вызванных фактом нарушения уголовно-правового запрета, обеспечить раскрытие преступления, изобличение его соучастников, нейтрализацию причин и условий, детерминирующих противоправные деяния.

Совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования свободы личности может способствовать модернизация нормы, регламентирующей специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица, признанного виновным в торговле людьми. Такой подход позволит устранить сомнения в необходимости избрания социально полезной линии поведения. Стремление виновного к освобождению от уголовной ответственности позволит его сделать гарантом прекращения противоправной деятельности и дальнейшего причинения вреда социально значимым интересам и отношениям, охраняемым уголовным законом.

Данная позиция поддерживается на страницах специальной литературы исследователями, высказывающими суждения относительно необходимости совершенствования примечания 1 к ст. 1271 УК РФ. По мнению одних авторов, в данной уголовно-правовой норме содержатся излишние условия освобождения от уголовной ответственности. В этой связи предла-

гается привести их в соответствие с примечанием к ст. 126 УК РФ¹. Другие исследователи указывают на целесообразность учета в данном примечании отдельных признаков общей нормы, предусмотренной ст. 75 УК РФ, и расширение действия специальной поощрительной нормы путем исключения термина «впервые» из содержания анализируемого примечания².

Стимулирование послепреступного поведения виновного предполагает сохранение возможности применения специального вида освобождения от уголовной ответственности, в том числе к лицам, характеризующимся устойчивой асоциальной линией поведения и соответствующими антиобщественными установками. Такой подход окажет содействие в решении вопросов обнаружения, раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с торговлей людьми, обеспечению неприкосновенности потерпевших, сохранению их жизни и здоровья. Повышению эффективности действия указанной нормы может содействовать исключение дополнительных ограничений на возможность ее применения.

Последовательным в этой связи представляется изложение примечаний к ст. 126, 127.1 УК РФ в следующей редакции:

«Примечание. 1. Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее потерпевшего, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержатся признаки иного состава преступления».

Таким образом, на виновных в похищении человека и торговле людьми могут распространяться по существу идентичные специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Единообразный подход нормативно-правового регулирования освобождения от уголовной ответственности исключает проблемы реализации данного института. Однако нерешенность указанных вопросов может стать причиной отмены обвинительного приговора³.

Следует отметить, что основанием отмены определения суда первой инстанции по делу Д., признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 162, ч. 2 ст. 209 УК РФ, послужило его освобождение от уголовной ответственности, а не от наказания. Учитывая, что психическое расстройство наступило после совершения преступления, руководствуясь ч. 1 ст. 81 УК РФ, суд должен был освободить виновного от наказания с назначением принудительных мер медицинского

¹ Буряк М.Ю. Указ. соч. С. 27.

² Стукалов В.В. Указ. соч. С. 22.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 6. С. 35.

характера. Данное нарушение уголовного закона, по мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, признано существенным, требующим направления дела на новое судебное рассмотрение¹.

Резюмируя проблемы реализации освобождения от уголовной ответственности за преступления против свободы личности, необходимо отметить, что возникающие на правоприменительном уровне вопросы требуют своевременного разрешения путем установления взаимодействия норм материального и процессуального содержания, обеспечивающих эффективное функционирование механизма уголовно-правового регулирования свободы личности. Анализ законодательной регламентации позволяет констатировать определенную рассогласованность исследуемых норм. В противоречие уголовному и уголовно-исполнительному законодательству (ч. 1 ст. 2 УК РФ, ч. 2 ст. 1 УИК РФ) в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствуют задачи уголовного судопроизводства. Подмена задач «назначением уголовного судопроизводства» в ст. 6 УПК РФ, не вполне вписывающейся в содержание гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства», не содействует оптимизации деятельности суда, прокуратуры, органов следствия по уголовно-правовому регулированию свободы личности. Концентрация внимания на назначении уголовного судопроизводства, по существу исключает реализацию специально-предупредительной функции, ставит под сомнение необходимость выявления причин и устранения условий, способствующих совершению преступлений.

Совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования свободы личности может способствовать модернизация отдельных норм уголовно-процессуального законодательства. Вследствие этого определенное сомнение вызывает содержание ст. 21 УПК РФ. Акцент внимания не на полном и своевременном раскрытии преступления, а на процедуре уголовного преследования виновных лиц артикулирует обвинительный уклон уполномоченных государственных органов и должностных лиц. Более приемлемым представляется такое законодательное решение, которое ориентирует суд, прокурора, следователя на принятие всех необходимых мер к установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении, привлечению их к уголовной ответственности либо освобождению от уголовной ответственности.

В завершение следует заключить, что внесение изменений в содержание примечаний к ст. 126, 127.1 УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно или по требованию

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 9. С. 14.

властей совершивших совокупность необходимых и достаточных позитивных посткриминальных действий, исключивших наступление общественно опасных последствий при условии отсутствия в деянии виновного признаков иного состава преступления, создает предпосылки для предупреждения преступлений против свободы личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ реализации конституционализированного права человека на свободу с учетом международных стандартов в области прав и свобод человека, позитивных и негативных тенденций уголовно-правового регулирования свободы личности в рамках национальной и зарубежных правовых систем демонстрирует актуальность комплексного подхода к проблеме уголовно-правовой охраны свободы личности в РФ.

Комплексный подход к решению данной проблемы предполагает создание механизма уголовно-правового регулирования свободы личности, системообразующими элементами которого следует признать: 1) совершенствование нормативно-правового регулирования свободы личности в уголовном законодательстве РФ; 2) разрешение коллизионных вопросов, связанных с квалификацией противоправных посягательств на свободу личности на правоприменительном уровне; 3) повышение эффективности наказания и иных мер уголовно-правового характера за преступления против свободы личности.

В процессе совершенствования нормативно-правового регулирования необходимо учитывать методологические и доктринальные составляющие правовой категории «свобода личности». Изучение правового опыта уголовно-правового регулирования свободы личности в отечественном и зарубежном праве показало, что в основу охраны права человека на свободу положено разграничение категориальных понятий – «свобода личности» и «личная свобода человека». Формализованная и институционально дефиницированная зарубежной и отечественной философско-правовой мыслью категория «личность» подразумевает индивидуальный, целостный и познающий себя субъект разумной и целенаправленной деятельности, детерминированной его волей. Вследствие этого правовая категория «свобода личности» предусматривает свободу определения человеком действия, бездействия и распоряжения собой независимо от внешних принуждений, свободу выбора индивидуумом мотивации поведения и свободу воли человека как детерминанты его поведения.

Доктринальная правовая конструкция «свободы личности» характеризуется многообразием подходов, неоднозначным толкованием и различной регламентацией в национальных правовых системах. В качестве методологических составляющих свободы личности как правовой категории определены личные (гражданские), политические (публичные) и экономические свободы. Правовое регулирование личной свободы человека

повлекло институционализацию таких правовых категорий как права человека на свободу, личную неприкосновенность, свободу передвижения, свободу выбора места жительства и места пребывания, свободу совести и вероисповедания, свободу частной жизни и др. Право человека на свободу предполагает гарантирование государством индивидуальной (физической) свободы человека, предусматривающей свободный выбор деятельности (бездействия), в том числе распоряжение органами своего тела. В этой связи основой уголовно-правового регулирования в соответствии со ст. 22 Конституции РФ, устанавливающей право человека на свободу, признается субъективное право, детерминирующее его власть над самим собой, свободу от внешнего принуждения, рабства и невольничества.

Анализ правового опыта уголовно-правовой охраны свободы человека показал, что определение универсальных для всех государств мира стандартов в области обеспечения личных прав и свобод человека есть результат длительного правового развития, характеризующегося в силу разноразличности социальной, экономической, политико-правовой систем и цивилизационных особенностей государств, образующих романо-германскую, англо-саксонскую и мусульманскую правовые семьи, противоречиями, возникающими в процессе правового оформления и реализации права человека на свободу.

Несмотря на сложившиеся конкурирующие модели правового регулирования, плюралистичность формаций и социально-генетический код, транслирующий национальные ценности, идея универсальности свободы человека, принимая во внимание позитивные решения Венского конгресса 1815 г., Аахенского конгресса 1818 г., Берлинской конференции 1884–1885 гг., Брюссельской конференции 1889–1890 гг., Международного договора 1904 г., Международной конвенции 1910 г., Сен-Жерменской конвенции 1919 г., Международной конвенции 1921 г., Конвенции о рабстве 1926 г., Конвенции о принудительном или обязательном труде 1930 г., Международной Конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г., получила отражение в ряде современных международных актов, определяющих стратегические направления национальной правовой политики.

Правовую основу реализации права человека на свободу образуют принятые в соответствии со Всеобщей Декларацией прав человека 1948 г.: Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1951 г.; Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1957 г.; Конвенция об

упразднении принудительного труда 1957 г.; Декларация прав ребенка 1959 г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г.; Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г.; Венская декларация и Программа действий 1993 г.; Пекинская декларация 1995 г.; Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Протокол № 1 против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, Протокола № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее 2000 г.; Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.; Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми 2010 г. и созданные на их основе конвенционные контрольные органы, призванные гарантировать соблюдение стандартов в области прав человека и обеспечивать эффективную правовую защиту в случае их нарушения.

Разработка стратегии по реализации права человека на свободу предопределила регионализацию международных стандартов в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американской конвенции о правах человека 1969 г., Африканской хартии прав человека и прав народов 1981 г., Исламской декларации прав человека 1990 г., Арабской хартии прав человека 1999 г.; Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1998 г. и Модельного закона 2008 г., содержащих комплекс совместных мер правового, социально-экономического, информационного, образовательного, оперативно-розыскного и иного характера по противодействию преступлениям против свободы человека.

Однако эффективность мер уголовно-правовой охраны предопределена отсутствием на международном и региональном уровнях правовой дефиниции права человека на свободу, детерминировавшим неоднозначные подходы в уголовном законодательстве России и иностранных государств к структурированию норм Особенной части, определению системы и классификации преступлений. Наметившийся плюрализм в правовой оценке свободы человека и сложившееся в отечественной и зарубежной

доктрине уголовного права разграничение норм о «похищении», «заключении», «задержании», «принуждении» и «угрозе», обусловили причисление к преступлениям против свободы личности таких составов как похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, незаконное удержание человека, захват заложника, незаконное задержание, незаконное заключение под стражу, незаконный арест, незаконное содержание под стражей, торговля людьми, эксплуатация человека и др.

Принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., декларирующей усиление роли государства как гаранта безопасности личности, актуализировали проблему гармонизации национального законодательства, совершенствования нормативного правового регулирования и разработку иных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений. Одной из приоритетных задач следует признать принятие Концепции развития уголовно-правовой политики Российской Федерации, конкретизирующей правовые, организационные и информационные средства уголовно-правовой охраны свободы человека.

В контексте стратегических направлений уголовно-правовой политики РФ предлагается внести изменения в структуру норм Особенной части, наименование гл. 17 УК РФ, классификацию составов преступлений против личной свободы человека, содержание норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, содействующих совершенствованию нормативно-правового регулирования свободы личности и оптимизации правоприменительной деятельности в РФ.

Для устранения коллизионных вопросов, связанных с квалификацией преступлений против свободы личности, предусмотренных гл. 17 УК РФ, предлагается осуществить систематизацию положений, изложенных в постановлениях Президиума Верховного Суда РФ и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против личной свободы человека», позволившего выработать унифицированный подход и разрешить противоречия, возникающие на правоприменительном уровне. В постановлении в целях правильной юридической оценки посягательств на свободу личности предлагается разработать единый подход к квалификации преступлений, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, и основаниям отграничения от иных составов преступлений.

В контексте реализации основных направлений уголовно-правовой политики РФ одной из перспективных мер противодействия преступлениям против свободы личности признается внесение изменений в УК РФ в части назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Комплексный подход к уголовно-правовой охране свободы личности требует повышения эффективности норм, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абубакиров Ф.М. Купля-продажа человека и иные действия, совершенные в целях эксплуатации в отношении двух или более лиц / Ф.М. Абубакиров // Создание регионального механизма защиты жертв торговли людьми : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2009. – С. 37–43.

2. Авдеев В.А. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Рос. следователь. – 2013. – № 18. – С. 33–35.

3. Авдеев В.А. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Рос. юст. – 2013. – № 7. – С. 20–22.

4. Авдеева Е.В. Детерминанты преступлений против свободы личности в Российской Федерации / Е.В. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 146–154.

5. Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Авдеева катерина Вадимовна. – Екатеринбург, 2013. – 240 с.

6. Авдеева Е.В. Правовые основы обеспечения свободы личности в России / Е.В. Авдеева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 3 (89). – С. 113–116.

7. Авдеева Е.В. Уголовно-правовое обеспечение права человека на личную свободу в национальном праве / Е.В. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 162–171.

8. Адмиралова И.А. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования похищения человека (ст. 128 УК РФ) и торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) / И.А. Адмиралова // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 7. – С. 17–18.

9. Андрианов А.В. Некоторые аспекты торговли людьми как организованного трансграничного преступления / А.В. Андрианов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2001. – № 3. – С. 17–21.

10. Бабаев М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. Бабаев, Ю. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.

11. Беляева Л.И. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней / Л.И. Беляева, Н.Г. Кулакова. – М., 2002. – 136 с.
12. Блажнов А.Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Блажнов. – Омск, 2005. – 165 с.
13. Бойко Н.В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.В. Бойко. – Харьков, 1989. – 164 с.
14. Бурлаков В.Н. Перестройка уголовного закона: результаты и перспективы / В.Н. Бурлаков, Н.И. Пряхина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 6–16.
15. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ю. Буряк. – Владивосток, 2005. – 246 с.
16. Волков К.А. Почему проблема торговли людьми и эксплуатации человека остается острой? / К.А. Волков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 142–149.
17. Волков К.А. Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория / К.А. Волков // Рос. юст. – 2011. – № 3. – С. 18–21.
18. Гаджиэминов Б.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы похищения человека : по материалам Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б.А. Гаджиэминов. – Махачкала, 2000. – 171 с.
19. Горбань Е.Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Г. Горбань. – М., 2012. – 28 с.
20. Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство / С.А. Горшкова. – М. : НИМП, 2001. – 352 с.
21. Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда / С.В. Громов // Рос. следователь. – 2005. – № 3. – С. 26–28.
22. Дженис М. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии) : пер. с англ. / М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. – М. : Права человека, 1997. – 640 с.

23. Дмитриев Д.Н. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика незаконного лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Н. Дмитриев. – Иркутск, 2005. – 164 с.
24. Долголенко Т. Уголовная ответственность за торговлю людьми / Т. Долголенко // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 23–25.
25. Зайдиева Д.Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Я. Зайдиева. – М., 2006. – 181 с.
26. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации / Л.В. Иногамова-Хегай // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 84–92.
27. Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Казамиров. – Рязань, 2003. – 179 с.
28. Карасева М.Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ю. Карасева. – М., 2007. – 186 с.
29. Карташкин В.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии / В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 37–45.
30. Кибальник А.Г. Проблемы международного уголовного права в зарубежных диссертационных исследованиях / А.Г. Кибальник // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 162–177.
31. Козаченко И.Я. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации торговли людьми и использования рабского труда / И.Я. Козаченко, Е.В. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 63–68.
32. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашова. – Екатеринбург, 2000. – 76 с.
33. Коробеев А.И. Обзор 5-й сессии Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации» / А.И. Коробеев, В.В. Сонин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 25–37.

34. Коробеев А.И. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени / А.И. Коробеев // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 89–91.
35. Краев Д.Ю. Квалификация похищения человека с целью его последующего убийства / Д.Ю. Краев // Законность. – 2011. – № 4. – С. 60–65.
36. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов : Полиграфист, 1996. – 211 с.
37. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система / Н.М. Кропачев. – СПб., 1999. – 260 с.
38. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.Л. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 300 с.
39. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Юрист, 2005. – 352 с.
40. Лист Ф. фон. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. ; предисл. В.С. Овчинский / Ф. фон Лист. – М. : Изд-во НИЦ «Инфа», 2013. – 110 с.
41. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности : пер. с фр. / Ф. Люшер. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1993. – 384 с.
42. Мартыненко Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Э. Мартыненко. – М., 1994. – 203 с.
43. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show>.
44. Мхитарян Л.К. Криминологическая характеристика и предупреждение торговли людьми и их эксплуатации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.К. Мхитарян. – М., 2011. – 26 с.
45. Никулина Е.В. Анализ уголовно-правовых проблем похищения человека и его криминологическая характеристика в Северо-Кавказском регионе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Никулина. – М., 2006. – 181 с.
46. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т. Н. Нуркаева. – Казань, 2006. – 396 с.

47. Олимпиев А.Ю. Международное сотрудничество в противодействии торговле людьми / А.Ю. Олимпиев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. – 87 с.
48. Орцханова Т.М. Уголовно-правовое противодействие использованию рабского труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.М. Орцханова. – М., 2012. – 24 с.
49. Плохова В.И. Конституционные и международные нормы в УК РФ / В.И. Плохова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 96–105.
50. Попов В.А. Уголовно-правовые меры борьбы с использованием рабского труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Попов. – М., 2010. – 24 с.
51. Пучнин В.М. Преступления против свободы: история формирования / В.М. Пучнин // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 8. – С. 43–46.
52. Рарог А.И. Актуальные проблемы уголовного права / А.И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 90–95.
53. Ревин В.П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства / В.П. Ревин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 37–43.
54. Севастьянов А.П. Значение судейского усмотрения при выборе наказания в рамках санкции / А.П. Севастьянов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 98–103.
55. Сергевнин В.А. Гармонизация уголовно-правовой политики России в сфере назначения и исполнения наказания / В.А. Сергевнин, В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 79–93.
56. Сергевнин В.А. Международно-правовые основы противодействия преступности / В.А. Сергевнин, В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Авдеева. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. – 296 с.
57. Стукалов В.В. Уголовно-правовые аспекты торговли людьми : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Стукалов. – Ростов на/Д, 2012. – 24 с.

58. Ушакова Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Ушакова. – М., 2012. – 25 с.

59. Ханов Т.А. Взаимодействие Российской Федерации и Республики Казахстан в противодействии преступности, связанной с торговлей людьми / Т.А. Ханов, А.В. Борецкий // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 76–81.

60. Шахаев Ю.А. Противодействие латентной преступности в Республике Дагестан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А. Шахаев. – М., 2013. – 34 с.

61. Glad R.P. Human Rights in the World Communiti / R.P. Glad, V.H. Weston. – Philadelphia, 1989. – 246 p.

Научное издание

Авдеева Екатерина Вадимовна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Издается в авторской редакции

Подготовлено к печати М.С. Александровой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 29.12.15. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.